

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. ХАЛИКОВА

Город БОЛГАР

*История
изучения и сохранения*

Ответственный редактор
А.Г. СИТДИКОВ

МОСКВА НАУКА 2021

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
Г70

Редакционная коллегия:

А.Г. Ситдигов (ответственный редактор), *И.Р. Каримов*,
В.С. Баранов, *Д.Г. Мухаметшин*, *М.Д. Полубояринова*, *Р.Р. Салихов*,
Р.Р. Фахрутдинов, *Р.Ф. Шарифуллин*

Рецензенты:

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН *В.В. Напольских*,
доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ *И.А. Гилязов*

Город Болгар : История изучения и сохранения / Ин-т археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан; отв. ред. А.Г. Ситдигов. М. : Наука, 2021. – 271 с., ил. – ISBN 978-5-02-40153-2 (в пер.)

Монография посвящена различным аспектам изучения, сохранения и использования Болгарского городища и его округи. В исследовании представлены результаты проведенных в последние годы археологических, историко-архивных, музееведческих исследований. Книга содержит большое количество иллюстраций.

Для археологов, историков и широкого круга специалистов, занимающихся историей материальной и духовной культуры средневековой Восточной Европы и Волго-Уральского региона.

В оформлении обложки использован рисунок Белой палаты из альбома «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. архитектором А. Шмитом». 1832 г. – *Абдуллин Х.М.*, *Баранов В.С.*, *Бугров Д.Г.*, *Ситдигов А.Г.* Музей болгарской цивилизации. Т. 3. С. 35. 23.1.42.

ISBN 978-5-02-40153-2

© Институт археологии им. А.Х. Халикова
АН Республики Татарстан, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-
издательское оформление, 2021

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Болгарское городище X–XV вв. является историческим и археологическим памятником, по праву причисленным к выдающимся центрам культурного наследия мирового значения. Болгарский историко-археологический комплекс, объединивший на основе этого памятника археологические и историко-архитектурные объекты разных этносов и эпох, стал ярким примером геополитических и исторических преобразований Евразии с древности до XXI в., которые сыграли ключевую роль в процессах формирования государств и цивилизаций. Он засвидетельствовал распространение мусульманства и православия в регионе Волго-Камья, стал площадкой для взаимодействия обычаев и культурных традиций современного татарского и других народов евразийского континента.

Узел контактных зон и пересечения культур в регионе Волго-Камья сложился с древнейших времен. Многочисленные народы, жившие здесь, являются неотъемлемой частью евразийской цивилизации.

Многоаспектное изучение Болгарского государства – большая историко-культурная проблема, имеющая выход на целый спектр наук и самостоятельных направлений научного поиска. История Болгарской цивилизации необычайно ярко демонстрирует огромный потенциал тюркских, славянских, финно-угорских народов, выраженный в развитой градостроительной деятельности, создании передовых систем хозяйства и ремесла, производстве многочисленных материальных, культурных и духовных ценностей. На протяжении многих веков Болгар оказывал устойчивое воздействие на развитие архитектуры, технологий, монументального и декоративного искусства, градостроительства, сферы духовной культуры Евразии.

Первоначальные попытки описания данного памятника, представляющего собой яркое и сложное явление в урбанистической культуре евразийского континента, были предприняты, по существу, уже в XVII–XVIII вв. Научные исследования различных участков городища начались в XIX – начале XX в. Первыми научными раскопками Болгара были работы В.Г. Тизенгаузена в 1864 г.

Крупным вкладом в изучение Болгарского городища стали систематические исследования, начатые под руководством А.П. Смирнова в 1938 г. и продолжаемые его учениками и последователями до настоящих дней. В 2010–2018 гг. на территории городища реализовывалась научно-исследовательская и хозяйственная программа, предполагающая обширные преобразования в музейном деле, благоустройстве заповедной территории и широкомасштабные комплексные научные изыскания памятника. В качестве инициаторов данной программы выступило Правительство и Кабинет министров РТ во главе с М.Ш. Шаймиевым. Был учрежден фонд «Возрождение», внесший значительный вклад в дело реализации данного проекта. Одним из важных результатов его исполнения стало претворение в жизнь планов внесения Болгарского архитектурно-археологического комплекса в Список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО 23 июня 2014 года. Одним из значимых элементов реализации данной программы является публикация результатов

проводимых исследований в изданиях научной и научно-популярной направленности, среди которых монографическая серия «Город Болгар», издающаяся с 1987 года, является в настоящий момент наиболее полным академическим изданием, посвященным вопросам изучения Болгарского городища. В его создании принимали участие такие ученые и исследователи как Г.А. Федоров-Давыдов, Т.А. Хлебникова, М.Д. Полубояринова, С.С. Айдаров и многие другие.

Данная книга является седьмой в серии «Город Болгар». Том посвящен разнообразным аспектам истории изучения и сохранения Болгарского городища.

В очерке И.Л. Измайлова представлен богатый фактический материал по истории Болгара по арабо-персидским и западноевропейским письменным источникам X–XV вв. и их источниковедческий анализ на основе новых научных данных.

В материале А.Г. Ситдикова и И.М. Нестеренко освещена длительная история изучения и сохранения города Болгара в XVII–XXI вв., приведены разнообразные описания, заметки, свидетельства ученых, путешественников, государственных деятелей о посещении Болгарского городища, данные об осуществлении работ по сохранению памятников Болгара в разные периоды истории.

Х.М. Абдуллиным введены в научный оборот новые данные и источники по охране археологических и архитектурных памятников Болгарского городища в XIX в. – времени начала системной государственной работы по учету и охране памятников Болгара.

В очерке А.Г. Ситдикова и Р.Р. Валиева проведен анализ и подведены итоги современных археологических изысканий на территории Болгарского городища и его округи. Значительный объем новых знаний об этапах развития города, уникальная источниковая база, полученная в результате комплексных исследований 2010–2015 гг., позволили расширить представления об экономике города и быте горожан, приобрести новые данные о топографии памятника и стратиграфической шкале городища.

История создания и развития Болгарского музея-заповедника, как важной формы деятельности по изучению, сохранению и использованию культурного наследия Республики Татарстан и Российской Федерации в целом рассмотрена в материале Р.Р. Хайрутдинова, С.Г. Персовой и А.Г. Ситдикова.

Природному ландшафту Болгарского городища посвящен очерк В.Н. Калущкого, П.М. Шульгина и О.Е. Штеле. Авторами рассмотрены опасные и неблагоприятные природные процессы, а также экологически ценные природные объекты на территории памятника.

Р.М. Валеев, Р.Р. Хайрутдинов, А.Г. Ситдигов, В.С. Баранов на основе современных методологических подходов по изучению историко-культурного наследия представили многоплановый и системный анализ выдающейся универсальной ценности Болгарского комплекса, а также современные принципы его управления в контексте включения памятника в Список Всемирного наследия.

ИСТОРИЯ БОЛГАРА ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

И.Л. Измайлов

БОЛГАР В X–XIII ВЕКАХ

В восточной арабо-персидской и еврейской историко-географической литературе первые сведения о болгарях появляются во второй половине IX в., а в начале X в. формируется традиция, которая развивалась до середины XIII в. Отдельные сочинения, использовавшие ее, создавались вплоть до позднего Средневековья, явственно демонстрируя кризис географии как науки в мусульманском мире.

В мусульманской географии наиболее ранним сводом, где упоминаются болгары, является «Книга картины земли» ал-Хваризми, относящаяся к первой половине IX в. Географическая и научная номенклатура в нем воспроизводит с некоторыми дополнениями и изменениями текст «Географии» Птолемея. Среди локусов, отсутствовавших у Птолемея, но указанных ал-Хваризми имеется «страна Сарматийа, а она – земля бурджан»¹. Указание, что болгары (бурджан/бургар/болгар) находятся в стране Сарматия, – свидетельство локализации нового для географов народа внутри известного исторического пространства и в связи с этой традиционной номенклатурой народов. Сведения о народе «бурджан» в данном контексте, очевидно, следует отнести к Дунайской Болгарии, хотя сведения эти настолько неопределенные, что могут быть и обобщающим указанием на то, что в бывшей стране Сарматии ныне живут болгары, поскольку знания о других народах Восточной Европы (исключая алан и хазар) у ал-Хваризми отсутствуют². В этом смысле соотнесение вновь полученных сведений с традицией, особенно с мифической – было не столько формой и способом подачи этих сведений, сколько целью географических описаний. Все остальные восточные географические описания IX–X вв. без особых дополнений сохраняют сведения и географическую номенклатуру ал-Хваризми.

Постепенно в Арабском Халифате сформировалась своя географическая школа. Основателем ее считается выходец из Хорасана Абу Зейд Ахмед Ибн Сахл ал-Балхи (850–920-е). Считается, что он был кабинетным

ученым, хорошо знакомым с трудами предшественников и современников. Итогом его трудов стало написанное в 920 г. сочинение, известное под несколькими названиями: «Картины климатов» («Сувар ал-аклим»), «Разделение стран» («Таквим ал-булдан»), состоявшее из собрания карт с краткими пояснениями. Труд этот до нас не дошел, но стал основой для развития классической географической школы³.

Первым подробным и самым оригинальным сочинением о булгарах является знаменитая «Записка» («Рисале») Ахмеда Ибн Фадлана, который в 921–922 гг. в составе посольства багдадского халифа, в котором он был секретарем, побывал на берегах Волги, совершив длительное путешествие от Багдада до Булгарии, через Бухару и Ургенч. После возвращения из него он оставил отчет, который получил определенную популярность среди любителей географии и просто диковинок. В ней Ибн Фадлан не просто описал довольно подробно, местами практически подневно, свое путешествие и увиденные страны и народы, но и дал полные, почти этнографические описания обычаев, обрядов, верований и быта различных народов и их взаимоотношений (связи огузов с булгарами, булгаро-хазарские отношения и т.д.)⁴, особенно булгар и живших близ ставки правителя булгар руссов⁵. Сокращенный вариант «Записки» включил в свой труд автор начала XIII в. Йакут ар-Руми, извлечения из которого неоднократно публиковались в России в трудах Х.Д. Френа, Ш.Марджани и А.Я. Гаркави. Однако, в 1922 г. востоковед Заки Валиди (Тоган) обнаружил в Мешхеде (Иран) более полный текст «Записки», который был им изучен и опубликован. В 1937 г. фотокопия рукописи была передана шахом Ирана в дар Академии наук СССР. На ее основе был сделан перевод на русский язык А.П. Ковалевским⁶ (рис. 1–3).

Фактически, судя по тексту этого сочинения, арабское посольство побывало близ Болгара и, очевидно, именно там была ставка Алмуша, где он провел официальную встречу посольства и прожил значительную часть лета 922 г. Не исключено, что в районе Болгара Ибн Фадлан видел поселок русов и наблюдал погребение одного из их вождей. Доказательством этого служат найденные археологические следы пребывания скандинавских дружин в Болгаре, а также курганный могильник скандинавского типа, открытый близ с. Балымеры в 13 км к юго-западу от Болгара⁷. Поскольку Ибн Фадлан прямо не указал, что жил в городе, то в исторической литературе возникла дискуссия о существовании Болгара в начале X в. и причинах не упоминания этого города⁸. Не вдаваясь в подробности этого давнего спора, следует сказать, что Ибн Фадлан сделал все указания, чтобы историки поняли, что он побывал не в кочевом стане, а в оседлом поселении, но не назвал его (рис. 4).

С одной стороны, трудно ожидать, что образованный житель столичного Багдада назовет небольшое поселение «городом». Видимо, это было просто невозможно по причинам цивилизационным. С другой – Алмыш и его ставка все лето передвигались по стране, осуществляя прерогативы власти и усмиряя непокорных подданных. Такова была обычная практика

в раннесредневековых государствах не только кочевников (Булгария, Хазария, Уйгурский каганат и др.), но и вполне оседлых держав – Киевской Руси и Империи Карла Великого. В этих условиях у арабских послов было еще меньше осознания важности существования в регионе первых стационарных поселений. Можно долго спорить, не находя прямых указаний в «Записке» Ибн Фадлана о городе Болгаре, но для общего понимания важности некоторых упоминаний поселений важен весь контекст, включая и археологические данные⁹.

Очевидно, несколько ранее или примерно во время обмена болгар посольствами с Багдадским Халифатом появляется труд, который сыграл важную роль в консолидации и развитии сведений о Восточной Европе и Центральной Азии – так называемая «Анонимная записка о Восточной Европе», которую обильно цитируют различные авторы – Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази, ал-Бекри, анонимный автор «Худуд ал-‘алам» и др. Установлено, что этот цикл известий о Восточной Европе – старейший из сохранившихся в арабской географии и, видимо, восходит к полной редакции труда ал-Джайхани, Ибн Хордадбеха или кого-то из ранних авторов. Авторство и характер сведений вызывают дискуссию среди ориенталистов¹⁰. Е.С. Галкина полагает, что на основе сохранившихся отрывков можно реконструировать свод сведений «О тюрках»¹¹.

Первым сочинением, где этот трактат был использован, являлся труд «Дорогие ценности» Ибн Русте – часть большой энциклопедии, отдельный том, посвященный астрономии и географии. По мнению большинства востоковедов, он был написан между 903 и 913 гг. и служит содержательным источником сведений о булгарах и тюрках Евразии. На русский язык разделы, посвященные булгарам и другим народам Восточной Европы, были опубликованы в 1869 г. Д.А. Хвольсоном¹² (рис. 8).

В этом сочинении нет указания на город Болгар, хотя есть указание, что «Булгары» являются одним из племен. Отмечается также, что страна Булгар располагается по берегам Волги и по ней приезжают русы, которые торгуют здесь и платят пошлины¹³. Трудно сказать, почему города булгар в этом компендиуме не указаны – то ли компилятор не выбрал сведения из главы «О тюрках», то ли ее еще там не было.

Весьма важными для развития представлений о странах и народах Восточной Европы для X–XIII вв. являются труды арабского энциклопедиста, «арабского Геродота» Абу-л-Хасан ал-Мас’уди (ум. 956 г.). В своих трудах этот автор использовал как сведения греческой и арабской географической традиции, так и свои собственные оригинальные наблюдения, почерпнутые из многочисленных путешествий¹⁴. Наиболее популярная книга ал-Мас’уди «Золотые копи и россыпи самоцветов» – настоящая энциклопедия с особым вниманием к историческим сюжетам¹⁵. Сведения о булгарах и Булгарии довольно общие¹⁶, хотя и содержат некоторые интересные материалы о войнах булгар с русами и наличие у них соборной мечети¹⁷. В этом сочинении также нет прямых указаний на существование города Болгара.

Последователем ал-Балхи стал Абу Исхак ал-Фарис ал-Истахри с трудом «Книга путей и стран» («Китаб масаликва-л-мамалик») (рис. 5, 6). В него вошел не только труд предшественника, но и материалы, которые ал-Истахри собрал во время своих путешествий. Наибольшую популярность получила вторая редакция этого труда (около 950), получившая распространение в арабо-персидской географии. Сведения о народах Восточной Европы, восходят к трудам предшественников (включая, видимо, «Анонимную записку») и, возможно, «Записке» Ибн Фадлан и содержат много архаизмов. В свою очередь сочинение ал-Истахри легло в основание географического труда Абу-л-Касима Ибн Хаукаля «Книга картин земли» («Китаб ал-масаликва-л-мамалик»). Будучи дипломатическим агентом, он в середине X в. объездил весь мусульманский мир, побывав даже в Италии, Центральной Африке и Индии. Все это позволило ему дополнить материалы предшественников своими собственными наблюдениями и рассказами очевидцев. Такими были, очевидно, известия о войнах русов с хазарами и булгарами¹⁸.

Это важнейший источник, в котором впервые прямо упомянуты город Болгар и военно-политические события, связанные с ним. По данным этого автора, «Болгар – имя города, и они [булгары] – мусульмане, в [городе] соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч. У них – деревянные строения, укрываются в них зимой, а летом располагаются в шатрах... Внешний Булгар – город небольшой, нет в нем многочисленных округов, а известность его происходит вследствие того, что он – порт для [упомянутых выше] государств, а русы – народ в стороне Болгара, между ним и славянами»¹⁹.

Одним из крупнейших представителей «классической школы» считается Шамс-ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммед ал-Мукаддаси (946/947 – около 1000), арабский географ и путешественник. Посетив многие страны мусульманского Востока, он к 985 г. на основе личных наблюдений и критического изучения трудов предшественников, которые прекрасно знал и обильно цитировал, составил обобщенное описание этих стран в книге «Лучшее разделение для познания климатов» («Ахсанат-такасим фи мари-фат аль-акалим»). В 14 главах книги, посвященных отдельным «климатам» или областям, ал-Мукаддаси сообщает о географии и диковинках каждой из них, этническом составе населения, их обычаях и верованиях, хозяйстве и торговых путях. Интересны его сведения о Волге, стране и городах Булгарии²⁰.

Относительно булгарских городов его сведения явно восходят к трудам предшественников. Он писал: «Булгар [лежит] по двум сторонам реки. Их постройки из дерева и тростника, а ночь там – коротка, а соборная мечеть – на рынке. С тех пор как они стали мусульманами, они – газии. А [Болгар] – на Итиле, ближе к ал-Бухайре (т.е. Каспийскому морю. – *И.И.*), чем

касаба [Итил]. Сувар – на этой [же] реке. Жилища его жителей – палатки. У них много посевов, и хлеб там в изобилии²¹. Чуть ранее ал-Мукаддаси писал о Хазарии, упоминая болгарские города: «Что касается ал-Хазар, то это – обширный округ за ал-Бухайрой. Грязь непролазная, много овец, меда и иудеев. В дальнем конце его – стена Йаджудж и Маджудж, у границ его – области ар-Рума. В округе – две реки, на них [стоит] большинство городов. [Реки], меняя направление своего течения, [впадают] в ал-Бухайру. На границах [округа], со стороны Джурджана, гора Бинкишла (т.е. Мангышлак. – *И.И.*). Касаба его – Итил, а города его – Болгар, Самандар, Сувар, Баганд, Кайшава, Хамлих, Баланджар, ал-Байда»²² (рис. 7).

Данное сообщение – явная компиляция из сведений разных авторов. При этом довольно затруднительно совместить ментальную карту автора сочинения с географическими реалиями Поволжья, особенно в той части, где Болгар получается ближе к Каспийскому морю, чем Итиль, находившийся, очевидно, в дельте Волги. Возможно, это какое-то совмещение сведений о разных булгарах и их близости к Прикаспию. Этот пассаж является также воспроизведением и сокращением сюжета ал-Истахри и/или Ибн Хаукала о «Внешнем Булгаре», как портовом городе страны Хазарии. В любом случае рассматривать это известие изолированно и трактовать как наличие в Булгарии двух городов с названием Болгар, нет никаких оснований.

Особое место в сведениях о Булгарии занимает анонимный труд «Пределы мира от востока к западу» («Худуд ал-‘алам мин ал-машрик ила-л-магриб»). Написанный в 982/983 г. на персидском языке, он теснейшим образом был связан с арабской традицией, поскольку опирался на труды «классической школы». Текст этого источника сохранился в единственной рукописи, открытой в Бухаре в 1893 г. Фотокопия и перевод были изданы В.В. Бартольдом²³. Как источник «Худуд ал-‘алам» довольно сложная и противоречивая компиляция, рассмотрение его сведений требует сопоставления с работами предшественников, чтобы выявить сходство и расхождения с ним и вычленил авторские дополнения. В частности, в нем явно перепутаны сведения о буртасах и булгарах. Но, в целом, в нем есть уникальные сведения, которые делают его прекрасным источником для изучения средневековой истории Восточной Европы, в частности булгар²⁴.

Анонимный автор писал о булгарах: «Их три группы: бахдула (т.е. берсула. – *И.И.*), ишкиль (или эсегель/эсгиль/чигиль. – *И.И.*) и болгар; все они находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг другу друзьями... Болгар – город с небольшой областью, расположенный на берегу Итиля. В нем все [жители] мусульмане; из него выходит до 20 000 всадников. Со всяким войском кафиров, сколько бы его не было, они сражаются и побеждают. Это место крепкое, богатое. Сувар – город вблизи Болгара; в нем борцы за веру, так же, как в Болгаре»²⁵.

В этом сообщении, хотя и в довольно сильно переработанном виде, сохраняется традиция ал-Истахри, Ибн Хаукала и ал-Мукаддаси. Это

указание на два города на Итиле, на то, что все они мусульмане и борцы за веру, а число жителей в раннем варианте этой традиции превратилось в двадцать тысяч всадников – газиях (борцов за веру). Трудно сказать к чему относится сообщение о Болгаре, как «городе с небольшой областью», к его размерам или стране. В любом случае это сообщение имеется в более ранней традиции и является указанием, видимо, на небольшие размеры города по сравнению с Итилем и городами Востока.

Примерно к этому же времени относится довольно оригинальное сообщение хазарского каган-бека Иосифа. Оно находится в ответе Иосифа на послание высокопоставленного придворного, визиря кордовского халифа Абдаррахмана III иудея Хисдая Ибн-Шафрута, который, заинтересовавшись слухами о существовании на востоке иудейской державы, просил сообщить подробности о его стране. Иосиф ответил на него, написав письмо около 954–961 гг. Письмо Хисдая Ибн-Шафрута до нас не дошло, но ответ сохранился в двух вариантах – кратком и пространным. Первый открыл и издал еще в 1577 г. Исаак Акриш (1489–1578 гг.) – иудей-сефард, беженец из Испании. Но уже в 1874 г. петербургский востоковед А.Я. Гаркави среди документов, привезенных из Каирской генизы известным караимским собирателем древностей и ученым А.С. Фирковичем, нашел пространный редакцию этого письма и опубликовал ее²⁶. Позднее в Лондоне были найдены другие послания, относящиеся к этой переписке, что заставило поверить в ее аутентичность. В 1932 г. советский семитолог П.К. Коковцев собрал все эти тексты и издал их, снабдив комментариями и переводом²⁷ (рис. 9–12).

Для истории города Болгара имеет отношение один пассаж из послания *шада* (в письме – «царь» – евр. «*ha-melakh*») Иосифа: «Я живу у реки по имени Итиль в конце реки Гургена. Начало этой реки обращено к востоку на протяжении «месяцев пути». У этой реки [Итиль] расположены многочисленные народы: бург-с, булг-р, с-в-ар, арису, ц-р-мис, в-н-нтит, с-в-р, с-л-виюн. Они живут на открытой местности и в укрепленных стенами городах. Все они мне служат и платят мне дань»²⁸.

Данное свидетельство интересно указанием на то, что и болгары, и сувар (с-в-р) имеют свои города, что перекликается с сообщениями арабо-персидских сочинений. Однако никаких других подробностей письмо Иосифа не содержит.

Труд персидского историка Абу-л-Фазл Байхаки «История Мас'уда» занимает особое место в мусульманской исторической литературе. Труд представляет собой летопись, где в последовательном порядке, год за годом описаны события и происшествия, совершавшиеся Хорасана в 1030–1041 гг. Погодные записи являются как бы основными главами книги, подробно излагающими какие-либо значительные события данного года, а также вставные рассказы, приведенные к случаю из истории прошлых веков²⁹. Одну из таких вставок представляет уникальное известие Байхаки о контактах правителя булгар, которого он именует «Государем Болгара и той области, которую целиком называют Булгар» с Хорасаном³⁰.

Другой ученый-энциклопедист, Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмед ал-Бируни (973–1048), был выходцем из Хорезма, но почти всю жизнь прожил при дворе Газнийских султанов³¹ (рис. 13). Являясь придворным астрологом, он стал автором целого ряда популярных трудов по различным вопросам науки – астрономии, математике, медицине, географии, минералогии, этнографии, а также сводной хронологии мировой истории. Особый интерес вызывает его известие из «Хронологии» (1000), где он указывает, что «булгары Суvara» – есть «мусульманский народ», который живет на границе культурного мира, при этом они «... читают хутбу ... они говорят не по-арабски, а на своем языке, смешанном из тюркского и хазарского»³². Выразительны его сведения о народах йуру из «седьмого климата»³³, а также указания на точные координаты городов Болгара и Суvara. Некоторые сведения о булгарах и народах «седьмого климата» из его трудов получили освещение в исторической литературе³⁴.

По существу, сведения этого автора о городах Болгар и Сувар состоят в том, что они существовали, что это были мусульманские города далеко на севере, а расстояние между ними равнялось одному дню пути. Все эти сведения, как и точные географические координаты, были почерпнуты ал-Бируни из других сочинений и, к сожалению, не содержат принципиально новой информации.

Упоминание Болгара как «известного тюркского города»³⁵ содержится в знаменитом словаре Махмуда ал-Кашгари «Диван Луга тат-Тюрк» (рис. 14). Автор собирал сведения о различных наречиях тюрков, в том числе и о языке городов Болгар и Сувар и завершил свой труд в 1074 г.

Авторы XII в., работавшие над историко-географическими энциклопедиями, часто повторяли сведения предшественников, не стараясь дополнить их новыми данными. Таким был, например, персидский историк Гардизи, автор всемирной истории «Украшение известий» («Зайн ал-ахбар») ³⁶. Хотя это и компиляция, но она сохранила целый ряд сведений, искаженных переписчиками предшествующих трудов.

Довольно интересно также сочинение арабского историка Шараф аз-Замана Тахира ал-Марвази «Природа животных» («Таба'и ал-хайван»), написанное в начале XII в.³⁷ Заметно сходство сведений этого автора с трудами предшественников (в первую очередь «Худуд ал-'алам» и Гардизи), хотя сведения о булгарах и болгарских городах у него отсутствуют.

Важным и уникальным источником по истории Булгарии середины XII в. являются сочинения Абу Хамида ал-Гарнати (1080–1169). Испано-арабский писатель, проповедник и путешественник, побывавший в разных странах Старого Света от Испании до Сирии. В 30–50-е годы XII в. он жил в городе Саксине (Нижнее Поволжье) и Болгаре. В 1150–1152 гг. он совершил большое путешествие из Болгара в Киев, а оттуда в Венгрию, выполняя дипломатическое поручение. Через год он отправился в обратный путь. Описание своих путешествий он оставил в двух сочинениях: «Ясное

изложение некоторых чудес Магриба» («Му'риб ан ба'д 'аджа'ибал-Магриб») и «Подарок умам и выборка из чудес» («Тухфат ал-албабванухбат ал-а'джаб»). Книги содержат, кроме описаний самих путешествий, также интересные сведения об обычаях и жизни, диковинках и чудесах стран «седьмого климата». Эти материалы уникальны и отличаются богатством и разнообразием. Перевод на русский язык были сделаны Ю.А. Анцисом и О.Г. Большаковым и снабжены обстоятельными комментариями археолога и историка А.Л. Монгайта³⁸.

Ал-Гарнати, как путешественник, который видел Булгарию и жил в Болгаре, как источник неоценим, хотя его описания города довольно кратки. Он писал: «...А между Саджсином (Саксином. – И.И.) и Болгаром по этой реке (т.е. Волге. – И.И.) [надо плыть] сорок дней. А Болгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена – из дуба. ... Когда я поехал в страну славян, то выехал из Болгара и плыл на корабле по реке славян»³⁹.

В отличие от нарративной традиции, последователи которой переписывали и тасовали практически одни и те же сведения, ал-Гарнати видел все сам и живо описал виденное. Кроме указания на укрепления и постройки у него есть сведения о бане с высокими дверьми и сводами. К сожалению, его сведения относительно города Болгара являются лапидарными, чтобы представить его размеры и облик.

Один из популярных жанров средневековой персидской и арабской географической литературы – «аджа'иб». Особенностью их является органичное сочетание географической науки и литературного произведения. Одним из них является «Чудеса творений» / «Аджа'иб ал-Махлукат» – сочинение начала XIII в.⁴⁰, включающее интересные сведения о Булгарии, ее городах и особенностях климата, так или иначе восходящих к более ранней традиции. О городе Болгаре в нем сказано, что это «огромный город, в нем множество базаров»⁴¹.

Позднее эта историко-географическая традиция стала вырождаться, а авторы фактически переписывали сведения о Булгарии, восходящие к X в., сохраняя их без всяких дополнений и анализа реалий. Так, например, у автора Ибн 'Абд ал-Мун'има ал-Химйари, писавшего в XV в., в деталях воспроизведены сведения о Булгарии и Болгаре, восходящие к «Главе о тюрках». К сожалению, все эти сведения хорошо известны по более ранней традиции⁴². Точно такая же архаичная картина географии Восточной Европы представлена в сочинении Абд ар-Рашида ал-Бакуви «Китаб Талхис ал-асарвааджаиб ал-малик ал-каххар» («Сокращение [книги] о “памятниках” и чудесах царя могучего») (написано примерно в 1403–1414 гг.)⁴³, где автор, излагая всемирную географию, при описании стран «седьмого климата» руководствовался ранней традицией, описывая земли тюрок и упоминая города Сувар и Болгар⁴⁴. При этом он, используя раннюю традицию, восходящую еще к ал-Хорезми, совмещает сведения о Булгарии

и городе Болгаре со сведениями о Дунайской Болгарии и утверждает, что расстояние между городом Болгаром и Константинополем два месяца пути и между их царями ведутся войны. Все эти поздние сочинения, очевидно, имеют интерес только как свидетельство устойчивости нарративной традиции в среде кабинетных географов и не имеют отношения к реалиям Восточной Европы не только XV в., но, видимо, и к более раннему времени, поскольку сильно отягощены различными наслоениями и произвольными контаминациями.

Крупнейшим арабским географом XII в. был ал-Идриси, автор сочинения «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», 1154 г.). Это энциклопедическое произведение, в котором автор попытался свести воедино все географические знания, накопленные к середине XII в., является выдающимся памятником арабской географии. По занимаемому им месту в средневековой науке оно сопоставимо с трудами Страбона и Птолемея в истории античной географии. Сочинение ал-Идриси включает в себя не только текстуальную часть, но и подробнейшую карту мира, на которую нанесены наименования множества географических объектов Восточной Европы – морей, рек, озер, гор, стран и городов. Сведения о Восточной Европе содержат уникальные сведения о Волжской Булгарии. При этом надо иметь в виду, что этот автор часто путал Дунайскую Болгарию и Волжскую Булгарию, механически объединяя сведения, относящиеся к этим странам. До недавнего времени его сведения оставались малоисследованными как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Новейшим критическим изданием полного арабского текста сочинения является труд И.Г. Коноваловой⁴⁵. Позднее сочинение ал-Идриси стало основным источником для географических произведений двух авторов – Ибн Са'ида ал-Магриби (1208 или 1214–1274 или 1286) и Абу-л-Фиды (1273–1331), излагающих, кроме того, и некоторые новые сведения о народах Поволжья⁴⁶ (рис. 15).

Ал-Идриси писал: «Ал-Болгар – это название города. Среди его жителей есть христиане и мусульмане. В нем имеется соборная мечеть. Близ него расположен город Сувар. Его постройки деревянные, в них укрываются его жители зимой, а летом они укрываются в шатрах»⁴⁷. Далее он упоминает страну Буртас, а также сообщает сведения из какого-то неизвестного итинерария по Восточной Европе, поскольку сообщает количество переходов между различными городами и странами Восточной Европы. В частности, ал-Идриси указывает, что «От [города] Исил до [города] Болгар по дороге степью около месяца, а по воде – два месяца пути, это вверх по воде, а вниз по реке – около двадцати дней пути. От [города] Болгара до первых рубежей русов десять переходов. От [города] Болгар до [города] Кукийана около двадцати переходов...»⁴⁸.

Сведения ал-Идриси также укладываются в общую традицию, хотя и имеют некоторые отличия, которые связаны с наложением сведений из

различных традиций и попытками автора логично и непротиворечиво объединить их. В частности, сведения о христианах, согласно И.Г. Коноваловой являются переосмыслением сведений Ибн Хаукала о «внутренних болгарях», хотя нельзя исключить и знание автором каких-то болгарских реалий относительно существования какой-то христианской общины⁴⁹. Хотя это и маловероятно, поскольку автор черпал сведения из литературы, а не обобщал рассказы очевидцев.

События первой половины XIII в. описаны в труде одного из крупных историков Ибн ал-Асир (1160–1234) «Совершенная книга по истории» («Китаб ал-камил фи-т-та'рих»), где излагались события мировой истории с 622 по 1233 г.⁵⁰ В этом сочинении подробно описывается поход монгольских полководцев Джебе и Субудая в 1222–1223 гг. в Восточную Европу, а также имеются уникальные известия об обстоятельствах войн с кыпчаками, русскими и булгарами⁵¹.

Все сочинения восточных авторов, упоминавших болгар, можно условно разделить на три группы. Первая группа – систематизированные описания стран «седьмого климата». Это могли быть сжатые и весьма идентичные описания – «традиция ал-Балхи» и «Анонимная записка о тюрках», а также их последователей (Ибн Русте, Гардизи, ал-Марвази и др.) или авторские компиляции и описания, такие как сочинения ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси и ал-Бируни. Все они различаются некоторыми деталями, часть которых имеет оригинальный характер и почерпнуты авторами у людей, побывавших на краю ойкумены. Высшего развития эта традиция получила у ал-Идриси (1154), обобщившего восточный опыт описания стран мира. Одновременно с научными описаниями на Востоке существовали сочинения о «чудесах мира» – популярные рассказы о диковинках и чудесах далеких стран, где также включались сведения о городах Булгарии – Болгаре и Суваре. Но сведения эти лишены конкретики и восходят к более ранним нарративам.

Вторая и самая информативная группа сочинений создана авторами, которые сами совершили путешествие в Поволжье. Это в первую очередь записки Ибн Фадлана о посольстве багдадского халифа в Булгарию (922–923) и книги арабского купца, проповедника и путешественника ал-Гарнати, который сам долгое время жил в Поволжье и в Булгарии в 30-х–50-х годах XII в. Они содержат конкретные детали облика средневекового Болгара, основанные на личных впечатлениях.

Третья группа трудов является историческими работами, где сведения о Булгарии и Болгаре излагаются в контексте каких-либо историко-дипломатических описаний. Например, Бейхаки поведал о дипломатических контактах правителя Булгарии с Газневидами, а Ибн ал-Асир – о монгольском походе в Восточную Европу в 1223 г.

В целом можно сказать, что восточная арабо-персидская историко-географическая мысль сохранила довольно много отрывочных, но в то же

время бесценных по своей информативности источников, создающих мозаичную картину этнокультурной структуры, городской жизни, торговой активности и распространения мусульманства. Не все сведения могут быть признаны равнозначными и оригинальными, но в целом все они дают картину развития взглядов восточных интеллектуалов на волжских болгар, повествуя одновременно об эволюции средневековой Булгарии и ее городов, имея в фокусе внимания город Болгар.

Проанализировав все исторические сведения можно сказать, что уже в начале X в. на территории Булгарии, на берегу Волги возникает ставка правителя Алмуша, которая становится стационарным поселением. Приблизительно, по некоторым указаниям Ибн Фадлана его можно связать с районом современного Болгарского городища и его округой. Здесь же археологически зафиксированы первые поселения первой четверти X в.

По мере развития торгово-дипломатических и культурно-религиозных связей Булгарии со странами ислама, у арабо-персидских и еврейских авторов появляется все больше информации о стране далекого «седьмого климата», в частности о городе Болгаре. Постепенно все эти сведения были объединены в свод, условно названный «Глава о тюрках», который с разной степенью полноты дошел до нас в сочинениях авторов X–XII вв.

Фактически все из них указывают, что Болгар – это большой (в сравнении с другими волжскими) или небольшой (по сравнению с Итилем и городами арабского Востока) город. Близ него располагался город Сувар, очевидно, в дне пути по Волге. В обоих городах имелись соборная мечеть и рынок. Сам Болгар являлся крупным торговым центром, через который вели торговлю с Востоком русы. С середины X в. характерным становится указание на то, что жители Болгара и Суvara – мусульмане и воители за веру. В некоторых источниках имеется указание также на то, что оба эти города имеют сельскую округу и выращивают зерно. Поэтому зимой жители живут в городах, а летом – в шатрах и жилищах из тростника, обрабатывая посевы. В качестве уникального сведения восточные авторы указывают, что постройки в Болгаре из дерева.

Уже в 1130–1150-х годах в Болгаре побывал ал-Гарнати, который подтвердил эти сведения. Он отметил, что Болгар – «большой город», указав на укрепления и городские постройки из дерева. Особо он указал, что город расположен на Волге. Где-то рядом расположен и Сувар, но о нем ал-Гарнати специально не упоминает. Сам город и его жители в его представлении мусульмане и уже довольно давно. В нем есть бани и, видимо, мечеть. Правитель зимой воюет с язычниками и облагает их податями. Он также подтвердил, что Болгар – это значительный торговый центр, откуда торговцы и путешественники могут попасть на Русь, вплоть до Киева и по Волге до Саксина в Нижнем Поволжье.

В определенной степени центральное положение Болгара, как ключевого известного пункта в Восточной Европе, чьи координаты известны,

способствовало тому, что от него было легко отсчитывать направления и расстояния в различные города и страны Восточной Европы, составляя различные «дорожники» (итинерарии), как это сделал ал-Идриси и его последователи.

Вместе с тем, положение Болгара в самой системе городов Волжской Булгарии, очевидно, не оставалось неизменным. Некоторые материалы в этом отношении дают русские источники. Киевская Русь уже с начала X в. знала путь по Волге «из варяг в хвалисы», а в XI – первой трети XIII в. русские князья вступали в активные торговые и военно-политические контакты с Булгарией. Но, тем не менее, никаких сведений о городе Болгаре в древнерусских источниках, включая летописи и внелетописные сообщения, не сохранилось. Можно по-разному трактовать этот факт, но очевидно, что в глазах русских князей и их исторической традиции Болгар явно уступал экономическое и политическое первенство Биляру – «Великому городу» уже с середины XII в. Вполне очевидно, что это отражение определенных реалий в булгарской государственности и изменении статуса Болгара. Во всяком случае, даже во время войны с монгольскими войсками в русских летописях фигурирует именно «Великий город», падение которого стало концом Волжской Булгарии как самостоятельной державы.

На смену шли новые реалии, которые коренным образом изменили и городскую структуру Булгарского улуса в составе Золотой Орды.

БОЛГАР В ПЕРИОД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XV ВЕКА)

В период после монгольского завоевания и становления могущества Улуса Джучи город Болгар пережил время быстрого расцвета, выдвинувшись уже в середине XIII в. в качестве ведущего экономического и политического центра новой державы. Почти двести лет Болгар был главным городом, политической и торгово-ремесленной столицей не только Булгарского вилайата, но и всего Волго-Уральского региона. В этот отрезок времени о нем оставили сведения многочисленные авторы сочинений самого разного характера – от путешественников до дипломатов и торговцев. Здесь прежде всего следует выделить арабских авторов из Египта, который в силу целого ряда политических обстоятельств имел активные дипломатические, религиозные и торговые связи с Золотой Ордой⁵². Эти контакты оставили целый корпус нарративных источников от правил составления дипломатических документов до описаний путешествий в «страну северного ислама». Значительная часть из них выявлена, собрана и неоднократно издана, что позволяет не описывать их подробно. В целом можно сказать, что все они упоминают город Болгар лишь кратко и в основном в общих описаниях. Некоторая часть описаний Болгара и земель «седьмого климата» имеет истоки в более ранней географической традиции.

Наиболее важные и систематизированные по годам сведения по истории Золотой Орды и истории золотоордынского Болгара содержат русские летописи. При всей краткости и иногда противоречивости они являются незаменимым, а порой и единственным источником сведений. Ценность летописи, как источника информации, определяется близостью ее по времени к описываемому событию. Конечно, современность источника не гарантирует его достоверности. Нередки случаи, когда автор, писавший спустя несколько лет после события, мог быть даже менее тенденциозен или более осведомлен, чем ближайший современник. Сложность анализа и использования летописных сведений состоит в изучении состава различных сводов, времени их появления и содержащихся в них статей⁵³. История, текстология и источниковедение русского летописания XIII–XV вв. довольно широко и хорошо изучена трудами нескольких поколений историков и текстологов⁵⁴. Основательное изучение и сопоставление летописных сводов позволило источниковедам не только создать общую картину развития летописания, но и выяснить степень достоверности тех или иных сведений, относящихся, в частности, к истории города Болгара.

Изучение источников позволило создать общую историю города Болгара в золотоордынский период, историю его расцвета и упадка в период военно-политических катаклизмов, постигших Улус Джучи в конце XIV – начале XV в.

Монгольское завоевание не нанесло городу Болгару, в отличие от ряда других болгарских городов, катастрофического ущерба. Выгодное географическое положение Болгара в центре богатой земледельческой округи, близ слияния рек Волги и Камы, способствовало его быстрому восстановлению, но уже в качестве места пребывания хана и его администрации. О том, что Болгар уже к середине XIII в. имел особый столичный статус, свидетельствует Марко Поло: «Берке владел татарами и жил в Болгаре и Сараете»⁵⁵ (рис. 16). В 40-х годах XIII в. именно в Болгаре начинается чеканка золотоордынских монет, на 30 лет раньше, чем начал чеканить деньги Сарай⁵⁶. Это свидетельствует о роли Болгара в середине XIII в. как экономического и политического центра государства Джучидов. Первые монеты несли имя уже умершего багдадского халифа ан-Насир лид-Дина, следующие монеты с 1250-х годов выпускались с именами монгольских каанов Менгу и Ариг-Буги. С 1260-х годов в Болгаре чеканились монеты анонимные и с именами золотоордынских ханов. Болгар чеканил монету до 30-х годов XIV в.⁵⁷

Подтверждают это и некоторые поздние письменные источники. По персидскому сочинению «Ферхег-намэ» город Болгар известен как место «Золотого трона» («Алтын тахт») ханов Улуса Джучи. Ф.И. Эрдман и С.М. Шпилевский считали, что это сообщение отражает реалии XIII в., и связывали его со сведениями западноевропейского путешественника Рубрика (XIII в.) о летней кочевке Батыя далеко на север, т.е., как предполагают исследователи, в пределах Болгарии⁵⁸ (рис. 17).

К середине XIV в., судя по имеющимся у нас данным, Болгар не только сохранял свое значение как один из важнейших регионов Улуса Джучи, но и укрепил его. В арабских источниках область Болгар неизменно фигурирует среди основных территорий ханства. В арабо-персидских источниках XIII–XV вв., сообщающих об областях и городах в составе Золотой Орды описываемого периода, название «Болгар» встречается довольно часто. Например, у ал-Калкашанди она одна из десяти областей Улуса Джучи⁵⁹. Ал-Омари – арабский автор первой половины XIV в., описывая территорию Улуса Джучи, писал: «Границы этого государства со стороны Джейхуна: Хорезм, Саганак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, город Маджар, Азак, Акчакерман, Кафа, Судак, Саксин, Укек, Булгар, области Сибир и Ибир, Башгырд и Чулыман»⁶⁰, а другой автор, ад-Дзехеби (первая половина XIV в.), уточнял: «Царство его (Узбек-хана. – *И.И.*) (лежит) на северо-востоке и (простирается) от моря Константинопольского до реки Иртыша в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Баб-ал-Абваба (Дербенда) до города Булгара, т.е. приблизительно на 600 фарсахов»⁶¹. Так, в «Истории Вассафа» (начало XIV в.) указывается, что Джучи получил во владение «земли от краев Каялыка и Хорезма и крайних пределов Саксина и Булгара до окраин Дербенда Бакинского»⁶².

Во второй половине XIII – начале XIV в. Болгар переживает самые яркие страницы своей истории. Он поднимается из пепелища. Площадь его на верхней террасе городища в этот период расширяется до 400 тыс. кв.м. К городу прилегали пригородные поселки, в это же время заселяется низменная часть города – за р. Меленкой, где мощность раннезолотоордынских слоев достигает 20–80 см. Слой в центральной части города насыщен щепой и древесным тленом, что говорит о развернувшейся застройке традиционными деревянными домами. В центре города возникают металлургические мастерские. Здесь обнаружены остатки железоделательного и бронзолитейного производств. Среди находок из этого района встречены тигли для литья меди, молотки дляковки, щипцы и зубила, а также отходы производства – обрезки медных пластин, бронзовые шлаки. Судя по всему, мастера-бронзолитейщики здесь специализировались на изготовлении бронзовой посуды, в первую очередь котлов и замочков. Также существовали кожевенные мастерские, продукция которых была популярна в тогданем мире, наибольшим спросом пользовалась хорошо выделанная ячеистая кожа под названием «ал-булгари».

Со второй половины XIII в. начинает заселяться район, находившийся восточнее от окраины домонгольского города, а также заречная часть, где появляется много землянок и полуземлянок, в которых жили ремесленники и, вероятно, строители. Восстанавливаются на своих местах ремесленные мастерские, существовавшие в домонгольское время железоплавильные, медеплавильные, ювелирные, и появляются новые – кузнечная, косторезная и каменотесная⁶³. Здесь, в заречной части, видимо, издавна селились

гончары, изготавливавшие посуду, дымогарные и водопроводные трубы и т.д. Судя по археологическим раскопкам, в ямах около домов хранили глину, а в другие сбрасывали бракованные изделия. Появляются и новые мастерские на территории города.

В это же время в центре города закладывается белокаменная Джами-мечеть (Соборная), ее строительство было закончено в начале XIV в. Она выполняла роль главной столичной мечети Болгара, а может быть, и всего региона. По архитектуре она была похожа на восточные, прежде всего сельджукские зальные мечети с многорядными опорами. Джами-мечеть представляла собой подквадратное здание с 20 внутренними восьмигранными колоннами, поддерживающими деревянную кровлю (рис. 18).

С южной стороны, напротив входа, был устроен михраб, обрамленный богатой орнаментированной резьбой по камню (рис. 19). К северному фасаду примыкал минарет. Внутри его к обходной галерее вела винтовая лестница. На средней высоте минарета было высечено изречение из Корана. В 30-е годы XIV в. мечеть реконструируется. Ставятся дополнительные опорные столбы, по западному и восточному фасадам добавляются декоративные ниши⁶⁴.

В конце XIII в. рядом возведены два мавзолея для каких-то знатных лиц. Один напротив северного фасада, другой – перед восточным. По типу они относятся к мусульманским мавзолеям, широко распространенным в Средней Азии, на Ближнем и Переднем Востоке. Внутренние помещения были полусферическими. В верхней части в стены были вмурованы керамические сосуды-голосники, создававшие акустический эффект. Археологические раскопки внутри восточного мавзолея выявили семь склепов в виде прямоугольных камер, обложенных бутовым камнем, скрепленным известковым раствором, внутри которой находился, очевидно, деревянный гроб. Хотя погребения были разрушены в XVII в., судя по ориентировке склепов, все умершие были погребены по мусульманскому обряду.

К югу от Джами-мечети в середине XIV в. возводится еще одно каменное здание. Это была двухэтажная постройка, окруженная подсобными помещениями. Второй этаж представлял собой купольный зал с оштукатуренными и богато орнаментированными стенами. По некоторым предположениям, это было здание суда и тюрьма-зиндан, обычные капитальные постройки для мусульманских городов. Обычно в них находились и фискально-административные органы власти.

Залогом этого стало поступательный рост сельского хозяйства, развитие ремесел и расширение торговли. По данным некоторых арабских авторов, доход от болгарской торговли мог достигать 200–300%. Соответственно происходил подъем городов, расширялась их территория, появлялись новые торгово-ремесленные слободы и т.д. Примером роста благосостояния городов и усиления их политического влияния являлась перестройка в это время в Болгаре Джами-мечети, которая украшается по углам своеобразными «бастионами».

Некоторые авторы, побывавшие в Поволжье, оставили традиционные сведения о Болгаре, как северной части «седьмого климата». Среди них выделяется сведение Ибн Батуты (в 1333 г. побывавшем в Сарае в ставке хана Узбека): «Я наслышался о городе Болгаре и захотел отправиться туда, чтобы взглянуть на то, что говорится про чрезвычайную краткость ночи в нем, а также про кратковременность дня в противоположное время года. Между ним и ставкой султана был десяток (дней) пути. Также короток день в нем (Булгаре) в период краткости его (зимой). Пробыл я там три дня»⁶⁵. У историков есть разное понимание вопроса о реальности путешествия Ибн Батуты в Болгар, но важность этого центра для политики и экономики Золотой Орды несомненна.

Болгар был богатым и цветущим городом. В условиях политической стабильности это было благом для горожан, но в период смуты и междоусобиц стало их проклятием, особенно усилилась военная опасность в условиях политической нестабильности в Улусе Джучи во второй половине XIV в. Горожане должны были позаботиться о своей защите. С этой целью возводится целая система укреплений⁶⁶. Она проходила от крутой речной террасы на юг, поворачиваясь на северо-восток, а затем на севере к берегу реки, образуя форму неправильного треугольника, протяженность валов и рвов составляла 5,6 км, окружая площадь около 400 тыс. кв.м. Строители максимально стремились использовать естественные препятствия – овраги и озера. Там, где их не было, укрепления усиливались. Рвы в сочетании с валами, по гребню которых тянулась высокая деревянная стена из срубов толщиной до двух метров, которая в ключевых пунктах обороны усиливалась башнями (всего их по периметру стены насчитывалось 17), являлись основными элементами в обороне города. Во рвах, часто заполненных водой, и перед ними были вбиты заостренные колья, препятствующие передвижению осадной техники.

В город можно было попасть через трое ворот – в южной, восточной и западной стенах. Проезды были укреплены фортами из целой системы коленчатых валов и башнями с проездными воротами (рис. 20). Укрепленная часть города защищала богатые торгово-ремесленные кварталы и дома аристократии, а также сакральную и общественную часть города – Джамии-мечеть, кладбища с мавзолеями, квартальные мечети и бани. Все это показывает, что город, как и вся страна, вступили в период нестабильности.

В конце 40-х годов XIV в. Улус Джучи испытал несколько серьезных кризисов, которые подорвали стабильность развития этого государства. Составляющей и этого кризиса стала пандемия чумы, которая с 1346 г. обрушилась на многие области этого государства: «...бысть мор велик на люди ... в Орде и в Орначи и в Сарайи и в Бездеже ... и на Бесермены и на Татары, и на Ормены, и на Обезы, и на Жиды, и на Фрязы, и на Черкасы, и на прочая человеки, тамо живущая в них»⁶⁷. Судя по данному сообщению, в 1346 г. пандемия лишь затронула Болгарский улус. Однако она

возвращалась неоднократно в течение нескольких десятилетий, например в 1364 г., когда от Нижнего Поволжья пришел мор, убивая в русских верховолжских городах до 100 человек в день⁶⁸. Поэтому можно предположить, что Среднее Поволжье в середине XIV в. в полной мере испытало ужас «Черной смерти»⁶⁹.

Тяжело ударило по Болгарскому улусу сокращение торговли и упадок Великого шелкового пути. Разразившийся кризис привел в действие социально-политические механизмы дестабилизации обстановки в империи Джучидов, когда начались династийные распри и межклановые столкновения⁷⁰. Война за власть между различными группировками татарской аристократии Ак-Орды, в которую вмешались ханы Кок-Орды, шла то разгораясь, то временно затухая почти 20 лет⁷¹. В этих условиях усилился не только сепаратизм различных регионов, но и начались вооруженные столкновения между областями и начали совершаться набеги пиратские ватаги и разбойные отряды.

Болгарский улус не только не избежал общей участи, но и в силу своего положения оказался слишком близко от эпицентра разрушительных импульсов. Первым знаком будущей дестабилизации стал набег в 1360 г. новгородских пиратов – «ушкуйников» (от слова «ушкуй») – большое речное судно, вмещающее до 50 человек) во главе с двинским боярином Анфалом Никитиным, которые «взяша ... Жюкотин, и много бесермен посекоша, мужей и жен»⁷². В ответ на это правители Джукетау отправили посольство к хану Хызру с просьбой наказать виновных в набеге. Хан отправил на Русь трех послов «старейши Оурус, другии Каирбек, трети Алтынъбеи, и многпротор бысть и истома князем рускым»⁷³. Интересно, что в поздней Никоновской летописи указывается, что в отместку на набег ушкуйников «за то разбойничьство христиане пограблени быша в Болгарех от Татар»⁷⁴. Это известие не читается в аутентичных летописях, но, возможно, оно было в Тверской летописи, где в этом месте после фразы «за прогнвалися погани бесермена» есть обрыв текста⁷⁵. Вынужденные собраться на съезд в Костроме, князья разобрали жалобу и «выдаша разбойников, а посла отпустиша в Орду»⁷⁶. Неизвестно каких ушкуйников выдали князья, но Анфал Никитин уже через некоторое время продолжил пиратствовать на Каме. Не исключено, что в условиях разразившейся ожесточенной междоусобной войны в Сарае просто никому не было дела до новгородских разбойников.

Этот набег и сомнительный успех попытки дипломатическим путем решить проблему безопасности, знаменовал начало коренных перемен в политической жизни Болгарского улуса. В условиях, когда правители болгарских эмиратов вдруг оказались перед лицом военных угроз со стороны враждебных соседей и были оставлены без поддержки центральной власти, они попытались укрепить свою власть и усилить военную мощь.

По мере ослабления центральной власти все более самостоятельными становились правители Болгарского улуса. Логика событий толкала их

к автономии. Ключевым событием в этом стал приход в 1361 г. в Болгар эмира Булат-Тимура, который «Болгары взял и все города по Волзе и улусы, и отня весь Волжеский путь»⁷⁷. В свое время П.С. Савельев, анализируя монеты, чеканенные в 768 г.х. (1366/67 г.) читал штамп на них как «Султан покой(ный) Джанибек хан, да продлится ц(арствие его). Пулат-Тему(р), сын Нугана» и указывал на монеты, битые от имени Булат-Тимура, но уже от имени действующего хана Азиз-Шейха (1364–1366 гг.)⁷⁸. Можно согласиться с М.Г. Сафаргалиевым, что этот чекан – попытка эмира Булат-Тимура утвердить свою власть от имени умершего хана⁷⁹. Одновременно это показывает, что Булат-Тимур являлся представителем высшей татарской аристократии, возможно, сыном одного из карачи-беков Тоглу-бия⁸⁰ (хотя, возможно, и Нангудая (Манкытая)), погибших за год до этих событий⁸¹. Остается только предполагать, был ли послан Булат-Тимур в Болгар, чтобы способствовать укреплению власти хана в этом важнейшем регионе империи, либо он сам, опираясь на клан своего отца, захватил там власть. Как бы то ни было, но почти на пять лет он стабилизировал власть в Болгарском улусе и, видимо, действовал в своих интересах, хотя и был вынужден в определенной мере проявлять лояльность к центральной ханской власти.

Тем не менее в 1366 г. Булат-Тимур, очевидно, попал в немилость к хану Азиз-Шейху. В 1367 г. он вступил в борьбу с нижегородскими князьями. Целью его действий было, видимо, стремление не допустить расширения влияния нижегородских князей на Заочье и Примокшанье – традиционную зону доминирования Булгарии. По словам летописи: «князь Ординьский именем Боулат Темирь прииде ратию Татарскою и пограби оуезд даже и до Волги и до Сундовити и села княжи Борисовы»⁸². Возможно, осуществляя этот набег, Булат-Тимур рассчитывал, что недавняя распря между Дмитрием и Борисом Константиновичами за власть в Нижнем Новгороде не позволит им выступить сообща. Однако он ошибся. Братья выступили все вместе и, «собрав воя многы», двинулись навстречу татарам. Булат-Тимур не принял боя и повернул назад к р. Пьяне. Отступление переросло в бегство, в результате которого часть его войск была разбита, а часть утонула в реке. Сам же эмир «отътуду бежа в Орду ... и тамо убиен бысть от Азиза царя»⁸³. А спустя некоторое время в междоусобице погиб и сам хан Азиз-Шейх.

Ослабление военной мощи эмира в Болгарском улусе и явная немилость хана немедленно привели к активизации ушкуйников. В 1366 г. флотилия из 150 ушкуев под командованием трех новгородских воевод подошла к Нижнему Новгороду, где «избиша Татар множество, Бесермен и Ормен ... множество людеи, мужей и жен и дети, и товар их безчислено весь пограбиша, а съсуды их, кербати и лодьи, и учаны, и пабусы, и струги, то все посекоша... Оттуда ушкуйники, отъидоша в Каму и проидоша в Каму, и проидоша до Болгар, тако же творящее и воююще.»⁸⁴ Этот поход вызвал недовольство великого князя Московского Дмитрия Ивановича,

который передал свое возмущение через посла: «за что есте хо(ди)ли на Волгу и гостей моих пограбиша много?». Те же ответили, что в набег ходили «люди молодые без нашего слова», а, кроме того, они, дескать «твоих гостей не грабили, толко били Бессермен»⁸⁵. Очевидно, недовольство князя Дмитрия вызвал не сам факт нападения на мусульманских купцов, а возможность использования этот набега для карательного похода на Русь.

В 1369 г. новгородцы попытались нанести по Болгарскому улусу новый удар. Два флота – один из 10 ушкуев шел по Волге, второй – по Каме. Ушкуйники соединились в районе Камского устья и направились на болгар, но «биша их под Болгары»⁸⁶. По крайней мере, это свидетельствует, что власти Болгара могли собрать воинские силы и противостоять набегам волжских пиратов.

После бегства и гибели Булат-Тимура ханом, очевидно, стал эмир Хасан («Осан» русских летописей). В последнее время были высказаны весьма интересные и доказательные гипотезы о ситуации в Болгаре и Казани, исходящей из того, что «князь Болгарский» Хасан и султан Мухаммад, скорее всего он же «Баков сын», занимали различные места в улусной иерархии и отражали не некое гипотетичное «соправительство», а улусную структуру, когда при султানে-чингизиде всегда присутствовал свой карачи бек – глава местных татарских кланов. Болгарский улус к 1370 г. представлял собой военно-административную единицу, территория, в свою очередь, представляла собой сложную систему из иерархически соподчиненных феодалных владений, которыми владели представители татарских кланов. Не исключено, что этот улус в свою очередь, делился на крылья (или эмираты), центрами которых являлись Болгар и Джукетау. В условиях всеобщей войны и мятежей Болгарский улус был одним из ключевых регионов империи. Теперь во многом именно от его лояльности и поддержки зависел успех того или иного претендента на ханский трон, долговечность его власти. Укрепление власти и рост политического авторитета правителей Болгарского улуса толкали их к активному участию во внутриордынских делах. Именно так они оказались втянутыми в ордынскую междоусобицу.

К тому времени жестокая война Мамаю с ханами Кок-Орды и сарайской аристократией заставила его вспомнить о Болгаре. Судя по всему, Болгарский улус являлся важнейшей базой и тыловым ресурсом для сарайских ханов, поэтому Мамай решил сокрушить своих врагов с помощью обходного маневра. В 1370 г. в Москву был направлен его посол Ачиходжа (Атаходжа) для организации наступления на Болгарский улус. Возможно, что в составе посольства находился султан ибн Баки («Мамат Салтан, Баков сын»). Московский князь Дмитрий Иванович, обязанный ярлыком на великое княжение Мамаю, согласился действовать по его приказу. Очевидно, что это диктовалось не просто благодарностью, а стремлением нанести удар по соперникам за власть в Окско-Сурском междуречье. Поэтому в поход вместе с Ачиходжой были направлены войска Дмитрия Константиновича

Нижегородского во главе с его братом Борисом и сыном Василием «со многими силами»⁸⁷. Однако эмир Болгара Хасан не стал дожидаться начала активных военных действий. Он «посла противу их с челобитием и с многими дары. Они же дары взявше, а на княженьи посадиша Салтана, Бакова сына, и възвратишася на Русь»⁸⁸. Таким образом, эмир Хасан, сохранив реальную власть, подчинился хану Мамаевой Орды и принял в качестве номинального правителя Мухаммад-Султана.

В результате этого похода выиграл Мамай, сумевший не только подчинить себе богатый улус, но и, обескровив центральную власть, смог нанести поражение ханам Кок-Орды и занять Сарай. Но уже спустя три года он начал терять свои позиции. Мамай был вынужден оставить столичный Сарай и все Нижнее Поволжье и втянулся в длительный конфликт с Великим княжеством Московским. В результате в 1374 г. произошел полный разрыв отношений Дмитрия Ивановича с Мамаем и началась открытая война между ними⁸⁹.

Рост военной напряженности сразу же вызвал появление ушкуйников, готовых ударить по незащищенным мирным прибрежным городам и селам Поволжья и Прикамья (рис. 21). Наиболее известный и разорительный набег совершили ушкуйники в 1375 г. Обстановка была выбрана удачно: основные войска союзников Дмитрия нижегородских князей были заняты в походе на Тверь, а нижнее Поволжье раздиралось междоусобицами, когда в борьбу с Мамаем и местными эмирами, включился правитель Кок-Орды Урус-хан. Дождавшись, когда союзные рати Дмитрия Московского выступили в поход на Тверь, новгородцы двинулись по Волге к Костроме. На этот раз их отряд состоял из полутора тысяч воинов во главе с воеводами Прокопом и Смолянином, а их флотилия состояла из 70 ушкуев. Применив умелый маневр, они разгромили более многочисленный гарнизон и захватили город, систематически разоряя его в течение недели. Оттуда они «шедшее на низ по Волге, пограбиша Новгород Нижнии, и много полона взяша ... град зажгоша». Оттуда они, разоряя прибрежные поселения и торговые суда, пошли на Каму, а потом повернули к Болгару, где «полон весь христианский попродаша». Далее они двинулись вниз по Волге, «гости христианския грабячи, а Бесермены бьючи». Их кровавый путь остановился только у стен Хаджи-Тархана, где «изби я лестию хазитороканский князь, именован Салчеи; и таков си без милости быша побьени, и ни един от них не остана»⁹⁰ (рис. 22).

В условиях надвигающейся войны с Мамаевой Ордой, великий князь Московский, нанеся поражение Твери, решает укрепить свою власть на Волге. Зимой 1377 г. по приказу великого князя Московского Дмитрия Ивановича нижегородские князья Василий и Иван, сыновья Дмитрия Константиновича и московский воевода Дмитрий Михайлович Вольнский пошли походом на Болгар. Они подошли к стенам города 16 марта и стали разорять окрестности. «Погани же Бесерменове изыдоша из града, противу

их, стаха на бои и начяша стреляти, а инии з града гром пушаху, страшаще нашу рать, а друзии самострелныя стрелы пушаху, а инии выехаша на велбудех, кони наши полошающе»⁹¹. Однако эта вылазка была отбита с потерями для осажденных. Поскольку отразить наступление московских войск не удалось, то эмир Хасан и Мухаммад-Султан предложили заключить мир. Русские воеводы также не стремились затягивать осаду, поскольку приближалась весна с ледоходом и распутицей. В результате был заключен мир на условиях признания сюзеренитета нижегородского и московского князей – «всю волю свою взявше», а Болгар должен был принять княжеских даругу и таможенника и выплатить огромный выкуп – 2000 рублей князьям, а воеводам и рати – 3000 рублей⁹².

Болгарский улус попал под московский протекторат. Но эта зависимость была довольно непрочной и продержалась недолго. Едва Мамай усилил давление на Москву, как эмир Болгара полностью вернул свою власть. Но власть сарайских ханов в Среднем Поволжье была нестабильной. В Волго-Камском регионе сохранялась обстановка смуты и всеобщей войны, которая осложнялась постоянной угрозой набегов новгородских ушкуйников, что заставляло даже зимой воевать против них. Только укрепление ханской власти могло прекратить наступление русских князей и вернуть устойчивость хозяйству и внутренней политике в Среднем Поволжье.

Поражение Мамай в Куликовской битве (1380) предопределили его окончательное поражение и облегчили восхождение к власти хана Токтамыша. Укрепив свою власть, хан, хотя и получил от московского князя признания формальных верховных прав хана на Русские земли, но не добился обязательств полностью выплатить долги за «ордынский выход» и обеспечивать его регулярное поступление в Сарай. В этих условиях Токтамыш начал готовить большой поход на Москву⁹³. Первым его действием в этом направлении стало демонстративное укрепление его власти в Болгарском улусе: «Токтамышь посла в Болгары и повеле христианские гости Русскыя грабити, а съсуды их и с товарами отнимати»⁹⁴. Сам же он скрытно перешел Волгу и внезапно вторгся на Русь, осадил и взял Москву⁹⁵ (рис. 23).

Тем самым хан Токтамыш окончательно вернул под свою власть Болгарский улус. К сожалению, о деталях внутренней структуры в Улусе Джучи ничего не известно, но можно предполагать, что внутренней стабилизации не произошло. Зато можно заметить увеличение зависимости улуса от центральной власти и включенности этих земель в политику ханства. Так в 1391 г. Токтамыш «посла царевича своего, именем Бектута, на Вятку ратью. Он же шел, Вятку взял, а люди посече, а иных в полон поведе, мужи и жены и дети»⁹⁶. Возможно, поход стал следствием территориальных споров между вятчанами и татарами. Он также показывает, что значение Болгарского улуса для ханской власти увеличилось. Регион имел стабильное хозяйство, не стал ареной ожесточенной гражданской войны и сохранил свои воинские ресурсы, что повышало его значения для центральной

власти и повышало его влияние в иерархии власти. Неудивительно, что с этого времени здесь постоянно упоминаются султаны – «царевичи», как представители ханской власти – военачальники и администраторы.

Важное указание на активизацию участия Болгарского улуса в военно-политических усилиях ханства является эпизод войны с Аксак-Тимуром, когда перед битвой на Кондурче, когда тот был вынужден инициировать начало битвы, опасаясь, что к Токтамышу подойдут подкрепления из Азака и Болгара⁹⁷. О силе и мощи войск Болгарского улуса свидетельствует и то, что Аксак-Тимур ни в 1391 г., ни в 1395/96 г. не рисковал вторгаться на его территорию, предпочитая обходить ее стороной.

В конце XIV в. впервые наряду с Болгаром, начинает фиксироваться Казань, как один из важных региональных центров. По данным русских летописей, в 1391 г. «Новгородци Новагорода Великого да и Устюжане гражане выехаша в насадах и в юшкуях рекою Вяткою на низ и взяша Жукотин, и пограбиша весь, и Казань, и паки внидоша на Волгу и пограбиша гостей всех, и поидоша прочь»⁹⁸.

В следующий раз Казань упомянута на страницах летописей во время большого похода на Булгарию князя Юрия Дмитриевича в 1399 г. и явно названа центром одного из эмиратов наряду с Болгаром, Джукетау и Керменчуком. События, вызвавшие поход русских князей, связаны с общей ордынской политикой на ослабление власти Московского великого князя. Поводом к походу послужили претензии Семена Дмитриевича Суздальского на нижегородское княжение. Очевидно, великий эмир Идегей поддержал эти его претензии на власть и отправил вместе с ним султана Ентяка с войском. Судя по контексту и дальнейшим событиям, Ентяк был султаном в Болгарском улусе и прямо заинтересован, чтобы в Нижнем Новгороде сидел князем его союзник, а не враг. Войска Ентяка – «тысяча татар» с князем Семеном подошли к Нижнему Новгороду и начали осаду. Через некоторое время горожане сдались и 25 октября 1399 г. заключили мир с нападавшими, но те вероломно нарушили его и ограбили город. Князь Семен не мог остановить разорение города, что сразу же настроило горожан против него. Как только стало известно о приближении московской рати татары, а вместе с ними и князь Семен поспешили отступить. В ответ на это великий князь Василий послал войска во главе со своим братом Юрием Дмитриевичем, «а с ним воевод и старейших бояр и силу многу. Он же шед взяша град Болгары, Жукотин, Казань, Кременьчук и всю землю их повоева, и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша. И въвав три месяца, възвратися с великою победою и с многою корыстию в землю Русскую»⁹⁹. Успех похода был серьезным. Весьма характерна сентенция летописца, описывавшего этот поход: «никто же не помнит толь далеча воева Русь Татарскую землю»¹⁰⁰. Позднее, в 1402 г. этот «царевич Ентяк» назван в качестве посла Идегея к великому князю Василию Московскому¹⁰¹, что доказывает, что он был лоялен центральной власти и действовал в ее интересах¹⁰².

Между тем около 1406/07 г. Идегей вновь завоевал Болгарский улус. Сведения об это содержатся в воспоминаниях немецкого солдата, попавшего в плен к туркам, а затем попавшего на службу к султану Чекри и участвовавшего вместе с ним в военно-политических событиях в Улусе Джучи в 1405–1427 гг. Он писал, что Чекри после возвращения был взят в свиту Идегея и воевал вместе с ним в Сибири и в Поволжье, тогда-то, после покорения Сибири, «... Едигей и Чакра вступили в Булгарию, которая также была ими завоевана. После этого они возвратились восвояси»¹⁰³. Возможно, что этот поход имел целью укрепить властные полномочия Идегея перед более важной и более значимой военной кампанией против Московского княжества. Скорее всего тогда же был смещен султан Ентяк и назначен новый ханский представитель в Болгарском улусе.

Сконцентрировав власть в своих руках и подавив недовольство улусбеков, Идегей решает привести к покорности великого князя Московского и заставить его выплачивать «ордынский выход» в прежнем объеме, поскольку со времени начала правления Идегея Василий Дмитриевич перестал выплачивать дань и проводил самостоятельную политику. Убедившись в бесплодности мирных переговоров, Идегей осенью 1408 г. внезапно ворвался на Русь и осадил Москву. В это время его войска начали разорять основные города и «волости» Северо-Восточной Руси¹⁰⁴. Одновременно с этим главными силами по Волге в пределы Нижегородского княжества вторглось другое войско во главе с «иным царевичем», поскольку он не назван по имени, то это, очевидно, был не Ентяк, а другой султан – Талыч. В его составе были «мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва». Они захватили и разграбили многие города – Нижний Новгород, Городец и Курмыш и едва не дошли до Костромы и Вологды¹⁰⁵. Очевидно, вместе с ними пришел князь Даниил Борисович, который с помощью Идегея был восстановлен в отцовском уделе на нижегородском престоле, а вместе с ним его братья и родичи, потомки суздальских князей. В дальнейшем эти князья станут активными сторонниками ханской власти и противниками московского великого князя.

Война вызвала к жизни дружины новые набеги ушкуйников. В 1409 г. знаменитый двинский воевода Анфал Никитин вновь собрал значительную судовую рать и решил разорить Болгарский улус. Движение должно было начаться с двух сторон. Одна флотилия в составе 100 судов – «насадов» должна была идти по Каме, а другие 150 – по Волге. Однако волжская флотилия задержалась в пути, а камская была разбита: «и изби их в Каме Татарове, а Анфалайаша и ведоша в Орду»¹⁰⁶. Позднее он был, видимо, отпущен за выкуп и погиб в 1417 г.

На Руси между тем продолжалась война между Василием Московским и Даниилом Суздальским¹⁰⁷. Летом 1410 г., воспользовавшись отсутствием московских войск, Даниил призвал султана Талыча и совершил совместный рейд на Владимир. Князь Даниил Борисович послал к городу отряд

в 150 воинов во главе с боярином Семёном Карамышевым, к которым присоединился такой же отряд султана Талыча. Их отряды 3 июля «приидоша к Володимеру лесом безвестно из-за реки Клязмы» и неожиданно захватили город, разграбив его и «огнем ... запалиша»¹⁰⁸.

В ответ на это в январе 1411 г. Василий Московский двинул на Нижний Новгород свою рать во главе с братом князем Петром Дмитриевичем. Даниил и Иван Борисович призвали на помощь своих союзников. Правящая верхушка Болгара, очевидно, откликнулась на эту просьбу и выслала свои войска в составе «... с Болгарьскими князми, и с Жукотынскими и Мордовскими». Нижегородское войско соединилось с союзниками и стало поджидать московские полки на Лыскове острове. Битва произошла 15 января 1411 г. на волжском льду. Сражение было ожесточенным и кровопролитным: «И бысть межу их сеча зла, и ту убиен бысть князь Суздальский Данило Василич, и мнози падоша ото обоа страны». Но победители «князи новгородские Нижняго Новагорода и князи казаньстии ... стаха же на костех»¹⁰⁹. Это был явный успех, как демонстрация военной силы Болгарского улуса, так и дипломатический, показавший способность эмиров Болгара и Джукетау вести активную дипломатическую игру в Поволжье. Но этот успех был неполным. Уже летом этого года был свергнут ханом Тимуром Идегей и Улус Джучи был свергнут в новую смуту.

Политическая ситуация в Болгарском улусе известна фактически только по нумизматическим данным и определяется выпуском монет нового монетного двора. Местом чеканки этих монет был указан город «Булгар ал-Джадид», («Новый Булгар») и, как предположил А.Г. Мухамадиев, под этим названием скрывалась Казань. В «Булгаре ал-Джадид», как столице улуса чеканились монеты от имени правящего султана из рода Джучидов Гийас ад-дина (1422–1425)¹¹⁰. Судя по ним, при нем была проведена денежная реформа и началась чеканка монеты с титулом «султан высочайший» и собственным знаком власти – лировидной тамгой. Очевидно, что при этом султаны болгарские земли были фактически объединены под властью Казани. При нем Болгарский улус пытается влиять и на внутриордынские дела, но неудачно. Уже с 1426 г. монетный двор «Булгар ал-Джадид» опять чеканит монеты от имени ханов Улуса Джучи. Видимо, это не случайно, поскольку именно на это время приходится укрепление власти хана Улуг-Мухаммада в Улусе Джучи. Не исключено, что он сместил явно тяготеющего к автономии султана Гийас ад-Дина.

Поддержка хана и увеличение военной мощи привели к тому, что Болгарский улус попытался играть активную роль в политике, защищая интересы своих владений. Зимой 1428/29 г. правители Болгарского улуса начали войну с Галичским княжеством. По словам летописи, зимой «приидоша Татарове к Галичу», но, несмотря на внезапность нападения и месячную осаду, города они взять не смогли, разорив окрестности. Совершив быстрый марш, они на крещение 6 января «изгоном» взяли Кострому

и «поплени ею» а позднее «взяли и Плесо и Лух». Захватив значительную добычу и пленных, татары стали отступать «на низ Волгою». Достигнув Нижнего Новгорода, войска повернули обратно. Однако брянский воевода Федор Константинович и князь Федор Давыдович Пестрый самовольно, не известив главнокомандующих, продолжили преследование и сумели догнать и разгромить арьергард противника и отбить пленных¹¹¹. Тем не менее, это был впечатляющий успех, который свидетельствовал о прекрасной военной организации и мастерстве военачальников, а также об усилении Болгарского улуса при, возможно, главенстве Казанского эмирата.

Командовали татарами, по словам летописца, «царевич и князь Али Баба»¹¹². Насчет имени последнего султана есть некоторые сомнения, поскольку в летописи он не указан по имени. Как считает А.А. Горский, под этим «царевичем», возможно, скрывается Махмуд-Ходжа (Махмут-Хозя)¹¹³, который был упомянут в договоре галичского князя Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем: «Тако же и царевич Махмут-Хозя был у тебя в Галиче ратью...»¹¹⁴. А поскольку именно в ответ на набег 1429 г. был совершен русский поход 1431 г., когда был разорен Болгар, то резонно предположить, что его совершали правители из Булгарского улуса.

Этот набег не мог остаться безнаказанным и в 1431 г. на Среднее Поволжье были направлены московские войска под командованием стародубского князя Федора Давыдовича Палецкого Пестрого. Летописи довольно лаконично отмечают, что рать была послана на «Болгары Вольжские» и князь «же шед взя их, всю землю их плени»¹¹⁵. Странно, что для подобной успешной в целом кампании в летописи нет указаний на взятых пленных и военную добычу, что заставляет думать, что успех этого набега слишком преувеличен. В историографии преувеличенное значение этому походу придается в связи с тем обстоятельством, что после 1431 г. в летописях навсегда исчезает упоминание Болгара и Болгарской земли, а фигурирует исключительно Казань и Казанская земля. Не исключено, что военные предприятия начала 30-х годов XV в. просто способствовали окончательному падению политического значения Болгара, который уступил первенство Казани.

¹ Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М., 1988. С. 48.

² Галкина Е.С. Юго-Восточная Европа в представлении арабских географов IX в. // Восток (Oriens). 2005. № 3. С. 5–17.

³ Следует сказать, что некоторые историки при анализе сведений этого несохранившегося текста прямо экстраполируют данные из сочинения ал-Истахри на ал-Балхи (Например, см.: Фахрутдинов Р.Г. Домонгольский Болгар в письменных источниках // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 65–67; Он же. Болгар в письменных источниках // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 8–10), ссылаясь на реконструкцию Д.А. Хвольсона (*Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даства. СПб., 1869. С. 73, 82, 83, 105, 169). Представляется, что это серьезное искажение реального развития арабской

- историко-географической традиции. Для такого ответственного шага, как омоложение реальных сведений, необходимо более строгое и более детальное рассмотрение всей традиции и ее реконструкция, а не прямая экстраполяция. Примеры подобной реконструкции см.: *Калинина Т.М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы: Мат-лы и исслед. / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. С. 204–216; *Галкина Е.С.* Юго-Восточная Европа в представлении арабских географов IX в.; *Она же.* Этносы Восточной Европы в цикле «О тюрках» арабской географической литературы // *Rossica Antiqua*. 2010. № 1. С. 54–98
- ⁴ *Ковалевский А.П.* Посольство халифа к царю волжских булгар в 921–922 гг. // *ИЗ*. 1951. Т. 37; *Он же.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн Фадлана. Чебоксары, 1954; *Иванов В.А.* Путь Ахмеда ибн-Фадлана. Уфа, 2010.
- ⁵ *Измайлов И.Л.* Викинги в Среднем Поволжье // Древние народы и города Поволжья. Пенза, 1995. С. 1–23; *Он же.* «Русы» в Среднем Поволжье: (этапы булгаро-скандинавских этносоциальных контактов и их влияние на становление городов и государств) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: Мат-лы междунар. симпозиума. Казань, 1999. С. 94–100.
- ⁶ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / пер. и коммент. [А.П. Ковалевского], под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- ⁷ См.: *Измайлов И.Л.* «Русы» в Среднем Поволжье ... С. 94–100; *Он же.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. Пушкинские горы; СПб., 2000. С. 70–86; *Он же.* Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии: проблемы и дискуссии // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. С. 127–141.
- ⁸ См.: *Измайлов И.Л.* «Русы» в Среднем Поволжье ... С. 94–100; *Он же.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение. С. 70–86; *Он же.* Балымерский курганный могильник в свете контактов Северной Европы и Волжской Булгарии. С. 127–141. Подробнее см.: *Халиков А.Х.* О столице домонгольской Булгарии // *СА*. 1973. № 3. С. 83–89; *Хлебникова Т.А.* Ранний Булгар // *СА*. 1975. № 2. С. 122–124; *Фахрутдинов Р.Г.* Домонгольский Булгар в письменных источниках. С. 64–77.
- ⁹ *Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 53–63; *Он же.* О раннем Болгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Тез. науч. конф. М., 1999. С. 99–101.
- ¹⁰ Сводку историографии см.: *Калинина Т.М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке». С. 204–205; *Gockenjan H., Zimonyi I.* Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Gayhani-Tradition (Ibn Rusta, Gardizi, Hudud al-Alam, al-Bekri und al-Marwazi). Wiesbaden, 2001. S. 13–49.
- ¹¹ *Галкина Е.С.* Этносы Восточной Европы ... С. 54–98.
- ¹² *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, бургасах, болгаргах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. СПб., 1869.
- ¹³ *Хвольсон Д.А.* Указ. соч. С. 20–25.
- ¹⁴ Подробнее см.: *Бейлис В.М.* Сочинения ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы X в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1963; *Микульский Д.В.* Арабский Геродот. М., 1998.
- ¹⁵ *Ал-Мас'уди Абу-л-Хасан.* Золотые копии и россыпи самоцветов. М., 2002.
- ¹⁶ *Калинина Т.М.* Ал-Масуди о булгарах // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. Мат-лы междунар симпозиума. Казань, 1999. С. 13–20.

- ¹⁷ *Гаркави А.Я.* Дополнения к сочинению «Сказания мусульманских писателей о славянах и русских». СПб., 1871. С. 34–35; *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы и славяне. С. 26–27.
- ¹⁸ *Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед. 1975. М., 1976. С. 90–101.
- ¹⁹ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II С. 37; *Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава. С. 94.
- ²⁰ *ал-Мукаддаси.* «Ахсанат-такасим фи ма’рифат ал-акалим» / («Лучшее разделение для познания климатов»): ад-Дайлам и ар-Рихаб / пер. с араб. (под ред. В.М. Бейлиса), введ., коммент., указ., карты, таблица Н.И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1994. Вып. 2. С. 289–333.
- ²¹ Там же. С. 289.
- ²² Там же. С. 282–283.
- ²³ Худуд ал-‘алам: Рукопись Туманского / с введ. и указ. В.В. Бартольда. Л., 1930; *Бартольд В.В.* Введение к изданию «Худуд-ал-Алам» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1962. Т. VIII. С. 504–545.
- ²⁴ *Новосельцев А.П.* «Худуд ал-алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. № 5. С. 90–103.
- ²⁵ Худуд ал-‘алам: Рукопись Туманского... С. 31–32.
- ²⁶ *Гаркави А.Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. СПб., 1874.
- ²⁷ *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
- ²⁸ Там же. С. 98–99.
- ²⁹ *Байхаки Абу-л-Фазл.* История Мас’уда (1030–1041) / пер. с перс., введ., коммент. и прил. А.К. Арендса. 2-е изд. М., 1969.
- ³⁰ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. С. 46.
- ³¹ О нем см.: *Тимофеев И.В.* Бируни. М., 1986.
- ³² *Бируни Абу Рейхан.* Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т. I: [Памятники минувших поколений] / пер. и примеч. М.А. Салье. С. 55.
- ³³ *Бируни Абу Рейхан.* Геодезия: (Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами) / иссл., пер. и примеч. П.Г. Булгакова // Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Ташкент, 1966. Том III. С. 29.
- ³⁴ *Беговатов Е.А.* Абу Райханал-Бируни о Волжской Булгарии, стране ису и йура // Finno-Ugrica. 1999. № 1 (3). С. 28–37.
- ³⁵ ал-Кашгари Махмуд. Диван Луга тат-Тюрк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 426.
- ³⁶ *Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. VIII. С. 23–62.
- ³⁷ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. С. 35, 36, 39, 63; *Храковский В.* Шараф аз-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках (введение и перевод) // Тр. Сектора востоковедения АН КазССР. 1959. Т. I. С. 208–218.
- ³⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М., 1971.
- ³⁹ Там же. С. 27, 37.
- ⁴⁰ Адж’иб ад-Дунийа (Чудеса мира) / Критич. текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л.П. Смирновой. М., 1993. С. 159–160, 186.
- ⁴¹ Там же. С. 186.
- ⁴² *Левицкий Т.* «Китаб ар Рауд ал-Ми’тар» Ибн ‘Абд ал-Мун’има ал-Химйари (XV в.) как источник сведений о восточной, центральной и северной Европе // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 129–136.
- ⁴³ *Керемов Н.К.* Путешествия Бакуви. М., 1982. С. 26–27.

- ⁴⁴ *Ал-Бакуви Абд ар-Рашид*. «Китаб Талхис ал-асарвааджаибал-малик ал-каххар» («Сокращение [книги] о “памятниках” и чудесах царя могучего») / изд. текста, пер., предисл., примеч. и прилж. З.М. Бунятова. М., 1971. С. 111–112.
- ⁴⁵ *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999; *Она же*: Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. М., 2006.
- ⁴⁶ *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, коммент. М., 2009.
- ⁴⁷ Там же. С. 120.
- ⁴⁸ Там же. С. 120–121.
- ⁴⁹ Там же. С. 237–238.
- ⁵⁰ *Ибн ал-Асир*. Ал-камил фи-т-та’рих («Полный свод истории»). Избранные отрывки / пер. с араб., примеч. и коммент. П.Г. Булгакова; доп. к пер., примеч. и коммент., введ. и указ. Ш.С. Камалиддина; АН РУз, Ин-т востоковедения им. Абу Райхана Беруни. Ташкент, 2006.
- ⁵¹ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник сведений, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 26–28.
- ⁵² См.: *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1986.
- ⁵³ См.: *Лурье Я.С.* О путях доказательства при анализе источников (на материале древнерусских памятников) // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 61–68.
- ⁵⁴ Важнейшие из них см.: *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938; *Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976; *Он же*. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. 1985. Т. 40. С. 190–205; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980; *Муравьева Л.Л.* Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. М., 1983; *Она же*. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М.: Наука, 1991; *Она же*. Рогожский летописец XV века. М., 1998.
- ⁵⁵ Книга Марко Поло. Алма-Ата, 1990. С. 39.
- ⁵⁶ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983. С. 43; *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты поволжских городов XIII века. Казань, 2003. С. 16.
- ⁵⁷ *Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты ... С. 16.
- ⁵⁸ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 31, 163.
- ⁵⁹ *Григорьев А.П., Фролова О.Б.* Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. М. 2002. 2001: Золотая Орда и ее наследие. С. 288–290.
- ⁶⁰ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящиеся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 236.
- ⁶¹ Там же. С. 206.
- ⁶² *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящиеся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 80.
- ⁶³ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 64–65.
- ⁶⁴ Подробнее см.: *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 51–54.
- ⁶⁵ *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящиеся к истории Золотой Орды. Т. I. С. 296–297.

- ⁶⁶ *Краснов Ю.А.* Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987. С. 99–123.
- ⁶⁷ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 368; ПСРЛ. М., 2007. Т. 18: Симеоновская летопись. С. 95.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 102–103.
- ⁶⁹ *Шамильоглу Ю.* Черная смерть и ее последствия // История татар с древнейших времен. В 7 т. Казань, 2009. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. С. 686–690.
- ⁷⁰ *Измайлов И.Л.* Экологические катаклизмы. Экономический и социально-политический кризисы // История татар с древнейших времен. Т. III. С. 682–686, 691–694.
- ⁷¹ *Измайлов И.Л.* Великая зямтя // История татар с древнейших времен. Т. III. С. 695–705.
- ⁷² ПСРЛ. М., 2000. Т. IV: Новгородская IV летопись. С. 289; ПСРЛ. М., 1965. Т. 15: Тверской сборник. Рогожская летопись. С. 69; ПСРЛ. М., 1962. Т. 27: Никаноровская летопись. Со-кращенные летописные своды конца XV в. С. 242, 326; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. С. 112.
- ⁷³ ПСРЛ. М., 2007. Т. 27. С. 242.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 10: Никоновская летопись. С. 232.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15. С. 69.
- ⁷⁶ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 377; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. С. 181.
- ⁷⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 101; см. также: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 378; ПСРЛ. Т. 15. С. 70.
- ⁷⁸ *Савельев П.С.* Монеты Джучидовъ, Джелаиридовъ и другия, обращавшия въ Золотой Орде въ эпоху Тохтамыша // ТВОИАО. СПб., 1858. Ч. 3. С. 208 и сл.; *Марков А.К.* Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896. С. 472 и сл.
- ⁷⁹ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 119.
- ⁸⁰ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система ... С. 93–94.
- ⁸¹ *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 137.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 15, 1. С. 85; Т. 18. С. 106; см. также: ПСРЛ. Т. IV. С. 291.
- ⁸³ ПСРЛ. Т. 15, 1. С. 85; Т. 18. С. 106; см. также: ПСРЛ. Т. IV. С. 291.
- ⁸⁴ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 382; ПСРЛ. Т. 15, 1. С. 81; см. также: ПСРЛ. Т. IV. С. 292.
- ⁸⁵ ПСРЛ. Т. IV. С. 294.
- ⁸⁶ Там же. С. 295.
- ⁸⁷ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 389.
- ⁸⁸ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 389–390; ПСРЛ. Т. 25. С. 185.
- ⁸⁹ Подробнее см.: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 83–90.
- ⁹⁰ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 399–400; ПСРЛ. Т. IV. С. 304–305; Т. 15, 1. С. 113–114, 435–436; Т. 18. С. 116–117.
- ⁹¹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 401.
- ⁹² *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 401–402; ПСРЛ. Т. 15, 1. С. 116–117; Т. 18. С. 117–118; ПСРЛ. М., 2004. Т. 23: Ермолинская летопись. С. 120.
- ⁹³ О политике сторон см.: *Горский А.А.* Москва и Орда... С. 100–107.
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 131–132; Т. 15, 1. С. 143.
- ⁹⁵ Подробнее см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 132–133; Т. 15, 1. С. 143–146; ПСРЛ. М., 2000. Т. III: Новгородская I летопись. С. 378.
- ⁹⁶ ПСРЛ. Т. 15, 1. С. 160–161; Т. 18. С. 141.
- ⁹⁷ ПСРЛ. М., 1998. Т. II: Ипатьевская летопись. С. 164.
- ⁹⁸ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 438; ПСРЛ. Т. 18. С. 141.
- ⁹⁹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 453; ПСРЛ. Т. IV. С. 380; Т. 15. С. 470; Т. 25. С. 225–226.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. IV. С. 380.

- ¹⁰¹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 456; ПСРЛ. Т. 25. С. 232.
- ¹⁰² *Горский А.А.* Москва и Орда... С. 126.
- ¹⁰³ *Шильтбергер И.* Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. / пер. Ф.К. Бруна. Баку, 1984. С. 35.
- ¹⁰⁴ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись... С. 468–471; ПСРЛ. Т. 15,1. С. 177–185; Т. 15. С. 482–484; Т. IV. С. 400; Т. 25. С. 238–239.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 15. С. 484.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 239; Т. 23. С. 143.
- ¹⁰⁷ *Горский А.А.* Москва и Орда... С. 134.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 160; Т. 25. С. 240; Т. 23. С. 143.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 15, 1. С. 186; Т. 15. С. 485–486.
- ¹¹⁰ *Мухамадиев А.Г.* Булгаро-татарская монетная система ... С. 124–135.
- ¹¹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 248; Т. 27. С. 102; ср.: ПСРЛ. Т. 27. С. 269; Т. IV. С. 451.
- ¹¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 248; Т. 27. С. 102; ср.: ПСРЛ. Т. 27. С. 269; Т. IV. С. 451.
- ¹¹³ *Горский А.А.* Москва и Орда... С. 142.
- ¹¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. С. 86, № 33.
- ¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 248; Т. 27. С. 102, 269; Т. 23. С. 147.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ГОРОДА БОЛГАРА

И.М. Нестеренко, А.Г. Ситдиков

Древний город Болгар является уникальным свидетельством исторической непрерывности, культурного разнообразия, взаимовлияния народов в периоды существования Волжской Болгарии, Золотой Орды, в составе Казанского ханства и Российского государства. Находясь на перекрестке торгово-экономических, культурно-духовных и политических коммуникаций, он ярко иллюстрирует взаимодействие кочевых и городских культур, обмен и реинтеграцию нескольких последующих культурных традиций, нашедшие отражение во всех сферах жизни города и его населения (рис. 24).

Болгар является символическим напоминанием о принятии ислама волжскими болгарами в 922 году и до наших дней остается священным местом паломничества мусульман к святым местам. Знаменитые художники братья Григорий и Никанор Чернецовы, побывавшие в Болгаре в 1838 г., писали в своем дневнике: «Близ сего минарета (имеется ввиду Малый минарет – один из архитектурных памятников Болгара. – *Авт.*) находятся еще развалины, не составляющие уже ничего. Тут есть деревянный палисад, окружающий место, в котором, по сказанию мусульман, погребены их пророки; татары почитают их за святых и из отдалённых мест приезжают на поклонение к ним. Иногда стекается их в Болгарах человек до ста из Уфы, Оренбурга, Казани и других мест; некоторые приезжают даже из Бухарии. Сказывали нам, что лет за пять назад один поклонник был из Хивы. В числе молельщиков жители болгарские видели черных: они проживают здесь дня по два и более, привозя иногда с собою нарочно мулл для отправления своих религиозных обрядов»¹.

Несомненно, что древняя и насыщенная история Болгара привлекала на протяжении многих столетий внимание правителей, путешественников, ученых, краеведов, художников, писателей и поэтов. Это место «весьма любимо и почитаемо бысть» еще царем Федором Алексеевичем (1661–1682 гг.)².

В августе 1712 г. Казанский и Свяжский митрополит Тихон написал письмо казанскому губернатору Апраксину, в котором предложил

построить на месте пустующего древнего «Болгарского мусульманского городища, которое весьма преславно и прекрасно», где нет ничего, кроме «древних каменных зданий», монастырь. Губернатор одобрил план постройки мужского монастыря, и в том же году по поручению губернской канцелярии дьяк Андрей Михайлов побывал на Болгарском городище, провел опись мест, которые должны были остаться под монастырем, и впервые в истории «древнее строение, что в окружном валу ныне есть, описал»³.

В «Выписи с межевых книг и письма меры дьяка Андрея Михайлова на земли новостроящегося Болгарского Успенского монастыря 1712 года», опубликованной в 1871 г. археологом и филологом, уроженцем Елабуги К.И. Невоструевым в виде приложения к своей книге «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского ханств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской» (рис. 45), кроме «окружного земляного вала», остатки которого сохранились до наших дней, внутренних укреплений – «малого окопа, где был царский дом», содержится описание более 70 средневековых зданий и сооружений: «...всходный столп, которого еще и ныне в вышину одиннадцать сажень, а по сказке Татарского ахуна Кадыр-Мамета, что де между тех палат была мусульманской веры большая мизгирь», «четыре палаты круглых», «да возле тех четырех палат пятая круглая, в которой ныне назначена Никольская церковь», «да по сторон тех палат еще палата четвероугольная, в которой есть и каменя кладбищныя с татарской надписью», «всходный столп вышины семь сажень», «у того столпа две мечети четвероугольные», «...за окопом палата четвероугольная», «палата четвероугольная без своду», «та палата была наперед сего церковью, потому что около ея много есть кладбищныя каменя с подписями, а подписи походили на армянские письмене»⁴. Монастырь вскоре был построен в центре городища, сохранившиеся мавзолеи у развалин Соборной мечети («Четырехугольника») монахи приспособили под «Церковь Святого Николая» и «Монастырский погреб».

В 1719 г. Болгарское городище посетила и составила краткое описание экспедиция под руководством немецкого врача и натуралиста, талантливое рисовальщика, поэта и филолога, знавшего восточные языки и быстро научившегося по-русски Даниила Готлиба Мессершмидта, отправленного Петром I в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян и прочих статей в лекарственные составы»⁵.

С путешествий Д.Г. Мессершмидта, продолжавшихся восемь лет, «начинается естественнаучное изучение России, они являются родоначальниками того великого коллективного научного труда, который непрерывно и преемственно продолжается с 1717 года до наших дней, все более разрастаясь как по своей силе, так и по ширине захваченных интересов»⁶ (рис. 25).

Любопытный император Петр I, первым обративший внимание своих современников на необходимость изучения «знатных мест» и «куриозные вещи», всего «что зело старо и необыкновенно», «гораздо старое

и курioзное», «вещей старых изрядных», скорее всего знал о древней болгарской столице. В мае 1722 г., во время Азовского (Персидского) похода, он осмотрел развалины города, выгравировал, как впоследствии и многие другие путешественники, «вблизи входа (Большого минарета. – *Авт.*), на высоте нескольких ступеней» свое имя (рис. 26). «Между надписями», как отмечал Эдуард Турнерелли, «можно видеть одну, начертанную не кем иным, как Петром Великим... От времени первая буква имени стерлась, четыре же последние можно ясно разобрать до сих пор»⁷.

Император приказал списать тексты с болгарских и армянских эпитафий для Кунсткамеры, которые были переведены Ахунот Кадыр-Мухаммедом Сюнчелеевым, слободским переводчиком Юсупом Ишбулатовым, а также армянином Иваном Васильевым. Вот одна из таких надписей в духе восточного красноречия: «Вот гробница Эмира Великого, знатнейшего, славнейшего, знаменитейшего, благороднейшего Ахмеда Хаджия, сына Мувамика, внука Му Хуссейна Насара Булгарского. О боже! Умилосердись над ним обширным милосердием и будь великодушен к нему своим снисхождением и прощением»⁸.

Прибыв в Астрахань, Петр Алексеевич писал Казанскому губернатору А.П. Салтыкову:

«Господин губернатор!

В бытность нашу в Булгаре видели мы, что у старинного болгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный подлежит подделывать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести, а камня там старого довольно много есть, также и места старые по времени велите чинить. Подлинный его императорского величества указ за предписанием собственные его величества руки, тако: Петр. Из Астрахани во 2 день июля 1722 г.»⁹

Вскоре верхняя часть Большого минарета была окована двумя железными обручами, а впоследствии по настоянию казанского вице-губернатора была покрыта дощатой крышей.

Распоряжение Петра Великого о Булгаре, один из первых документов об охране достопримечательностей в России, перестали выполнять сразу же после его смерти. А со снятия копий с указанных эпитафий начался отсчет времени в изучении болгарской эпитафики, отчего это событие и было высоко оценено учеными-востоковедами. В частности, И.Ю. Крачковский писал: «Значение сохранившихся на Востоке традиций Петр сумел оценить для чисто научных предприятий, тоже впервые осуществленных при нем»¹⁰.

В 1732 г. внешние валы Булгарского городища и остатки более ранних укреплений были описаны подполковником Никоном Савенковым и геодезистом Исаем Крапивиним¹¹. Несколько позднее развалины древнего города посетил известный российский историк, географ, экономист

и государственный деятель Василий Никитич Татищев, который, возможно, на нем производил замеры (рис. 27). Обдумывая, как иллюстрировать свой капитальный труд по русской истории – «Историю Российскую», он назвал в 1740 г. «некоторых древних строений чертежи», «города Болгар, Сарай и на Дону разоренные, где еще многие руины памяти достойны». «Строе-ние оное (Болгар. – *Авт.*), – писал В.Н. Татищев в 25-й главе своего труда: “О болгарях и хвалисах, у древних аргипеи и исседоны” – было довольно пространно, ибо его ныне видимо кругом верст на 5, а некоторые говорят на 6 и на 7. Дома, видно, что более были каменные, и в развалинах много от украшения наружной резьбы и полированной свинцом гончарной работ находится. Оный перво в 1234 году от татар, а потом в 1500-м году от русских вконец опустошен, и Казань построена»¹².

В 1732–1734 гг. на средства богатого купца Ивана Афанасьевича Михляева в центре древнего города, рядом с руинами Соборной мечети, была построена для монастыря каменная церковь «во имя Успения Богоматери», в фундаментах которой можно и сегодня увидеть надгробные камни¹³. С этого времени соседствуют на Болгарском городище памятники двух религий – ислама и христианства.

Постройка и деятельность монастыря, который в 1764 г. был переведен в Чебоксары, образование селения в пределах бывшего города (Монастырская слобода, позже село Успенское, Болгары в честь древнего города) усилили процесс его разрушения. Местное население растаскивало камни от древних зданий на разные хозяйственные нужды, на фундаменты домов, занималось кладоискательством. К 1760 г. на территории Болгарского городища оставалось 44 древних сооружения из более 70, описанных в 1712 г. дьяком Михайловым. Исследователи и путешественники отмечали лишь жалкие кучи камней там, где еще недавно стояли здания. Исчезли Ханский двор, Греческая палата и часовня в районе бывшего Армянского кладбища, целый район между Черной палатой и Малым минаретом, комплекс мавзолеев.

С.М. Шпилевский, обеспокоенный вопросом сохранения древностей Болгара, в своей речи, посвященной задачам Казанского общества археологии, истории, этнографии, на I годичном публичном собрании Общества 19 марта 1879 г. произнес: «Сообщали мне и о том, что будто бы у одного помещика в Спасском уезде выложен на дворе целый тротуар из камней с надписями. Другой спасский помещик сам рассказывал мне, как он распорядился о перевозке огромного камня с надписями из с. Успенского, т.е. Болгарского городища, к себе в имение, но, к сожалению, по дороге этот камень возчики разбили. Вспомним, наконец, показание одного из старинных описателей древностей г. Булгара Кафтанникова, что многие надгробные памятники свезены окрестными жителями под фундамент частных домов»¹⁴.

Знаменитый поэт и государственный деятель второй половины XVIII в. Г.Р. Державин, происходивший из старинного знатного рода (потомок

мурзы Багрима, известного со времен Золотой Орды), будучи студентом 1-й Казанской гимназии, в связи с поручением главного куратора Ивана Ивановича Шувалова г-ну Веревкину «описать развалины древнего татарского, или Золотой Орды города, называемого Болгары», в 1761 г. «пробыл там до глубокой осени и что мог, не имея самонужнейших способов, исполнил (рис. 28). Описание, план и виды развалин некоторых строений, то есть ханского дворца, бани и каланчи, с подземными ходами, укрепленной железными обручами по повелению Петра Великого, когда шествовал он в Персию, и списки с надписей гробниц, также монету медную, несколько серебряной и золотой, кольца ушные и науручные, вымытые из земли дождями, урны глиняные или кувшины, вырытые из земли с углями, собрал, а по возвращению в Казань отправил к г. Веревкину»¹⁵.

В 1762–1767 гг. в Казанскую губернию по именному Указу был командирован подполковник А.М. Свечин с целью поиска дуба, годного для кораблестроения, который в своем донесении 1765 г. счел необходимым привести русские переводы всех мусульманских надписей из петровского списка и описание всех памятников древнего города¹⁶.

В 1767 г. Екатерина II с большой свитой предприняла путешествие по Волге. 2 мая флотилия под командой Президента Адмиралтейской Коллегии И.Г. Чернышева вышла из Твери вниз по Волге. Екатерина и ее ближайшие вельможи помещались на галере «Тверь», а остальные на прочих судах («Волга», «Ярославль», «Казань»)¹⁷ (рис. 29).

По пути из Казани, где Екатерина II, восхищенная приемом казанской знати, разрешила строить каменные мечети, чем привлекла к себе внимание богатого татарского купечества, в Симбирск она посетила и осмотрела «сих болгар оставшие разоренные великие каменного и хитраго здания города и прочия строения»¹⁸. И уже на следующий день в письме к графу Никите Ивановичу Панину делилась полученными впечатлениями: «Вчерашний день мы ездили на берег смотреть развалины старинного, Тамерланом построенного города Болгары и нашли действительно остатки больших, но не весьма хороших строений два турецкие минарета весьма высокие, и все, что тут ни осталось, построено из плиты очень хорошей; татары же великое почтение имеют к сему месту и ездят богу молиться в сии развалины. Сему один гонитель, казанский архиерей Лука, позавидовал и много разломал, а из иных построил церковь, погребя и под монастырь не ломать сию древность»¹⁹. Но сама она нанесла городищу не меньший ущерб, позволив использовать его средневековый культурный слой на изготовление селитры²⁰.

Добравшись до Симбирска, свита отправилась сухопутьем в Москву, а галеры вернулись в Казань и были сданы в Адмиралтейство. Здесь хранились все 4 судна, из которых три в 1804 г. разобрали за ветхостью, а галера «Тверь», согласно «повелению хранить не переменяя того вида, какой она имела», дожила до 1956 г., пока не сгорела от случайно возникшего пожара²¹.

Позднее, в ноябре 1772 г. в одном из своих писем французскому философу-просветителю Вольтеру, с которым состояла в длительной переписке, Екатерина II сообщала: «Во время моего путешествия по Волге я оставила мою барку и высадила, чтобы посетить развалины древнего города Болгар... Я нашла здесь семь или восемь каменных домов и столько же минаретов, весьма прочно построенных. Я подошла к одной из этих развалин, вблизи которой стояло сорок татар, из которых некоторые были в молитвенном положении. Начальник губернии сказал мне, что место это считается татарами священным: они во множестве приходят сюда для поклонения»²².

В 1768 г. Российская Академия организовала пять экспедиционных групп с целью изучения территории империи, ее природных богатств, населения и исторических памятников. Во главе каждой из них стоял видный ученый, у которого было три-четыре помощника разных специальностей: рисовальщики, чучельники, егеря, технический персонал, охрана. Две Оренбургские экспедиции («Оренбургские посылки») работали на территории Казанской губернии.

В 1768 г. подробное описание зданий и сооружений Болгарского городища составила экспедиция адъютанта Петербургской Академии наук И.И. Лепехина (рис. 30), который в своей книге «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг.» отметил: «Студент Николай Озерецковский, ездивший за нуждами в Казань, имел случай осмотреть и описать остатки Болгаров, древняго татарского города» (рис. 31), которые «из знатного города в бедное сельцо военным трясением превратившиеся, стоят на горе в обнесенном по оной прежними жителями земляном валу, целую милю в окружности имеющем», приложив к описанию большое количество надписей, снятых с надгробных камней. Вскоре ему поручаются самостоятельные исследования. «Для большего успеха в делах нам порученных, – писал И.И. Лепехин, – отправил я из Симбирска студента Николая Озерецковского, на которого перед другими больше полагал надежды, в город Саратов для собирания там птиц и весенних трав, дав ему в помощники чучельщика и стрелка»²³.

В ходе экспедиций Н.Я. Озерецковский в совершенстве овладел методикой полевых исследований и проявил незаурядные способности к самостоятельной научной деятельности. Это и учитывал И.И. Лепехин, представляя в 1774 г. молодого ученого к званию адъютанта Российской Академии наук. Однако обстоятельства сложились иначе. Озерецковский в присутствии всей ученой академической конференции был «подвержен испытанию» по естественной истории, итоги которого оказались неблагоприятными, а вынесенное конференцией решение было составлено в унижительной для соискателя форме. В нем отмечалось, что «нет ничего предосудительнее и для науки, и для общего блага, как насильно заставлять заниматься и посещать профессорские лекции таких молодых людей,

которые не обнаруживают для этого ни малейшего желания». Биографы академика, как правило, объясняли это стремлением иностранных членов Академии ограничить доступ в ее стены русских ученых²⁴.

Знаменитый путешественник, профессор естественной истории, ботаник, этнограф Петр Симон Паллас, посетивший Болгар в декабре того же года, описал «достопамятнейшие» памятники городища «столь подробно, сколько смог осмотреть, ходя по снегу в тогдашнюю пронзительную стужу»²⁵ (рис. 32). Он произвел графическую фиксацию Белой и Черной палат, Малого минарета и в настоящее время уже утраченной усыпальницы, которые впоследствии были опубликованы в его книге «Путешествие по разным провинциям Российской империи», вышедшей в 1809 г. Описывая памятники «внутри... подворья Успенским называемого», Паллас пишет, что среди них «знатнейшая... башня или мизгирь сделана из отесанных камней несколько выше 12 сажень... На оную взходят по крутой лестнице о 72 ступенях, из коих каждая в парижский фунт вышиною. Сию лестницу совершенно починили и башню покрыли деревянною крышкою, на которой внутри находится новая Арабская надпись»²⁶.

Описанный П.С. Палласом Большой минарет Соборной мечети рухнул в 1841 г. Причиной падения явилась пустота в его основании, которую прорыли местные кладоискатели в поисках сокровищ. По воспоминаниям очевидцев, минарет упал ночью, когда все спали, и своим грохотом разбудил жителей не только Болгар, но и окрестных деревень. «Ныне большой столб, т.е. минарет, уже не существует, – писал профессор И.Н. Березин, – остатки его лежат на месте падения. В 1846 г, проездом через болгарскую местность я видел несколько камней с надписью из Алькураана, принадлежавшие... упавшему минарету»²⁷.

В 1769 г. член Оренбургской экспедиции П.С. Палласа, отставной капитан Н.П. Рычков, сын известного русского историка и этнографа П.И. Рычкова, объездил Казанскую губернию и «не имея ученой подготовки, в чем откровенно сознавался сам», наряду с Билярским, Иске-Казанским, «Чертовым», посетил и добросовестно описал древнее Болгарское городище²⁸.

В 1804 г. в Казани был открыт университет, ставший центром изучения многонационального края. Академик Н.Я. Озерецковский в 1805 г. в письме к первому ректору И.Ф. Яковкину намечал задачи естественно-исторических изысканий местного характера, «могущих быть предпринятыми под эгидой вновь основанного университета». В результате этого письма последовало циркулярное обращение Совета университета от 13 мая 1805 г. ко всем директорам училищ с просьбой принять меры «к собиранию и доставлению в университет всяких редкостей, в тех местах находящихся»²⁹. Однако ни учебный округ, ни руководство университета фактически не приняли мер к изучению местного края. Первые шаги в этом направлении были предприняты самостоятельно отдельными профессорами университета и краеведами.

В 1813 г. достопримечательности Болгар посещают и описывают профессор Казанского университета: страстный путешественник, объездивший еще до переезда в Казань в 1810 г. Францию, Италию и Швейцарию, доктор медицины Ф.Х. (Иоганн-Фридрих) Эрдман³⁰ (рис. 33) и востоковед и нумизмат, основатель Казанской школы востоковедения Х.Д. Френ, благодаря трудам которого рассказы Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу стали достоянием науки³¹ (рис. 34).

В 1816 г. достопримечательности древнего города осмотрели государственный канцлер, меценат и коллекционер книг, рукописей и древних вещей граф Н.П. Румянцев и купил у местного крестьянина массивный кубок из чистого золота с серебряными инкрустациями за тысячу рублей³² (рис. 35); в 1819 г. «казанский житель Кафтанников, занимавшийся в начале нынешнего столетия изучением древностей Казанского края»³³ и опубликовавший описание Болгарского городища в журнале «Заволжский муравей» в 1832 году; в 1823 г., во время плавания по Волге, русский писатель и журналист, издатель «Отечественных записок» П.П. Свиньин (рис. 36), который в начале своей статьи «Развалины города Болгар» указывает на то, что «...еще в отдаленности, верст за 12, замечаешь на синеющей возвышенности белую башню», а затем описывает, какие «взойдя на башню... очаровательные виды открываются» с ее высоты³⁴; в 1820-е годы казанский краевед и журналист, будущий издатель «Заволжского муравья» и автор «Краткой истории города» М.С. Рыбушкин³⁵; в 1840 г. русский краевед, историк, этнограф, мемуарист, редактор неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» Н.И. Второв³⁶ (рис. 37).

А.К. Шмидт, работавший в г. Казани более двадцати лет на должности губернского архитектора, в 1827 г. посетил и провел тщательные обмеры болгарских памятников и составил планы всех укреплений, зданий, развалин, сопроводив их рисунками. В 1832 г. чертежи и рисунки А.К. Шмидта были изданы в виде литографированного альбома «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар», которые служат ценнейшим материалом для изучения истории и архитектуры³⁷.

В 1829 г., во время двухлетнего путешествия «за счет русского правительства» по обширным просторам Российской империи «исключительно в целях научных и, насколько возможно, для содействия промышленности», немецкий ученый-энциклопедист барон Александр фон Гумбольдт (рис. 38) «с путниками поехал в Болгары... Спускаясь по Казанке к Волге, любовались чудным видом Казани. Шли по Волге на веслах и на путешествие до Болгар 145 верст употребили сутки. Около полудня 25 мая добрались до Болгар. На берегу экскурсантов ждали мужики из деревни Болгары с заготовленными лошадьми. Выгрузили экипажи и поехали к древним болгарским развалинам, находящимся в 9 верстах от берега. В деревне путешественникам навстречу вышло все болгарское население от мала до велика, а старики поднесли Гумбольдту хлеб-соль. Осмотр Болгарских развалин

занял время до вечера. Нужно было торопиться возвращаться в Казань, где попечитель собирался кормить высокого гостя обедом. Подзакусили и поехали обратно, но в Спасске задержала экспедицию сильная гроза. Пришлось заночевать. Второй задержкой на пути была переправа через Каму, затруднительная вследствие чрезмерно широкого разлива реки. Семь часов бились путники, пока наконец переправились и попали в г. Лаишев»³⁸.

«Далекий от равнодушия, с которым обычно обозревались эти памятники истребленной нации», «и, кажется, служат предметом пренебрежения у всех, исключая татар...», англичанин Эдуард Турнерелли (рис. 39), приглашенный в 1837 г. попечителем Казанского учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным, преподавателем английского языка в университете, «по приезде в Казань с широким удовольствием узнал об их существовании, которое обещало доставить ему редкое удовольствие... Под влиянием этого чувства, которое несомненно поймет всякий разумный читатель... решил специально посетить и временно побывать среди развалин»³⁹. Вернувшись в 1844 г. в Англию, он опубликовал книгу «Россия на границе с Азией», в которой несколько глав посвятил Болгару: «Развалины, о которых мы говорим, – Болгары, столица некогда славной нации, именованной Болгарами, столице, которая, мы убеждены, во время своего блестящего существования могла равняться древней Пальмире, Трое, Карфагену, Тиру и другим гордым городам, разделившим подобную же участь и не оставившим после себя следа...»⁴⁰.

Крупнейший востоковед своего времени И.Н. Березин (рис. 40) после возвращения из трехлетнего научного путешествия по Дагестану и Закавказью, Аравии, Турции, Персии и Египту, став профессором Казанского университета по турецкому языку, в 1846 г. посетил и впоследствии издал первый научный труд о древнем городе – «Булгар на Волге». В своей книге он отметил, что «булгарскому государству принадлежит большая роль и судьба его, когда-то находившегося в близких торговых сношениях с Русским государством, должна найти себе место в древней истории России. Изучение и описание памятников старины происходит довольно медленно и все еще имеется большое количество проблем» и предположил, что «существующие ныне остатки от Булгар принадлежат все без исключения мусульманской эпохе, т.е. с X по XV столетие. Это доказывается как характером зданий, так и историческими сведениями»⁴¹.

Руины древнего города привлекают внимание не только ученых и краеведов, но и художников. Много путешествовавшие по России, странам Европы и Ближнего Востока братья Григорий Григорьевич и Никанор Григорьевич Чернецовы в 1838 г. на специально приспособленной барке, где имелась мастерская, совершили путешествие по Волге. После трехдневной остановки в Казани художники двинулись вниз по Волге до села Болгары, где беседовали с жителями, осматривали развалины, делали зарисовки древних памятников. У местных жителей художники приобрели четыре серебряных и сто медных монет, найденных в разное время в окрестностях Болгар⁴².

«Вот остатки от знаменитого города, – восклицают Чернецовы в дневнике, – но скоро, может быть, и они исчезнут, поселянин сровняет плугом своим и самое место, где находилась столица Болгарского царства... Дряхлые немногочисленные остатки, составлявшие часть цветущего города, бывшие свидетелями падения его, теперь уединенно сиротеют: всеокрушающее время и им грозит уничтожением!»⁴³

«Солнце закатилось, когда мы оставили древнюю столицу бывшего Болгарского царства и поздно уже возвратились к лодке». А на следующее утро проводник привел из Болгар старичка лет семидесяти, который рассказал путешественникам, как лет десять назад водил по древним развалинам немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта и «о находках вещей, какие случайно попадают тут. Так, между прочим, рассказал нам», пишут Чернецовы, «что одному крестьянину нужно было для построения ветряной мельницы уровнять место и срыть бывший тут бугор, где он хотел построить мельницу. Приступя к уничтожению бугра, он открыл в нем пустоту и в ней нашел серебряный кувшин, значительно попорченный жаром огня, так как прежде у этого бугра находилась угольная яма. Тут же ему попался золотой блязик (браслет), какие носят на руках татарки. Продолжая рыть, он открыл гроб, в котором находились кости и лоскутья материи с блестками. В гробе нашел большую золотую рюмку, вроде чаши, три серебряные тарелки и золотые серьги. Из рюмки долго крестьянин потчевал гостей пивом, но один приехавший на богомолье татарин купил у него оную за триста рублей, также и тарелки были ему проданы. Теперь на том месте находится овин. Один путешественник долго здесь ходил с планом и вымеривал все шагами, он сказал нам, что в этом месте погребена была царица, и называл ее по имени. В полях после дождей много находят медяшек (так называют здесь старинные медные монеты), и нередко попадают серебряные деньги. Во время пахання в полях часто вырывают человеческие черепа огромной величины, а костей находится на них множество. Вот здесь на берегу, сказывают, в старину, еще при неверных, была пристань, теперь ее называют Ягал Базара, и здесь также часто находят серебряные и медные деньги. Поблагодаря добрых людей, мы отвалили от болгарской пристани и отправились в путь, но, проплыв около трех верст, остановились у левого берега, где во время путешествия по Волге императрицы Екатерины II была устроена пристань»⁴⁴.

17 сентября 1839 г. датирована литография Андре Дюрана (рис. 41): «Руины Болгар, древней татарской деревни. Дорога в Сибирь». На фоне болгарских руин и Белой палаты зарисована характерная для своего времени бытовая сцена из жизни военных: конные драгуны сопровождают группу пеших солдат, изнемогающих под тяжестью ранца и другого имущества на тяжелом «сибирском тракте», который проходил через территорию древнего города⁴⁵.

Уроженец Елабуги, живописец, график, мастер графики и офорта И.И. Шишкин, творчество которого тесно связано с родным Камским

краем, создал серию рисунков «Памятники архитектуры древних Булгар». В начале июля 1872 г., во время третьей поездки на Волгу русский художник-реалист Алексей Саврасов совершил путешествие в Болгар. Суровая красота архитектурных памятников покорила его воображение, и он написал два законченных натуральных этюда – «Село Болгары. Черная палата» и «Село Болгары. Малый минарет».

С середины XIX в. начинаются археологические исследования древностей Казанской губернии. В феврале 1859 г. императором Александром II учреждается Императорская Археологическая комиссия, обладавшая статусом государственного учреждения в министерстве Императорского двора и уделов, основными целями которой являлось: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собиране сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятников древностей; 3) ученая оценка откапываемых древностей»⁴⁶.

Комиссии было предоставлено право производить земляные раскопки на всех местностях, «или замечательных в историческом отношении, или дающих повод рассчитывать на открытие древностей» и следить: 1) за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности, о которых ее извещают местные начальства, а если не представляется затруднений, то и пересылают и самые находимые древности на ее рассмотрение, и 2) за земляными работами, производимыми в больших размерах, как, например, при проведении железных дорог, шоссе и т.п.⁴⁷

В 1864 г. создается Императорское Московское археологическое общество, ставившее своей целью «...исследование археологии вообще и преимущественно русской»⁴⁸. Особое внимание Археологическая комиссия и Московское археологическое общество уделяют исследованию Болгарского городища.

Первые раскопки на территории Болгарского городища были проведены в 1864 г. востоковедом и нумизматом, товарищем председателя Императорской Археологической комиссии бароном В.Г. Тизенгаузенем в урочище «Бабий бугор», где были зафиксированы остатки древних погребений, привлечших внимание многих исследователей⁴⁹ (рис. 42).

В.Г. Тизенгаузен, побывавший в Казани в 1866 г. в составе Археологической комиссии, один из первых познакомился с коллекцией А.Ф. Лихачева (рис. 43). Именно благодаря его заметке о собрании «булгарских древностей» лихачевская коллекция получила известность в среде профессионалов⁵⁰. Переписка с В.Г. Тизенгаузенем побудила А.Ф. Лихачева, наряду с первобытной историей, заняться средневековой историей и археологией Поволжья⁵¹. В.Г. Тизенгаузен также заказал А.Ф. Лихачеву зарисовки археологических памятников Болгара. А.Ф. Лихачев обратился к выпускнику Академии художеств – И.И. Журавлеву, которому покровительствовал.

К февралю 1867 г. было готово 9 листов с зарисовками, предполагалось издание специального альбома. В 1868 г. в казанской типографии Тилли были литографированы несколько листов, которые должны были составить археологический атлас, так и не увидевший света⁵². Всего было изготовлено 29 литографических листов. Одобренные цензурой в 1868 г., они были напечатаны только в 1923 г. тиражом 100 экземпляров⁵³. В тот же период А.Ф. Лихачев приступил к написанию «Истории Великой Булгарии», над которой трудился, по крайней мере, до 1886 г. Однако и эта работа осталась незаконченной и неизданной⁵⁴.

В 1869 г. по просьбе председателя Московского археологического общества А.С. Уварова был снят «План Казанской губернии, Спасского уезда, села Успенского, Болгары тоже, с показанием местности древнего татарского города Болгар»⁵⁵ (рис. 46).

В 1869 г. при Казанском университете возникло Общество естествоиспытателей, научная деятельность которого была направлена «к исследованию местного края в естественно-историческом отношении и к изучению народонаселения восточной окраины Европейской России в антропологическом и частью в этнографическом отношении»⁵⁶. Из него позднее выделились два крупных научных общества: Общество археологии, истории и этнографии и физико-математическое⁵⁷.

Исключительным по важности событием, определившим дальнейшие перспективы и направления в изучении истории Волжской Болгарии и ее городов вплоть до 1917 г., было проведение в 1877 г. IV Археологического съезда в Казани. Исполняя поручение Предварительного Комитета IV Археологического съезда, тюрколог, этнограф и археолог, инспектор татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ Казанского учебного округа В.В. Радлов и историк и археолог, профессор Казанского университета С.М. Шпилевский (рис. 44) 22 мая 1877 г. посетили Болгар с целью «обозреть сохранившиеся доныне развалины бывшей столицы Булгарского государства; было бы разрыть в присутствии членов IV Археологического съезда, во время предполагаемой экскурсии туда съезда; определить маршрут для будущей экскурсии» и отметили в отчете, что «развалины Булгара в настоящее время представляют гораздо меньше, не только того, что видели посетившие Булгар в 1760 г.: Паллас, Озерецковский и другие, но многого не существует из того, что было в 30-х годах настоящего столетия, что... показано в изданных в 1832 г. архитектором Шмитом “Архитектурных чертежах развалин древних Болгар”»⁵⁸.

Тогда же участники съезда (В.В. Радлов, Л.К. Ивановский, Б.И. Поповский, Э.Д. Пельцам) произвели двухдневные раскопки на Болгарском городище⁵⁹ (рис. 47, 48).

Состоявшийся в Казани съезд учел необходимость длительного постоянного наблюдения за памятниками Болгара, утвердив разработанный Советом «Проект ходатайства о мерах к сохранению болгарских развалин

в селе Успенском-Болгарах, Спасского уезда, Казанской губернии», где намечались следующие мероприятия: «1) Место, на котором находятся главные развалины древнего города Булгар, исключить из общественных земель села Успенского, Спасского уезда, Казанской губ., и взамен наделить общество другим участком, 2) Блюстителем за сохранностью этих памятников назначить Казанское археологическое общество, 3) Для сохранения памятников назначить из казны одновременное пособие в двести рублей и сто рублей на обнесение деревянным забором»⁶⁰.

Активным участником Археологического съезда в Казани был ученый и просветитель татарского народа Шигабутдин Марджани. На съезде Ш. Марджани выступил с докладом по истории Волжской Болгарии и Казани⁶¹ (рис. 49, 50).

18 марта 1878 г. министром народного просвещения был утвержден Устав Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, перед которым были поставлены масштабные задачи «изучения прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств с прилегающими к ней местностями» и оно само «проводит ученые исследования для собирания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются, устраивая для этого экскурсии и выставки»⁶². Общество состояло из трех отделений – истории, археологии и этнографии.

Первым председателем общества был избран П.Д. Шестаков, в то время попечитель Казанского учебного округа. В числе 40 членов-учредителей были известные исследователи истории Казани и края – Н.Я. Агафонов, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Н.П. Загоскин, И.А. Износков, Д.А. Корсаков, В.В. Радлов, А.Ф. Лихачев, Н.А. Фирсов, А.А. Штукенберг⁶³.

19 марта 1879 г. на собрании, посвященном первой годовщине деятельности Общества, в своем выступлении «О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии Обществу со стороны жителей местного края» товарищ председателя профессор С.М. Шпилевский отмечал, что «Нынешняя Казанская губерния была центром Булгарского царства, древние памятники которого... – предмет вполне достойный внимания ученых, имеющий важное значение не только для истории России, но и во всемирно-историческом отношении! Это царство соединяло Европу с Азией, здесь было складочное место товаров, идущим из Азии в Европу и наоборот: отсюда шла пропаганда ислама, которая не ограничивалась только ближайшими соседними странами, но проникла до Киева, где проповедники ислама предлагали князю Владимиру учение Мухаммеда... Торговые сношения Булгар с Среднею Азией продолжались постоянно и не прекращаются донныне... Сырые кожи и даже юфть доселе называются на востоке «булгари», т.е. болгарскими; наши орехи в Средней Азии называются тоже болгарскими – «гюзи-булгар»⁶⁴.

В 1880 г. Обществу археологии, истории и этнографии были переданы 862 квадратных сажени земли, занятой «болгарскими развалинами», и оно

стало ответственным за его сохранность⁶⁵. Эти уступленные Обществу земли не охватывали площади всего бывшего города, поэтому многие руины так и оставались без охраны и наблюдения, что ускорило их бесследное исчезновение.

По сообщению на заседании Совета Общества археологии, истории и этнографии археолога и музейного деятеля П.А. Пономарева, состояние памятников к 1880 г. сильно и заметно ухудшилось даже со времени экскурсии членов IV Археологического съезда, что «неминуемо вызывает настоятельную потребность в самых энергичных мероприятиях для спасения сохранившихся развалин». В связи с этим Общество намечает «немедленно по спаде весенних вод командировать в с. Болгары комиссию для составления на месте плана и сметы реставрации и охранения развалин г. Болгар, при ближайшем участии архитектора Х.Г. Пашковского»⁶⁶.

Для ремонта тех «развалин», которые «выделялись лучшей сохранностью и грандиозностью», и из-за «ограниченности материальной возможности», Общество обратилось к сенатору М.Е. Ковалевскому, ревизующему Казанскую губернию, и к казанскому губернатору А.К. Гейнцу с «просьбой об исходатайствовании на означенный предмет 300 рублей ежегодной субсидии из средств государственного казначейства», а также ко всем русским ученым обществам «с предложением, не пожелают ли они, ввиду высокого интереса, представляемого остатками г. Булгар для русской археологии и истории вообще, принять со своей стороны посильное материальное участие в вышеизложенном проекте спасения от гибели означенных остатков»⁶⁷.

Большое содействие Обществу археологии, истории и этнографии в сборе денежных средств оказало татарское население, у которых «булгарские развалины пользуются священным значением; там, по преданию, находятся могилы их святых, туда в значительном количестве съезжаются для молитвы окрестные мусульмане, которые могут быть уверены, что под охраной местной науки их святыни останутся неприкосновенными, причем будет охранен для них и беспрепятственный к ним допуск»⁶⁸.

Кроме вопросов ремонта «или поддержки развалин в приличном виде», перед Обществом археологии, истории и этнографии с первых шагов его деятельности встала задача охраны той территории, которая не была передана в непосредственное его распоряжение. В марте 1881 г. Общество попросило казанского губернатора «дать циркулярное предписание чинам уездной полиции и земской полиции о недопущении ими каких-либо раскопок археологических памятников без ведома и разрешения Совета Общества»⁶⁹.

До 1917 г. таких обращений к губернатору было много, но значительных результатов от предписаний губернатора не было. Камень из фундаментов развалин растаскивался, находимые предметы, иногда весьма ценные, продавались и исчезали с горизонта научного наблюдения.

С 1881 г. из Государственного казначейства ежегодно отпускаясь субсидия в размере 300 рублей «на поддержание в приличном виде и на

охранение древнего города Булгар»⁷⁰, но реальных шагов к ремонту здания не было принято еще в течение трех лет по неизвестным причинам. В 1883 г. Русское Археологическое общество поставило Обществу археологии, истории и этнографии на вид плачевное состояние болгарских развалин⁷¹.

В 1884, 1885, 1889, 1896 и 1905 гг. были проведены работы по ремонту и поддержанию болгарских памятников. Были расчищены руины Белой палаты, Соборной мечети, Малого городка, мавзолеев у Малого минарета и Греческой палаты. При ремонте, произведенном летом 1884 г. под руководством архитектора Х.Г. Пашковского, был значительно искажен облик Черной палаты, так как «имелось в виду, главным образом, восстановить прочность здания, а не его древний архитектурный стиль»⁷².

В 1888 г. для охраны памятников нанимается сторож, сами здания окружаются деревянными заборами⁷³. В Черной палате открывается музей болгарских древностей⁷⁴. Одновременно проводится и археологическое изучение Болгарского городища, организованное Обществом археологии, истории и этнографии и Археологической комиссией. На городище вели раскопки и исследовали сохранившиеся памятники в 1887, 1892, 1913, 1914 и 1916 гг. Н.Ф. Высоцкий, П.И. Кротов, И.А. Износков, П.А. Пономарев, И.Н. Смирнов, В.Ф. Смолин, Б.Е. Крелленберг, В.В. Радлов, Н.М. Малиев, М.М. Хомяков, М.Г. Худяков, А.А. Штукеберг, Н.Н. Фирсов и другие ученые (рис. 51–59). Ими были расчищены руины Белой и Греческой палат, Соборной мечети, мавзолеев в районе Малого минарета, начато изучение Черной палаты, обследовано урочище Ага-Базар, выявлен район гончарного производства на могильнике Бабий бугор⁷⁵.

Весной 1919 г. в условиях Гражданской войны экспедиция Самарского государственного университета и Самарского губернского музея под руководством А.С. Башкирова при участии инженера П.Н. Ефимова и историка С.И. Преображенского «провела свое небольшое научное дело»: исследования в районе Малого минарета, в Черной палате и на валах городских укреплений, инструментальную съемку городища. «В деле организации и снабжения экспедиции оказали большую помощь член Реввоенсовета Восточного фронта тов. Куйбышев и зав. Самарским Губоно тов. Тронин. Первая информация о результатах экспедиционной работы была произведена летом того же года в Совете Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете»⁷⁶.

Археолог, специалист по античной культуре А.С. Башкиров, проводивший в 1920-е годы раскопки в Крыму, Абхазии, Дагестане, Татарии, неоднократно посещал Болгарское городище, в результате изучения которого в 1928 г. увидела свет книга «Памятники Булгаро-Татарской культуры на Волге», посвященная пятидесятилетней деятельности Общества археологии, истории и этнографии⁷⁷ (рис. 60).

В декабре 1918 г. Народный комиссариат просвещения РСФСР создает губернские подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства

и старины при отделах народного образования губернских советов. Организация в Казани губернского подотдела значительно запоздала по сравнению с другими городами, где они начали возникать уже в конце 1918 г. Лишь летом 1919 г., после освобождения территории губернии от белогвардейцев, местные партийные органы смогли заняться делами губернского отдела народного образования.

Тем не менее, чтобы пробудить интерес к важной и неотложной проблеме, выполнить обязательное постановление Наркомпроса РСФСР, потребовался приезд и настойчивые усилия московского эмиссара А.И. Аристовой. 12 августа 1919 г. она собрала совещание историков, археологов, этнографов, художников, архитекторов – всех, кто был заинтересован в спасении произведений искусства, реликвий старины, и познакомила собравшихся с постановлением Наркомпроса о создании губподотделов по делам музеев и охраны памятников, декретом Совнаркома об учете и регистрации, методическими материалами⁷⁸.

После недолгого обсуждения был намечен состав коллегии Казанского губподотдела, который был утвержден окончательно 26 августа членами Всероссийского отдела И.Е. Бондаренко, И.Э. Грабарем и Т.Г. Трапезниковым, прибывшими в Казань в составе Второй Волжской экспедиции: заведующий губернским музеем Б.Ф. Адлер, заведующий кафедрой истории искусств и директор Музея древностей и изящных искусств Казанского университета А.М. Миронов, секретарь Общества археологии, истории и этнографии, профессор Казанского университета К.В. Харлампович, хранитель художественного отдела Казанского губернского музея П.М. Дульский, художник В.П. Соколов (рис. 61). Кроме того, были утверждены разъездные инструкторы: краевед и коллекционер М.И. Лопаткин, коллекционер В.В. Перцов и художник, последний председатель Товарищества передвижников П.А. Радимов⁷⁹.

На первом организационном совещании было решено, что «основной задачей текущего момента будет полная регистрация памятников искусства и старины в городе и особенно в уездах», описание, фотофиксация и поддержание памятников древности, которые разрушаются (рис. 63, 64). В первую очередь губподотдел (с 1920 г. – Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы Татнаркомпроса, с 1921 г. при Академическом центре Татнаркомпроса) занялся охраной памятников архитектуры от разрушений, в том числе на Болгарском городище, противодействием «самочинным раскопкам». Особо уполномоченным Отдела по Болгару стал местный учитель В.М. Королев, которому было поручено: «1) хранить ключи от развалин; 2) наблюдать за всеми развалинами; 3) вести организацию и наблюдение за музеем», созданным в Черной палате⁸⁰ (рис. 62).

В 1926 г. в помощь хранителю развалин был дан сторож, который делал обходы памятников, и создана краеведческая организация из молодежи

и крестьян «Кружок охраны памятников болгарской старины»⁸¹. «Имея в виду сохранение памятников старины и искусства на территории древней Болгарской столицы от дальнейших разрушений и расхищений», 22 сентября 1923 г. Совет народных комиссаров ТССР принял постановление (№ 47): «1. Объявить неприкосновенным заповедником всю территорию древних болгар, ныне включающую в себя: а) село Болгары (подгорную и нагорную части); б) всю территорию древнего города, окруженную валом, включая и Малый городок по дороге в село Три Озера; в) территорию так называемой Греческой палаты со всеми их древними памятниками старины и искусства. По плану площадь эта включает 567,1 дес. (десятин. – Авт.) 2. Воспретить проводить какие бы то ни было раскопки на этой территории без разрешения Музейной Комиссии при Академическом центре Татнаркомпроса, брать камни со старинных зданий для построек, а также уносить с этой территории какие бы то ни было остатки старины и искусства, как и заливать ее отбросами. Запрещается также застраивать эту площадь новыми домами и холодными постройками без разрешения Музейной Комиссии и распахивать места, занятые древними зданиями и остатками их окружностью каждое в 5 м. 3. Определить более точно площадь древних Болгар комиссией из представителей Наркомзема, Строительного Управления и Музейной Комиссии. Виновные в нарушении означенного постановления будут привлекаться к суду за расхищение и порчу государственного достояния»⁸².

В 1923 г. был создан план ремонтных работ, осуществление которого оказалось возможным летом 1926 г., когда «черновая, трудная подготовительная работа» Отдела была закончена. «Развернув работу в Казани на памятниках Кремля, все внимание и все средства, накопленные с большим трудом, Отдел бросил на ремонт памятников Болгар»: Малый минарет, Ханскую усыпальницу, Северный и Восточный мавзолеи, Соборную мечеть и Черную палату, на которых были произведены работы по «ликвидации запущенности, в которую памятники пришли за годы войны и революции, в принятии предохранительных мер от дальнейшего разрушения»⁸³.

В 1931 г. закрывается Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1932 г. был ликвидирован Академцентр, в 1933 г. – Музейный отдел Татнаркомпроса, а его функции по охране памятников возлагаются на Центральный музей Татарской Республики. С ликвидацией отдела закрыты были и ассигнования на охрану и реставрацию памятников, в том числе и болгарских⁸⁴.

С 1933 г. Институт истории материальной культуры (в настоящее время – Институт археологии РАН) начал «с целевой установкой на изучение истории первого государства Среднего Поволжья – Волжской Булгарии – систематическое, планомерное, многолетнее исследование»⁸⁵.

С 1938–1949 гг. с небольшими перерывами в годы Великой Отечественной войны экспедицией Института истории материальной культуры

АН СССР при участии Государственного исторического музея (ГИМ) и Государственного музея ТАССР (ГМТР), под руководством Алексея Петровича Смирнова «в связи с работами по строительству Куйбышевского гидроузла» проводилось археологическое изучение Болгарского городища. Это объяснялось тем, что «большая Волга подойдет к самому городищу и нижняя часть его по берегу реки Меленки будет затоплена»⁸⁶. Были исследованы Красная палата, районы гончарных и металлургических мастерских, линия укреплений, Бабий бугор, Коптелов бугор, а также Греческая палата. В раскопках Болгар участвовали сотрудники Центрального музея ТАССР Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова, О.С. Хованская и З.А. Акчурина, работающая в Научно-исследовательском институте татарского языка и литературы, созданном в 1939 г. (в настоящее время – Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова АН РТ), что имело большое значение для их роста как специалистов-археологов⁸⁷ (рис. 65–67).

В годы Великой Отечественной войны Центральный музей самостоятельно провел небольшие археологические исследования Болгар. В сентябре 1942 г. изучались эпиграфические памятники городища. Летом 1943 г. была проведена двухмесячная разведочная экспедиция под руководством Н.Ф. Калинина, которая обмерила ряд болгарских памятников⁸⁸. В 1945 г. Болгарский археологический музей был присоединен в качестве филиала к Государственному музею ТАССР, а с 1962 г. вновь становится самостоятельным учреждением⁸⁹.

В 1950–1954 и 1957 гг. Болгарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции АН СССР (при участии ГИМ и ГМТР) под руководством А.П. Смирнова изучались посад и пригороды древнего города, которые подлежали затоплению водами Большой Волги в связи со строительством Куйбышевской ГЭС. Вскрыты дренажно-ряжевые сооружения, остатки древней запруды на реке Меленке, руины пяти каменных бань, жилые и ремесленные районы посада, древнерусский поселок, исследована территория торгового пригорода Болгар – Ага-Базара, изучена территория кладбища близ Ханской усыпальницы. Эти работы были осуществлены уже подготовленными археологами-болгароведами (Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова, О.С. Хованская, З.А. Акчурина, Т.А. Хлебникова, Б.Б. Жиромский), при участии других специалистов-археологов (В.В. Седов, В.А. Тихомирова, Л.П. Воскресенская, И.А. Талицкая, Н.Д. Мец)⁹⁰.

В 1964–1970 гг. Болгарским отрядом Поволжской археологической экспедиции АН СССР под руководством А.П. Смирнова с участием Т.А. Хлебниковой, Н.Д. Аксеновой, Н.В. Трубниковой и других было проведено совместно с архитектором Казанской специальной научно-реставрационной производственной мастерской С.С. Айдаровым архитектурно-археологическое исследование памятников в связи с начавшимися реставрационными работами. Исследованы Соборная мечеть, Северный и Восточный мавзолеи, Ханская усыпальница, Малый минарет и Черная палата⁹¹ (рис. 68).

С 1970 г. изучение городища продолжается Болгарским отрядом Поволжской археологической экспедиции АН СССР под руководством А.П. Смирнова, с 1974 г. Г.А. Федорова-Давыдова (рис. 69), с 1981 г. – Болгарской археологической экспедицией под руководством Т.А. Хлебниковой и Р.Ф. Шарифуллина. За это время были исследованы оборонительные сооружения города, жилые и ремесленные кварталы, усадьбы знати и городские кладбища, вскрыты объекты монументального строительства – Северные ворота Малого городка, Белая и Восточная палаты, Ханский дворец, получен материал по различным вопросам истории и культуры города Болгар – от возникновения и до гибели: по исторической и социальной топографии, оборонительным сооружениям, динамике территории, планировке в различные периоды, строительству, ремеслам, торговле, благоустройству и т.д.⁹²

В настоящее время организатором археологических исследований и спасательных археологических работ на территории городища является Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, экспедицию которого возглавляет д.и.н., член-корреспондент АН РТ А.Г. Ситдиков⁹³.

В разные годы в археологических раскопках Болгарского городища участвовали А.С. Воскресенский, Н.Д. Аксенова, Н.В. Трубникова, М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, В.Л. Егоров, С.В. Морозова, М.Г. Крамаровский, П.Н. Старостин, Р.Г. Фахрутдинов, Ю.А. Краснов, Л.А. Беляев, Р.Ф. Шарифуллин, М.М. Кавеев, В.С. Баранов, И.Р. Газимзянов, А.М. Губайдуллин, В.Ю. Коваль, С.Г. Бочаров, И.В. Волков, И.И. Елкина, А.В. Лазукин и многие другие исследователи.

С начала 1960-х годов по настоящее время консервация и фрагментарная реставрация Соборной мечети, Черной, Восточной и Белой палат, Ханской усыпальницы и Малого минарета, Северного и Восточного мавзолеев, Успенской церкви и других архитектурно-археологических объектов проводится Татарским специальным научно-реставрационным управлением (до 1991 г. – Казанская, Татарская специальная научно-реставрационная производственная мастерская)⁹⁴.

В 1969 г. территория древней столицы Болгарского государства и его архитектурные памятники были объявлены историко-архитектурным заповедником (с 2000 г. – музей-заповедник). Директором заповедника на протяжении 20 лет был археолог и нумизмат Д.Г. Мухаметшин, много сделавший для охраны, музеефикации и популяризации Болгарского городища: прекращена распашка и разработка карьера, выведены аэропорт, водозабор и более 30 жилых домов, в Северном мавзолее открыт Музей эпиграфики, в Успенской церкви – Музей археологии⁹⁵.

В 1989 г. на территории древних Болгар прошли торжества, посвященные 1100-летию официального принятия ислама Волжской Болгарией и ставшие традиционными, в которых приняли участие десятки тысяч людей из различных регионов страны и дальнего зарубежья.

В начале 1990-х годов был создан «Фонд Булгар»⁹⁶, который внес оживление в работу Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника. Фондом был очищен фарватер от русла Волги до древнего города, установлен дебаркадер, что позволило принимать здесь речные туристические лайнеры всех типов. На берегу Волги возведен туристический комплекс: большой шатер и серия малых, напоминающих юрты, под которыми разместились кафе и сеть магазинов. Однако дело до конца не довели.

Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник прошел период своего становления и в настоящее время сформировался как один из крупных и интересных музеев-заповедников на территории Российской Федерации. Историческое значение этого места, расположенные здесь уникальные объекты культурного наследия, а также накопленный опыт музейной и организационной работы позволяли поставить задачу дальнейшего развития Болгарского музея-заповедника и превращения его в объект мирового значения, по своим музейным и туристским возможностям, не уступающий лучшим музеям страны и мира и обеспечивающий высокую привлекательность для посетителей из различных регионов России и зарубежных государств.

Повышенное внимание россиян, гостей из ближнего и дальнего зарубежья к истории и культуре ислама и христианства, мирного сосуществования мусульман и христиан на протяжении веков на нашей территории, диктовало необходимость скорейшего возрождения древних уникальных памятников Татарстана и эффективного использования их в культурно-просветительских и туристских целях.

Основные мероприятия, намеченные Постановлением Правительства Республики Татарстан № 590 от 24.10.2007 г. «О перспективах развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника», Программой развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника на 2009–2019 гг., разработанной Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, легли в основу Комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск», разработанного по инициативе первого Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева и поддержанного высшим руководством Российской Федерации (рис. 70).

Реализация предусмотренных Комплексным проектом мероприятий по возрождению древнего города Болгара на 2010–2014 гг. стала знаковым событием и одной из приоритетных задач органов государственной власти Республики Татарстан и созданного в марте 2010 г. Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, председателем Попечительского Совета которого является первый Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев.

В 1999 г. Болгарский историко-архитектурный комплекс был включен в Предварительный список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО от Российской Федерации (Список ожидания), как «представляющий уникальное свидетельство истории и культуры волжских болгар и их потомков татар, а также исчезнувших государств Волжская Болгария и Золотая Орда (Улус Джучи)», Однако работа по продвижению номинации в Список мировых достопримечательностей «как уникального свидетельства древних цивилизаций Волжской Болгарии и Золотой Орды, как представляющий единственные физические следы Волжской Болгарии в период расцвета» была продолжена только в 2010 г. и успешно завершена на XXXVIII сессии Комитета Всемирного наследия 26 июня 2014 г. в Катаре⁹⁷.

Болгар стал 1002 объектом в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО и 27 объектом в этом списке от Российской Федерации как «свидетельство взаимоотношений и исторического взаимообогащения культурных традиций тюркских, финно-угорских, славянских и других народов, в особенности в период развития Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и Российского государства»⁹⁸.

На территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника в рамках реализации Комплексного проекта «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск» были проведены беспрецедентные по своим масштабам и значению работы, связанные с дальнейшим изучением археологических объектов, в котором приняло участие около 150 специалистов из различных регионов России и зарубежных стран, консервацией и реставрацией памятников архитектуры, формированием транспортной, инженерной, туристской и музейной инфраструктуры.

Построены причал для туристических теплоходов, речной вокзал с музеем «Болгарская цивилизация», экспозиция которого раскрывает историческую роль города Болгара в становлении и развитии предков татарского народа и как важного явления мировой истории и культуры и занимает около 2 тыс. кв. м; здание Международного центра археологических исследований при Академии наук Республики Татарстан, палаточный лагерь для паломников, Музей лекаря, созданный на основе материалов из раскопок ряда объектов Болгарского городища и письменных источников, в том числе рукописных трактатов по медицине, созданных болгарскими медиками, Музей хлеба, мечеть и комплекс медресе, Памятный знак в честь официального принятия ислама Волжской Болгарией в 922 г. и др. объекты музейного показа⁹⁹.

Эта созидательная деятельность была направлена в первую очередь на дальнейшее сохранение наследия, оставленного и сохраненного нам талантливыми предшественниками, которое в максимально полном объеме должно быть передано будущим поколениям.

- ¹ Чернецов Г.Г., Чернецов Г.Н. Путешествие по Волге. М., 1970. С. 99.
- ² Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского ханств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды Первого Археологического съезда. М., 1871. Т. 2. С. 526.
- ³ Михайлов А. Выписки с межевых книг на землю Успенского монастыря 1712 года. См.: Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского царств... Т. 2. С. 525–595.
- ⁴ Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского ханств... С. 525–595.
- ⁵ Вернадский В.И. Труды по истории науки в России / сост. М.С. Бастракова, В.С. Неаполитанская, Г.А. Фирсова. М., 1988. С. 159–160.
- ⁶ Там же. С. 160.
- ⁷ Ардашев И.А. Развалины Болгар и древние болгары по описанию англичанина Э.П. Турнерелли. Казань, 1901. С. 31–32.
- ⁸ Эрдман Ф.И. О надгробных надписях в Болгарах //Заволжский муравей. Казань, 1832. Кн. 21/23. С. 1355–1356, № 45.
- ⁹ РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 93. Л. 362.
- ¹⁰ Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 41.
- ¹¹ Шпилевский С.М. Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 571–580.
- ¹² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М, 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 350–351.
- ¹³ Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998. С. 236. О болгарских надгробных плитах в основании Успенской церкви см.: Шпилевский С.М. Древние города... С. 247–248.
- ¹⁴ Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии обществу со стороны жителей местного края // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. III. С. 18.
- ¹⁵ Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г.Р. Сочинения., М., 1985. С. 365–366.
- ¹⁶ Мухаметшин Д.Г., Хакамзянов Ф.С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. С. 27.
- ¹⁷ Пуцин П.И. Записка капитана I-го ранга П.И. Пуцина о речном плавании Государыни Императрицы Екатерины Великой от Твери до Казани, Болгар и Симбирска вместе с табелью // Славянин: Военно-литературный журнал. Ч. 1–16. СПб., 1827–1830. 1828. Ч. 5. № 5. С. 158–161.
- ¹⁸ Гольштейн-Готторп-Романова Екатерина II Алексеевна. О болгарях и хвалисах // Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. 1901–1907. СПб., 1906. Т. 11. С. 501.
- ¹⁹ Письмо Екатерины II к Н.И. Панину от 3 июня 1767 г. // Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. М., 1863. С. 27. № 55.
- ²⁰ Исследования последних лет свидетельствуют о начале производства селитры в Болгаре с 1673 г., т.е. задолго до времени правления Екатерины II. В первой половине XVIII в. работы были приостановлены и возобновились к середине XVIII в. К 1763 г. на заводе работало свыше 380 человек. Подробно см.: Абдуллин Х.М. Болгарский селитряный завод по историческим, архивным и картографическим материалам // Поволжская археология. 2017. № 4. С. 112–125.
- ²¹ Чепелев В. Галера «Тверь» и ее печальная судьба // Катера и яхты. 2007. № 1. С. 134–137.
- ²² Письмо 120 от императрицы 11/23 ноября 1772 г. // Переписка российской императрицы Екатерины Второй с Вольтером. Ч. 2. СПб., 1802. С. 128.

- ²³ *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг. СПб., 1795. Ч. 1. С. 265.
- ²⁴ *Некрасова В.Л.* Академик Н.Я. Озерецковский: К столетию со дня смерти // Краеведение. 1927. Т. IV, № 1. С. 71–74.
- ²⁵ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1. С. 186.
- ²⁶ Там же. С. 186.
- ²⁷ *Березин И.Н.* Булгар на Волге. Казань, 1853. С. 1–2.
- ²⁸ *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
- ²⁹ *Синицина К.Р.* Создание музеев в Казани // Из истории Татарии: Краеведческий очерк. Казань, 1965. С. 231.
- ³⁰ *Erdmann F.I.* Die Ruinen Bulgars, beschreiben und mit historischen Anmerkungen begleitet vom... Erdmann zu Kasan. Kasan, 1820.
- ³¹ *Савельев П.* О жизни и ученых трудах Френа. СПб., 1855. С. 18, 27.
- ³² *Свиньин П.П.* Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествий П.П. Свиньина. СПб., 1839. Ч. 1. С. 204.
- ³³ *Кафтанников Н.Н.* Болгары и развалины столицы сего народа // Заволжский муравей. Казань, 1832. Ч. 2, № 11, 16. С. 601–613; Ч. 3, № 19. С. 881–887.
- ³⁴ *Свиньин П.П.* Картины России... С. 189.
- ³⁵ *Рыбушкин М.С.* Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский муравей. Казань, 1833. Ч. 1, № 2. С. 63–92; № 4. С. 187–208.
- ³⁶ *Второв Н.И.* Памятники древностей в Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1840. Ч. 38, № 8.
- ³⁷ *Шмит А.* Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. Казань, 1827.
- ³⁸ *Бобров Е.А.* Из путешествия А. Гумбольдта по России и его пребывание в Поволжье в 1829 г. // Эхо веков. 2003. № 1–2. С. 188–197.
- ³⁹ Знаменитые люди о Казани и Казанском крае / сост., авторы биографий и комментариев А.В. Гарзавина, И.А. Новицкий. Казань, 1999. С. 155–156.
- ⁴⁰ Там же. С. 155.
- ⁴¹ *Березин И.Н.* Булгар на Волге. Казань, 1853. С. 1–2.
- ⁴² *Чернецов Г.Г., Чернецов Г.Н.* Путешествие по Волге... С. 100–102.
- ⁴³ Там же. С. 100.
- ⁴⁴ Там же. С. 102–103.
- ⁴⁵ *Башкиров А.С.* Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928. С. 105.
- ⁴⁶ Археологические общества в России // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890. Т. 2 (3): Араго-Аутка. С. 235.
- ⁴⁷ Там же. С. 235.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Ефимова А.М.* Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 24; *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1987. С. 32.
- ⁵⁰ *Тизенгаузен В.Г.* Собрание болгарских древностей (1866 год) // Известия Русского археологического общества. СПб., 1868. Т. VI, отд. 2. С. 182–183.
- ⁵¹ *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю.* «Казанский антиквариум» / науч. ред. Е.А. Вишленкова; Национальный музей РТ. Казань, 2006. С. 73.
- ⁵² Там же. С. 73.
- ⁵³ *Лихачёв А.Ф.* Археологический атлас. Казань, 1923.
- ⁵⁴ *Назипова Г.Р., Измайлова С.Ю.* «Казанский антиквариум». С. 74–83.

- ⁵⁵ Собрание карт, планов и рисунков к трудам Первого Археологического съезда. М., 1871.
- ⁵⁶ Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования (1869–1894). Казань, 1894.
- ⁵⁷ *Астафьев В.В.* Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и его уникальный опыт интерпретации исторических памятников // Вопросы музеологии. 2011. № 1. С. 81–85; *Изотов Г.Е.* Казанское физико-математическое общество. Казань, 2003.
- ⁵⁸ *Шпилевский С.М.* Древние города... С. 582.
- ⁵⁹ *Смирнов А.П.* Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. М., 1954. № 42. С. 304; *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография. С. 32; Труды IV Археологического съезда. Казань, 1884. Т. I. С. СXXXIX.
- ⁶⁰ Труды IV Археологического съезда... Т. I. С. СXXXII–СXXXIII.
- ⁶¹ *Шихаб-ут-дин Бага-уд-динов.* Очерк истории Болгарского и Казанского ханств // Труды IV Археологического съезда. Т. I. С. 40–58.
- ⁶² Устав Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1878. С. 3.
- ⁶³ Личный состав общества к 1 января 1880 года // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. Казань, 1879. Т. II. С. 4–9; *Катанов Н.Ф.* Общество Археологии, Истории и Этнографии за тридцать лет: (Доклад председателя онога в Общем Собрании 18 марта 1908 г.) // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете. Казань, 1908. Т. XXIV, вып. 3. С. 238–246.
- ⁶⁴ *Шпилевский С.М.* О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии... С. 5.
- ⁶⁵ Протокол XIV заседания Совета 24 января 1880 года // Протоколы заседаний Совета и общих собраний членов Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете за 1880–81 год. С приложениями. Т. IV. С. 1–3; Протокол XVIII заседания Совета 4 октября 1880 года // Протоколы заседаний Совета ... Т. IV. С. 21; *Смолин В.Ф.* Охрана и ремонт болгарских развалин в прошлом // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1927. Вып. 1. С. 6.
- ⁶⁶ Протокол XVIII заседания Совета 4 октября 1880 года // Протоколы заседаний Совета ... Т. IV. С. 23; *Смолин В.Ф.* Охрана и ремонт... С. 6.
- ⁶⁷ *Смолин В.Ф.* Охрана и ремонт... С. 7.
- ⁶⁸ Там же... С. 7.
- ⁶⁹ Там же. С. 14–15; Протокол XXI заседания Совета 13 марта 1881 года // Протоколы заседаний Совета ... Т. IV. С. 50–51.
- ⁷⁰ *Смолин В.Ф.* Охрана и ремонт... С. 7; Протокол XXIII заседания Совета 20 октября 1881 года // Протоколы заседаний Совета... Т. IV. С. 71–72.
- ⁷¹ *Смолин В.Ф.* Охрана и ремонт... С. 8.
- ⁷² Там же. С. 7, 9.
- ⁷³ Там же. С. 10–11.
- ⁷⁴ *Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Махмутов Р.З.* Создание Болгарского музея-заповедника // Великий Болгар. М., 2013. С. 357.
- ⁷⁵ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения... С. 32–33.
- ⁷⁶ *Башкиров А.С.* Памятники болгаро-татарской культуры... С. 7, 12–13, 17; *Смирнов А.П.* Волжские болгары // Труды ГИМ. М., 1951. Вып. XIX. С. 168.; *Кузьминых С.В., Белозерова И.В.* А.С. Башкиров и археология Волжской Булгарии // VII Халиковские чтения: Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: Проблемы исследований, сохранения и музеефикации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции. Казань, 2017. С. 197. (Сер. «Археология евразийских степей»; № 1).
- ⁷⁷ *Башкиров А.С.* Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928.

- ⁷⁸ *Синицина К.Р.* «Казанский музейный вестник» 1920–1924 гг. Казань, 1965. С. 5; *Хайрутдинов Р.Р.* Первый этап формирования государственной охраны памятников в Татарстане (1919–1920-е годы) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4. С. 189–191.
- ⁷⁹ *Синицина К.Р.* Полвека музеев Казани и Татарии: Очерки истории 1915–1967 годов. Казань, 2002. С. 39–40.
- ⁸⁰ *Смолин В.Ф.* Охрана и ремонт... С. 15.
- ⁸¹ Там же. С. 15.
- ⁸² Архив БГИАМЗ.
- ⁸³ *Корнилов П.Е.* Ремонт в Болгарах в 1926 году // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1927. Вып. 1. С. 18.
- ⁸⁴ *Фахрутдинов Н.Ф.* Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия в Татарстане в 20-е годы // Актуальные проблемы государственности татарского народа: Материалы научной конференции. Казань, 25 апреля 2000 г. Казань, 2000. С. 127; *Мухаммадеев А.Р.* Проблемы изучения и сохранения историко-археологических памятников болгар на страницах печати начала 1920-х гг. // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 286.
- ⁸⁵ *Ефимова А.М.* Археологическое изучение Татарии в годы Советской власти. Казань, 1961. С. 9–10.
- ⁸⁶ *Смирнов А.П.* Баня XIV в. в Великих Болгарах // КСИИМК. 1940. Вып. 6. С. 82, 84.
- ⁸⁷ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения... С. 34–35, 83.
- ⁸⁸ *Калинин Н.Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 90–104; *Мухаметшин Д.Г.* Татарские эпиграфические памятники: Региональные особенности и этнокультурные варианты // Археология евразийских степей. Казань, 2008. Вып. 6. С. 10–11.
- ⁸⁹ Поволжские Помпеи. Казань, 2010. С. 73.
- ⁹⁰ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения... С. 39–42, 84–85.
- ⁹¹ Там же... С. 42–44, 85–86.
- ⁹² Там же. С. 44, 87.; *Шарифуллин Р.Ф.* Археология Болгара в 1981–2009 годах // Город Болгар: Жилища и жилая застройка / отв. ред. А.Г. Ситдинов. М., 2016. С. 246–264.
- ⁹³ Подробно о некоторых итогах археологических исследований последних лет см. очерк в данной монографии: *Ситдинов А.Г., Валиев Р.Р.* Археологическое изучение Болгара в 2010–2015 гг.
- ⁹⁴ *Айдаров С.С.* Методические основы консервации архитектурно-археологических памятников в Великих Болгарах // Города Поволжья в Средние века. М., 1974. С. 30–38.
- ⁹⁵ *Салахов Д.Д., Хузин Ф.Ш.* Д.Г. Мухаметшин – историк, эпиграфист, нумизмат: (к 70-летию ученого) // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 269–274.
- ⁹⁶ Постановление СМ ТССР от 11.10.1990 № 374 (ред. от 01.08.1994) «О регистрации Устава Фонда по сохранению, использованию и восстановлению Болгара и других историко-культурных памятников Республики Татарстан (“Фонд Болгар”»)» <http://zakon-region3.ru/2/198903/>
- ⁹⁷ *Валеев Р.М.* Болгар – объект всемирного наследия // Великий Болгар. М., 2013. С. 378–383; 38th session of the World Heritage Committee http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/devjat_novykh_obektov_vkljucheny_v_spisok_vsemirnogo_nasledija/#.VXGyVUY6Xcs
- ⁹⁸ Bolgar Historical and Archaeological Complex <http://whc.unesco.org/en/list/981>; Болгарский историко-археологический комплекс (Татарстан) вошел в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 106–107.
- ⁹⁹ Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник // Изучение, реставрация и использование памятников истории и культуры в Республике Татарстан: Информационный выпуск № 9, 10. Список объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Историко-культурные территории. Исторические поселения. Казань, 2013. С. 216–223.

ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В XIX ВЕКЕ

Х.М. Абдуллин

Архитектурный комплекс Болгарского городища не одно столетие привлекает к себе внимание путешественников и исследователей. Еще в 1712 г. дьяком А. Михайловым были осуществлены первые описания местных каменных зданий и развалин¹. С этого времени можно говорить об интересе к истории городища со стороны государственных структур. В течение XVIII–XIX вв. Болгарское городище посещали многочисленные путешественники, ученые, художники, архитекторы, писатели, журналисты, военные, краеведы и даже царствующие особы, в той или иной степени доносившие до современников информацию о Болгарском городище и необходимости его охраны: П.С. Паллас², Н. Озерковский, Ф. Эрдман³, П.И. Свиньин⁴, Н.Н. Кафтаников⁵, М.С. Рыбушкин, Н.И. Второв⁶, А.К. Шмидт⁷, Э.П. Турнерелли, братья Н.Г. и Г.Г. Чернецовы, И.И. Шишкин, А.К. Саврасов, И. Березин⁸.

Первым и единственным на долгие годы документом об охране Болгарских памятников явился указ 1722 г., изданный императором Петром I, посетившим городище в мае того же года. В нем предписывается «починить кирпичом» некоторые разрушающиеся здания Болгарского городища, перевести на русский язык арабские и армянские надписи на надгробных камнях и в целом поддерживать от разрушения все сохранившиеся сооружения древнего города. В 1830 г. Казанский губернский прокурор Г.И. Солнцев, проанализировав имевшиеся в его распоряжении нормативно-правовые акты и юридические справочники, информировал губернскую канцелярию об отсутствии иных «именных повелений, указов и начальственных предписаний об описании и поддержании древних памятников на территории губернии»⁹.

В XIX в., когда интерес к отечественной истории заметно усиливается, принимаются меры, в том числе и государственного характера, по учету и охране памятников древности. 31 декабря 1826 г. министр внутренних дел В.С. Ланской на основании именного повеления Николая I циркулярно предписал губернаторам собрать сведения об остатках древних сооружений, представив также их фасады и планы. Губернатору был предложен даже особый порядок действий. В первую очередь он должен был приказать

отыскать в архивах, губернских присутственных местах и других учреждениях сведения о том, когда и кем выстроены здания, если повреждены, то в силу каких обстоятельств и кем, из каких материалов построены, что в них примечательного. Также необходимо было указать их тогдашнее состояние, в чем ведении они находятся и для чего используются (рис. 71–72). Особо подчеркивалось, что «воля его величества в то же время есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать; и должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций»¹⁰.

Действие этого циркуляра относилось и к Болгарскому городищу. Исполняя это предписание, спасский земский исправник Жедринский 8 февраля 1827 г. описал древние здания и развалины: «1) Близь приходской церкви, что прежде был Успенский мужской монастырь, находится круглая башня, или столб, из дикого камня вышиною в 15, а в окружности 5 сажень, в оной внутри до самого верху по ступеням ход, и к оному по древнему преданию и из набожности из разных и даже отдаленных мест для Богомоления съезжаются магометане. От оного столба находятся развалины четырехугольного здания из такого же камня, а от сего в 15-ти сажнях здание дикого же камня с куполом, обросшим мхом и от времени пришедшего во многих местах в ветхость. 2) С южной стороны церкви близь алтаря старинное же здание обращено в часовню, покрытое христианами деревянною крышею, наверху коего поставлен в куполе крест, где ныне хранятся старинные святые иконы. 3) Расстоянием от оного села в 200 сажнях находится столб вышиною примерно в 7 сажень, но какой он был в свое время вышины за разрушением от времени верха, определить невозможно, в которой внутри по ступеням ход и к оному, как и первому, собираются для поклонения также магометане. Все же оные здания, что в свое время заключали и на какой предмет выстроены, по древности их сведения извлечь и дойти до истины невозможно»¹¹. Данные сведения были переданы в губернскую канцелярию. Добавим также, что к концу 1827 г. губернским архитектором А.К. Шмидтом были составлены и представлены казанскому губернатору планы и фасады выявленных древних строений, в том числе и Болгарского городища.

В 1830 г. министр внутренних дел А.А. Закревский вновь запросил сведения о находящихся в Казанской губернии древностях. Выступивший в роли одного из экспертов по этому делу губернский прокурор Г.И. Солнцев указывал среди древних Болгарских зданий церковь Св. Николая, переделанную из каменной мечети, цельную каменную башню в виде столба и еще одну башню, как отмечает автор, «не вполне уцелевшую». Он считал, что в Черной или Судной палате располагались Диван и Государственная тюрьма. Далее автор называет Белую палату, в которой видел баню по восточному образцу, а также остатки Греческой палаты на валу и другие обрушившиеся здания в черте самого города внутри вала, на самом валу и за валом в Малом городке – особом болгарском древнем укреплении¹² (рис. 73–74).

Предписания министра внутренних дел 1826 и 1830 гг. прежде всего помогли закрепить в губернских и уездных государственных институтах значимость

Болгарского городища и необходимость его охраны. В 1834 г. в правилах, разработанных для Керченского музея и утвержденных императором, закрепляется норма, гласящая, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древности на землях казенных и общественных»¹³. Данное правило было распространено и на все остальные территории империи, при возникновении дел о находках кладов и кладоискательстве власти ссылались на эту норму. В 1837 г. законодательно закрепляется порядок представления и рассмотрения найденных кладов старинных монет и прочих древностей, а также обязательная норма о вознаграждении находчиков по весу и стоимости металла найденных предметов¹⁴.

В 1841 г. были утверждены «Особенные правила о находках, делаемых государственными крестьянами»¹⁵. В них впервые закреплялась обязанность государственных крестьян представлять найденные в земле казенных имений клады, редкости и разного рода достопримечательности на рассмотрение государственных органов. Такая находка передавалась сельскому, далее волостному и окружному начальству, последнее отсылало их в ведомство государственных имуществ, где и решалась дальнейшая судьба древностей. Данные нормативно-правовые акты напрямую относились и к жителям села Болгары, которые к тому периоду преимущественно были переведены в категорию государственных крестьян. Несмотря на то, что в просмотренных нами описях фонда Казанской палаты государственных имуществ сведений и дел о находках за период 1841–1869 гг. обнаружить не удалось¹⁶, следует подчеркнуть, что на законодательном уровне были установлены меры по охране археологического наследия Болгарского городища.

Следующим важным этапом в охране и изучении болгарских древностей следует считать учреждение в 1859 г. в ведомстве Министерства Императорского Двора и уделов Императорской археологической комиссии (ИАК), перед которой были поставлены следующие основные задачи: контроль над всеми открытиями предметов древности, организация археологических раскопок, учет производимых исследований, хранение археологической документации и определение наиболее интересных находок на хранение в музеи. Для успешного выполнения данных задач ИАК активно сотрудничала с другими государственными ведомствами¹⁷. Так, в апреле 1863 г. министерство внутренних дел по прошению ИАК возложило на губернские статистические комитеты часть функций по выявлению и сохранению памятников древности. В результате в августе того же года председатель Казанского губернского статистического комитета предписал всем уездным полицейским управлениям, в том числе и Спасскому, в ведении которого находились развалины Болгарского городища, «в случае когда настает надобность уничтожить какой-нибудь остаток древности, как то: памятник зодчества, курган и т. п., или произвести большие земляные работы на месте древнего города, или замечательного урочища, немедленно доносить о том Казанскому Статистическому Комитету и ожидать дальнейших со стороны

его по этому случаю распоряжений»¹⁸. В том же году ИАК получает первые ценные сведения об археологических и архитектурных объектах Казанской губернии¹⁹. Отметим, что вплоть до крушения империи губернские статистические комитеты собирали сведения об историческом прошлом регионов.

Подобное же плодотворное взаимодействие сложилось между ИАК и губернаторами регионов. Еще в 1866 г. ИАК выразила обеспокоенность по поводу позволения местным начальством некоторых регионов кладоискательства, из-за которого происходило разрушение курганов и городищ. В связи с чем губернаторы регионов циркуляром МВД от 4 ноября 1866 г. за № 229 были предупреждены о недопущении «кладоискательств и неизбежного от того разрушения памятников древности»²⁰. В 1869 г. другим циркуляром МВД от 11 ноября под № 309 вновь перед губернаторами была поставлена задача собрать сведения о памятниках древности, их описание и чертежи «с объяснением прочности и мер, предпринимаемых местным начальством к сохранению и исправному содержанию этих зданий»²¹. Тогда же циркулярным предписанием от 11 февраля 1869 г. за № 9 был установлен порядок передачи случайных находок через посредство Казанского губернатора в ИАК²². 31 июля 1882 г. МВД разослало циркуляр за № 26 «О представлении археологических находок местной полицейской власти для представления их ИАК через губернское начальство», подтверждавшее силу действия предшествующего циркуляра²³. В последующие годы (1884, 1886, 1894) министерство неоднократно возвращалось к ранее изданным циркулярам, требуя их выполнения²⁴.

К делу сохранения археологического наследия привлекались и другие должностные лица. Циркуляром казанского губернатора от 8 марта 1893 г. за № 28 на земских начальников накладывалась обязанность довести до чинов волостной и сельской администрации, чтобы они обо всех археологических находках немедленно доносили полиции с представлением самих находок, подробно излагая обстоятельства, сопровождавшие находку²⁵.

О реальном исполнении статей законодательства и циркуляров МВД свидетельствуют отчеты уездных исправников на имя казанских губернаторов. Только за период 1869–1899 гг. в Спасском полицейском управлении был зарегистрирован 21 эпизод случайных находок «древностей, редкостей и кладов» в уезде, по большей части в Болгарах или вокруг него. Из них 9 кладов монет, 5 случаев находок украшений, 3 клада со слитками металлов и 4 клада с находками посуды. При этом лишь в трех случаях экспертная комиссия ИАК признала находки не имеющими археологического значения: 1) выкопанные в 1894 г. крестьянином П.Я. Глухаревым при рытье могил на кладбище села Болгар два медных котла; 2) найденные в октябре 1895 г. крестьянином села Кокряти М. Маркеловым клад монет XVIII – начала XIX в.; 3) найденные весной 1899 г. крестьянами деревни Верхнего Качеева М. Григорьевым и Е. Тихоновым куски оплавленного металла и обрывка витой цепи. В остальных случаях все находки были признаны ИАК

историческим достоянием и приобретены у «находчиков». Особо отметим, что довольно часто Археологическая комиссия платила даже сверх стоимости веса металла, при этом подчеркивая, «что столь щедрое вознаграждение со стороны Комиссии делается в видах поощрения вообще находчиков к немедленному представлению местному Начальству случайно открытых ими монетных кладов и других древностей»²⁶.

В то же время в гражданском законодательстве и циркулярах МВД не был прописан региональный аспект исторических исследований находок. Так, становые приставы, узнав о находке, должны были отобрать ее и представить в полицейское управление. Далее находка переправлялась к губернатору, а от него «по принадлежности»²⁷. Археологические находки отправлялись в ИАК, кости древних животных – в Геологический кабинет Казанского университета. Объявление о находке помещалось в «Губернских ведомостях». Созданное в 1878 г. ОАИЭ во многих случаях оставалось в неведении о случаях исторических находок в губернии. Только на общем собрании ОАИЭ 14 января 1890 г. товарищ (заместитель) председателя Общества И.А. Износков обратился с пожеланием к членам Общества, чтобы все археологические вещи, находимые в Казанском крае, не отправлялись прямо в ИАК, а предварительно доставлялись на просмотр в ОАИЭ. Присутствовавшие единогласно решили обратиться к начальнику губернии с просьбой о представлении археологических находок из Казанской губернии сначала на предварительное ознакомление в ОАИЭ, а потом уже отправлять их в соответствующее ведомство в Петербург²⁸.

Однако данное пожелание членов Общества учитывалось не всегда. Ввиду загруженности канцелярии губернатора, находки, доставленные уездными исправниками, старались быстрее переправить в столицу. Например, в 1895 г. Совет ОАИЭ обратился к губернатору с просьбой «о доставлении в Общество для рассмотрения и покупки предметов древности, найденных в 1894 и 1895 годах в Болгарском-Успенском и представленных в сие лето на благоусмотрение Вашего Превосходительства из г. Спасска»²⁹. В ответ на данное обращение канцелярия губернатора отписалась, что в 1894 г. крестьянами села Болгара были найдены зеркало и два вышеупомянутых медных котла. Зеркало немедленно было отослано и куплено в ИАК, а котлы возвращены находчику. О прочих находках 1895 г. в ответе умалчивалось, выходило, что отсылать в Совет ОАИЭ из канцелярии было нечего.

Также не был безупречным механизм распределения находок в ИАК. Наиболее выдающиеся археологические древности попадали в Эрмитаж, остальные распределялись по музеям империи часто без учета региона нахождения. В ОАИЭ на это обстоятельство обратили внимание только 15 ноября 1909 г. На общем собрании членов Общества К.В. Харлаповичем был поставлен вопрос «почему Императорская Археологическая Комиссия не направляет находимые в Поволжье предметы древности в местные музеи»³⁰. Ходатайство перед ИАК о том, чтобы все предметы, находимые в пределах

Казанской губернии, высылать в музей Общества «с точным описанием обстановки находки», было инициировано на общем собрании членов ОАИЭ только 8 декабря 1909 г.³¹

Были случаи, когда из большого количества монет определенного клада в ИАК выделялись несколько примечательных, остальные отправлялись на переплавку в монетный двор. Так, например, поступили с монетным кладом, найденным в Измерях 4 мая 1873 г. Из 15 фунтов джучидских и джагатайских монет часть передали публичным музеям, остальные отправили на переплавку³².

Из наиболее примечательных находок следует выделить один из первых кладов, попавших под действие законодательства об экспертной оценке древностей. Клад был найден 5 мая 1869 г. на пашне вблизи г. Спасска крестьянином К. Трофимовым. Он представлял собой кувшин, в котором оказались 7 серебряных браслетов, 7 бронзовых украшений, 3 серебряных перстня, 3 серебряных обломка украшений, 48 слитков серебра и серебряный молитвенник на цепочке. Содержимое клада привлекло внимание императора Александра II и по высочайшему повелению было передано на хранение в Эрмитаж³³. Накануне проведения в Казани IV Археологического съезда, 4 июля 1877 г., крестьянин села Болгар А. Лимонов выпалхал скелет человека с золотыми украшениями³⁴. Эта находка была представлена на съезде и вкуче с поездкой делегатов в Болгары сыграла большую роль в деле принятия решения об охране этого памятника древности (рис. 75).

Одним из самых значительных результатов прошедшего в Казани в 1877 г. IV Археологического съезда стало решение о сохранении развалин Болгарского городища. Еще в преддверии съезда один из авторитетнейших исследователей Болгарского городища С.М. Шпилевский отмечал: «Развалины Булгара в настоящее время представляют гораздо менее не только того, что видели посетившие Булгар в 1760 годах: Паллас, Озерецковский, студент академии, сопровождавший Лепехина в ученой экскурсии по России, и др.; но многого не существует и того, что было в тридцатых годах настоящего столетия, что, напр., показано в изданных в 1832 г. архитектором Шмитом...»³⁵. Учитывая все это, в 1879 г. председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров обратился с ходатайством в Министерство народного просвещения. В нем указывалось, что «для предохранения означенных развалин от окончательного уничтожения, по мнению IV Археологического съезда, было бы необходимо: 1) место, на котором расположены главные развалины древнего города исключить из общественного надела государственных крестьян с. Успенского и взамен его наделить общество другим участком; 2) блюстителем за сохранностью этих памятников назначить казанское археологическое общество и 3) для охранения памятников назначить из казны единовременное пособие в двести рублей и сто рублей на обнесение развалин деревянною стеною»³⁶. Также особо подчеркивалось, что Болгарское городище представляет значительный

интерес для науки, на что обратили внимание не только отечественные, но и иностранные ученые археологи. Еще до положительного решения этого вопроса были предприняты определенные меры по охране древних Болгар. Летом 1879 г. по предписанию Казанского губернатора за развалинами Болгарского городища был установлен полицейский надзор, началась работа по поиску альтернативной земли для крестьян села Успенское. В октябре 1879 г. подходящий земельный участок был подобран, крестьяне дали свое согласие, и 852 квадратные сажени земли, на которых располагались остатки города Болгар, отошли к Министерству государственных имуществ. 9 июня 1880 г. высочайшим повелением императора Александра II этот участок был передан в распоряжение ОАИЭ³⁷.

В то же время Общество не располагало достаточными средствами для охраны памятников Болгара и поддержания их в порядке. Состояние болгарских зданий продолжало ухудшаться. Стоявшие еще в 1877 г. под прямым углом две стенки Белой палаты к 1880 г. обрушились. Один угол основания Малого минарета совершенно осыпался, охранявшая верхушку деревянная крыша была уничтожена, и весь минарет заметно осел и наклонился в сторону. Черная палата дала трещины в своде, главный вход расширился из-за отпадения камней, а в одном углу фундамента неизвестными лицами была похищена часть плит³⁸. В этих условиях необходимо было предпринять срочные меры по сбору средств, ремонту и охране зданий. Уже через несколько дней на общем собрании членов Общества было принято решение обратиться ко всем русским археолого-историческим обществам с предложением принять материальное участие в спасении памятников Болгара³⁹.

Для пополнения средств Общества видными его членами читались платные публичные лекции. К марту 1881 г. за счет таких лекций было собрано более 550 рублей. Тогда же, в марте 1881 г., на заседании совета ОАИЭ было принято решение просить находившегося с ревизией в Казанской губернии сенатора, члена Государственного Совета М.Е. Ковалевского и казанского губернатора А.К. Гейнса о ходатайстве ежегодной субсидии 300 рублей на охранение и поддержку Болгарских развалин из средств государственного казначейства. Кроме того, члены Общества отдельно просили казанского губернатора о циркулярном предписании нижним чинам уездной и земской полиции не допускать каких-либо раскопок археологических памятников без разрешения совета ОАИЭ⁴⁰.

20 июня 1881 г. ходатайство Общества о ежегодной трехсотрублевой субсидии «на поддержание в приличном виде и на охранение остатков древнего города Булгара» было поддержано и утверждено императором Александром III⁴¹. В то же время первое перечисление денег состоялось только весной 1882 г. Летом того же года в Болгар отправилась комиссия в составе членов общества Н.П. Загоскина и П.А. Пономарева. Оценив необходимый объем работ, они пришли к выводу о недостаточности выделенных средств для неотложного ремонта. Охранно-спасательные работы были отложены. Тем

временем весной 1883 г. императорское Русское археологическое общество «поставило на вид» ОАИЭ плачевное состояние Болгарских развалин⁴². Однако только к началу 1884 г., получив очередное перечисление «высочайше дарованной Болгарской субсидии», Общество смогло приступить к реальным действиям по ремонту памятников древности. Сумма составила 623 рубля 62 копейки⁴³. Летом денежные средства на ремонтные работы должны были составить 958 рублей 82 копейки.

9 июня 1884 г. комиссия в составе профессора С.М. Шпилевского, секретаря Общества С.К. Кузнецова и архитектора Х.Г. Пашковского выехала на городище и, сделав необходимые промеры и рисунки памятников, составила предварительную смету необходимых расходов⁴⁴. Первые ремонтные работы были направлены на реставрацию Малого минарета и Черной палаты⁴⁵. Совокупные затраты Общества на ремонтные работы в 1884 г. составили 1038 рублей 69 копеек, что даже несколько превысило планируемые затраты⁴⁶. При ремонте 1884 г. был значительно искажен облик Черной палаты⁴⁷. Однако ремонт и последующая расчистка Черной палаты позволили приспособить это здание под нужды археологического хранилища. Побывавший в 1888 г. в Болгарах И.Н. Смирнов, решив, что перевозка громоздких находок в Казань обходится Обществу слишком дорого, поместил приобретенные им три надгробные плиты в Черную палату⁴⁸. В последующем хранилище в Черной палате в сообщениях ОАИЭ начинает именоваться музеем.

В мае 1889 г. по постановлению Совета ОАИЭ была избрана комиссия из председателя Общества Н.А. Фирсова, члена Совета И.Н. Смирнова и члена-сотрудника архитектора Х.Г. Пашковского, которая отправилась в Болгары и определила немедленные меры по охране памятников. Под руководством Х.Г. Пашковского были произведены следующие работы: «капитально отремонтированы палата-церковь св. Николая, палата, служившая монастырским погребом, покрыты прочными крышами. Затем вокруг всех памятников сделаны деревянные ограды»⁴⁹. Расходы по ремонту зданий Болгарского городища и на жалованье сторожу в 1889 г. составили более 1350 рублей. Ремонтные работы производились и в 1896 г.⁵⁰

Огромной проблемой для властей и ученых являлись частные лица, целенаправленно занимавшиеся кладоискательством. Еще до передачи Болгарского городища в ведение ОАИЭ, в условиях отсутствия закона, запрещающего проведение раскопок частными лицами, на территории городища беспрепятственно копали доверенные лица купца Н.С. Растеряева, а также крестьянские дети. В этот период удалось лишь обеспечить фиксацию находок, которую вел В.А. Казаринов⁵¹. Однако и после отчуждения земель городища в ведение ОАИЭ государственные органы неоднократно реагировали на случаи целенаправленных поисков кладов. В 1882 г. казанским губернатором был издан циркуляр, предписывавший уездным исправникам пресекать любые возможности ведения несанкционированных раскопок (рис. 76).

В 1884 г. циркуляром № 40 от 15 июня казанский вице-губернатор К.Н. Хитрово вновь вынужден был обратиться к тем же уездным исправникам

с предписанием «наблюдения за точным и неперменным исполнением во вверенном Вам уезде циркуляра, от 20 Августа 1882 года за № 130, и ни под каким видом не допускать кладоискательств и неизбежного от того разрушения памятников древности, а непременно доставлять мне все находимые предметы древности»⁵². Однако данная проблема так и не нашла своего окончательного решения. Уже в 1914 г. Совет ОАИЭ вынужден был вновь обратиться к казанскому губернатору с просьбой не позволять «производить раскопки и всякого рода изыскания в селе Болгарах-Успенском каким бы то ни было лицам и ученым обществам, не имеющим на то полномочий от Общества Археологии Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете»⁵³. Соответствующее предписание было отправлено Спасскому уездному исправнику⁵⁴ (рис. 77, 78).

Другой проблемой в области сохранения памятников того периода оставалось покушение местных жителей на строительный материал остатков древних городищ. В 1887 г. после раскопок Белой палаты члены Общества обратились к губернатору с просьбой «о принятии мер к сохранению от расхищения фундамента Белой Палаты»⁵⁵. В 1888 г. до Общества вновь дошли сведения о растаскивании крестьянами камней с территории Болгарского городища. Для пресечения подобных действий в Болгары направилась комиссия, состоявшая из авторитетных членов ОАИЭ И.А. Износкова, А.А. Штукенберга, Н.И. Соколова, Н.В. Сорокина и И.Н. Смирнова. Ими было принято решение нанять сторожа для охраны остатков Болгарского городища. Сторожем, с которым Общество заключило особое «условие», стал крестьянин села Успенского Филипп Федотович Мордвишин. Поездка членов Общества в Болгар, наем сторожа и вознаграждение за представленные Ф.Ф. Мордвизиным находки обошлись ОАИЭ в 1888 г. в 265 рублей⁵⁶. При этом Ф.Ф. Мордвишин за ежемесячное жалованье в 7 рублей взял на себя обязанности «охранять Болгарские развалины, следить за целостью замков и камней, за чистотою и проч. В случае если будут сломаны замки, обязуюсь исправить на свой счет, точно так же, если где будут поломки, зачинить. К раскопкам без разрешения не допускать. Попадающиеся находки обязан за особое вознаграждение доставлять в Общество, а о ценных находках извещать»⁵⁷.

Однако в 1891 г. председатель Общества Н.А. Фирсов вновь возвратился к теме добычи камней крестьянами в Болгарском городище. В результате 25 февраля 1891 г. на заседании совета Общества было постановлено: «Мордвизи́на считать охранителем Булгарских развалин, сверх платы передать ему еще 20 рублей на покупку вещей, находимых на месте, в Булгарах, и вменить в обязанность строго оберегать фигурные камни, колонны и проч. вещи, открываемые теперь там на месте»⁵⁸. Но и эта мера не остановила разграбление Болгарского городища. В 1895 г. сообщения о растаскивании крестьянами села Болгар фундаментов домов периода Болгарского царства со своих пахотных и усадебных земель обеспокоили уже более высокую

инстанцию – Императорскую археологическую комиссию. Члены ИАК констатировали, что «местная полицейская власть, на которой по закону лежит обязанность охранять местные древности, не оказывает никакого противодействия нарушению этого закона», и просили казанского губернатора сделать распоряжение о запрете производства несанкционированных раскопок и наказании виновных в нарушении соответствующих статей законодательства Российской империи⁵⁹. Интересно, что производивший дознание по этому заявлению пристав 1 стана Спасского уезда рапортовал местному исправнику, «что находящиеся в сем Болгарах древности отданы Археологической Комиссией под наблюдение и охрану крестьянина того села Филиппа Мордвишина, который ни разу не заявлял Приставу о произведенных крестьянами Гаврилой Денисовым, Якимом Горловым и Ельпидифором Кувшиновым раскопках бута и обжигание из него извести»⁶⁰. Из чего можно сделать вывод, что подобные действия крестьян производились с ведома или при попустительстве сторожа Ф.Ф. Мордвишина. По итогам расследования 13 апреля 1895 г. спасский уездный исправник заверил казанского губернатора, что за охраной древностей Болгарского городища и недопущением раскопок установлено строгое наблюдение. Однако растаскивание камней продолжалось. В самом конце XIX века хищнической разборке подверглось здание Красной палаты. Вновь вандалами оказались местные крестьяне, а именно Сидоршин и А. Суходоев, которые добывали камень для выжигания извести. Оповещенные об этом члены ОАИЭ обследовали разрушенный участок и в сентябре 1899 г. доложили о результатах на общем собрании Общества⁶¹.

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют говорить о постоянном интересе со стороны общественности и государственных структур к памятникам древности Болгарского городища на всем протяжении XIX века. В первой трети XIX века были многократно описаны и зарисованы памятники Болгарского городища, приняты первые шаги по его сохранению. В 1830–1860-е годы вводится большой комплекс законодательных и нормативно-правовых актов по охране археологических и архитектурных памятников, создается общеимперский орган по учету и контролю археологического наследия. Во второй половине XIX века был образован местный орган изучения памятников старины, в ведение и под охрану которого были переданы развалины Болгара. На ремонт, содержание и охрану городища решением императора выделялась ежегодная субсидия, продолжала совершенствоваться нормативно-правовая база его охраны.

Проблемными вопросами охраны археологического и архитектурного наследия Болгарского городища в XIX в. оставались разрушение и ремонт памятников зодчества, незаконное кладоискательство и растаскивание местными жителями камней с городища. Тем не менее силами общественности и государства во второй половине XIX века были проведены ремонтные работы наиболее разрушаемых объектов, выявленные находки кладов

и древностей фиксировались государственными органами и проходили экспертную оценку с последующей передачей ценностей на музейное хранение. Случаи вандализма и расхищения камней с городища расследовались правоохранительными органами, по результатам которых виновные привлекались к ответственности, а меры по охране Болгар усиливались. Таким образом, мы можем говорить о выстраивании системы мер по охране археологических и архитектурных памятников Болгарского городища в XIX веке.

- ¹ Михайлов А. Выписки с межевых книг на землю Успенского монастыря 1712 года. См.: *Невострюев К.И.* О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской и Вятской // Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 2. С. 526–595.
- ² Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1771. Ч. I. С. 185–192.
- ³ Эрдман Ф. Ознакомительное путешествие по России (Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland). Рига; Тарту; Лейпциг, 1822–1826. С. 280–305. (На нем. яз.)
- ⁴ Свиньин П. Плавание по Волге в Казань и к развалинам Болгар в 1823 г. // Отечественные записки. СПб., 1824. № 48; *Он же.* Картины России и быт ее разноплеменных народов. СПб., 1839. С. 199–202.
- ⁵ Кафтанников Н.Н. Болгары или развалины столицы сего города // Заволжский муравей. Казань, 1832. Ч. II, № 11, 16. Ч. III, № 19.
- ⁶ Второв. Памятники древности в Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1840. Ч. XXXVII, № 8.
- ⁷ Шмит А. Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. М., 1832.
- ⁸ Березин И. Булгар на Волге // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1852. Кн. III.
- ⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 175. Л. 88 об.
- ¹⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 1 об.
- ¹¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 1616 об.
- ¹² НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 175. Л. 7 об.
- ¹³ Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 10, ч. 1, кн. II: О порядке приобретения и укрепления прав на имущества вообще. Ст. 430. С. 82.
- ¹⁴ Там же. Ст. 539. С. 468.
- ¹⁵ Там же. Прил. 516 к ст. 539. С. 468–469.
- ¹⁶ НА РТ. Ф. 91. Оп. 16.
- ¹⁷ Сорокина И.А. Полевые археологические исследования в России в 1946–2006 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008. С. 30.
- ¹⁸ НА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 13. Л. 55 об.
- ¹⁹ Пескарева К.М., Рябинин Е.А. Первое государственное учреждение отечественной археологии: (к 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. 1984. № 4. С. 301.
- ²⁰ Урусов В.П. Сборник циркуляров и распоряжений Министерства внутренних дел относящихся до гг. Губернаторов... с 1858 по 1894 г. М., 1894. С. 140–141.
- ²¹ Там же. С. 158–159.
- ²² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3979. Л. 1 об.
- ²³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7923. Л. 2.
- ²⁴ Разгон А.М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // Труды Научно-исследовательского института музееведения. М., 1957. Вып. 1: История музейного дела в СССР. С. 97.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9135. Л. 1.
- ²⁶ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6034. Л. 24–24 об.

- ²⁷ Свод законов Российской империи. СПб., 1897. Т. II, ч. 1: Общее учреждение губернское. Ст. 792. С. 75.
- ²⁸ Протокол общего собрания общества 14 января 1890 г. // ИОАИЭ. Казань, 1891. Т. IX, вып. 3. С. 21.
- ²⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9765. Л. 5.
- ³⁰ Протокол общего собрания общества от 15 ноября 1909 г. // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. XXVI, вып. 6. С. 21.
- ³¹ Протокол общего собрания общества от 8 декабря 1909 г. // ИОАИЭ. Казань, 1911. Т. XXVI, вып. 6. С. 23.
- ³² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3088. Л. 1, 3.
- ³³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1876. Л. 11 об.
- ³⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3979. Л. 1, 3, 7.
- ³⁵ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 582.
- ³⁶ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4618. Л. 11 об.
- ³⁷ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4618. Л. 25–25 об.
- ³⁸ Протокол заседания совета общества 4 октября 1880 г. // ИОАИЭ. Казань, 1885. Т. IV. С. 22.
- ³⁹ Протокол общего собрания общества 16 октября 1880 г. // ИОАИЭ. Казань, 1885. Т. IV. С. 29.
- ⁴⁰ Протокол заседания совета общества 13 марта 1881 г. // ИОАИЭ. Казань, 1885. Т. IV. С. 50–51.
- ⁴¹ Протокол заседания совета общества 20 октября 1881 г. // ИОАИЭ. Казань, 1885. Т. IV. С. 71–72.
- ⁴² Протокол чрезвычайного общего собрания общества 16 июня 1885 г. // ИОАИЭ. Казань, 1886. Т. VI. Вып. 1. С. 20.
- ⁴³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7099. Л. 146 об.
- ⁴⁴ Протокол чрезвычайного общего собрания общества 16 июня 1885 г. // ИОАИЭ. Казань, 1886. Т. VI, вып. 1. С. 21.
- ⁴⁵ Протокол заседания совета общества 30 сентября 1884 г. // ИОАИЭ. Казань, 1884. Т. V. С. 43.
- ⁴⁶ Протокол чрезвычайного общего собрания общества 16 июня 1885 г. // ИОАИЭ. Казань, 1886. Т. VI, вып. 1. С. 21–24.
- ⁴⁷ Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Казань, 1999. Т. I: Административные районы. С. 330.
- ⁴⁸ Экстренное заседание совета общества 12 июля 1887 г. // ИОАИЭ. Казань, 1886. Т. VI, вып. 2. С. XXVI–XXVII.
- ⁴⁹ Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1889–90 гг. // ИОАИЭ. Казань, 1890. Т. VIII, вып. 3. С. 49.
- ⁵⁰ Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Т. I. С. 330.
- ⁵¹ *Измайлова С.Ю.* Роль Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете в деле сохранения и изучения памятников Болгарского городища // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: 100-летие А.П. Смирнова: Тезисы научной конференции. Болгар, 1999. С. 100.
- ⁵² НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6034. Л. 15.
- ⁵³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5835. Л. 33 об.
- ⁵⁴ Текст документа:
«К № 5435 Отпуск
Спасскому Уездному Исправнику
9 июня 1914 г.
№ 6341

Вследствие отношения Совета Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете от 3 июня сего года за № 80, предписываю Вашему Высокоблагородию принять зависящие меры, что (бы) не производились раскопки и всякого рода изыскания в селе Болгарах Успенском какими бы то ни было лицами и учеными общества, не имеющими на то полномочий от упомянутого Общества Археологии, Истории и Этнографии при Императорском Казанском Университете и Императорской археологической комиссии.

Подписал за Губернатора,
И(сполняющий) д(ела). Вице-Губернатора
С(е)кр(етарь)Управы
Верно:»

⁵⁵ Экстренное заседание совета общества 12 июля 1887 г. // ИОАИЭ. Казань, 1886. Т. VI, вып. 2. С. XXVII.

⁵⁶ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8067. Л. 34.

⁵⁷ Заседание совета общества 4 октября 1888 г. // ИОАИЭ. Казань, 1886. Т. VI, вып. 2. С. XXIII.

⁵⁸ Протокол заседания совета общества 25 февраля 1891 г. // ИОАИЭ. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 3. С. 24.

⁵⁹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9755. Л. 12.

⁶⁰ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9755. Л. 5.

⁶¹ *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 219.

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРА В 2010–2015 ГОДАХ

Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

Болгарское городище является уникальным памятником средневековой истории Восточной Европы. Городище расположено в Спасском районе Республики Татарстан, в 200 км южнее Казани, на левом берегу Волги, на высокой коренной террасе и недалеко от места слияния Волги и Камы. Размеры городища – около 400 га. Мощностъ культурного слоя колеблется от 0,40 до 2 м. На всей территории памятника фиксируются культурные отложения, сформировавшиеся в результате жизнедеятельности населения города.

В эпоху Средневековья город Болгар входил в число крупных городов не только Волжской Болгарии, но и Восточной Европы. В городе было сосредоточено развитое ремесленное производство: гончарное и ювелирное дело, металлообработка, кожевенно-сапожное и косторезное производства. В его округе в сельских поселениях сложились развитые формы земледелия, животноводства.

В мировой торговле Болгар был важнейшим пунктом Великого Волжского пути. Особую роль в торговле играла пристань – Ага-Базар, расположенная непосредственно на берегу Волги в 4,5 км от города Болгар в устье р. Меленки.

Средневековый город Болгар в конце первой половины XIII в. стал первой столицей государства Бату хана. Именно здесь началась первая в Поволжье чеканка монет от имени монгольских правителей. На территории городища сохранились многочисленные монументальные, каменные сооружения XIII–XIV вв. общественного и культового назначения – Северный и Восточный мавзолеи, Черная палата, Малый минарет и Ханская усыпальница, руины Соборной мечети, Красной и Белой палаты (общественные бани), Ханской бани и др.

История археологического изучения Болгарского городища начинается с работ В.Г. Тизенгаузена в 1864 г. на Бабьем бугре. Планомерные археологические раскопки Болгарского городища организованы в 1938 г. А.П. Смирновым. В разное время в составе созданной им Болгарской

археологической экспедиции работали такие ученые, как Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская, А.М. Ефимова, Т.А. Хлебникова, З.А. Акчурина, В.В. Седов, Н.Д. Аксенова, Ю.А. Краснов, М.Д. Полубояринова, П.Н. Старостин, Г.Ф. Полякова, М.Г. Крамаровский, Л.А. Беляев, Л.Л. Савченкова, Р.Ф. Шарифуллин, М.М. Кавеев, И.Р. Газимзянов, В.С. Баранов, А.М. Губайдуллин и др. За почти двухвековое изучение этого памятника исследованиям было подвергнуто более 20 тыс. кв. м его площади.

С 2010 г. в связи с созданием по инициативе М.Ш. Шаймиева Республиканского Фонда возрождения памятников истории и культуры и принятием Государственной программы «Возрождение острова-града Свияжск и Великого Болгара» начался новый этап изучения и сохранения памятников Болгарского городища. Реализуемый проект имеет огромный исследовательский и практический интерес и уже закономерно способствует более тесной координации исследователей различных специальностей из крупных научных центров России и мира.

За довольно короткий период времени осуществлены значительные работы по проведению комплексных междисциплинарных исследований этого уникального памятника. Исследования сопровождались масштабными архивными исследованиями, что позволило выявить новый источниковый корпус материалов по истории Болгарского городища – это ранее неизвестные описания, картографический материал, обмерные чертежи архитектурных памятников, фотоматериалы.

Возможности изучения памятника расширились с проведением междисциплинарных научных работ при осуществлении археологических исследований. Широкое применение нашли неразрушающие методы обследования территории памятника, основанные на комплексном анализе имеющегося архивного материала, данных геофизических и аэрокосмических съемок. Благодаря этому были локализованы ранее неизвестные средневековые архитектурные памятники. Важным направлением в междисциплинарных исследованиях стали работы по комплексному изучению сырьевой базы средневекового Болгара и технико-технологического анализа ремесленной продукции болгарских мастеров и импортных изделий. Значительный объем новых знаний об этапах развития города, полученный археологическими исследованиями, созданная уникальная источниковая база по археологии памятника расширили представления об экономике города и быте горожан.

Результаты этих исследований стали базовыми при принятии решения о включении Болгарского историко-археологического комплекса в 2014 г. в число объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Одним из важных направлений исследований на современном этапе являются объекты, формировавшие округу Болгара. С этой целью возобновлены археологические работы в подтопленной зоне поймы городища, где расположены десятки поселений, формировавших округу средневекового

Болгара. Изыскания на территории самого городища и его окружи дают возможность расширить наши представления о социально-экономической жизни Волжской Булгарии и роли г. Болгара в истории государства.

ХАНСКИЙ ДВОРЕЦ

На территории Болгарского музея-заповедника в 2010–2011 гг. доисследованы остатки монументального кирпично-каменного здания второй половины XIII в. Изучение этого объекта было начато в 1994 г. и продолжалось в 1995–1998, 2000–2009 гг. (раскоп СХХIII) (рис. 79). Руины сооружения располагаются в северной части городища на краю верхней коренной террасы, над известным объектом «Красная палата», в 90 м от центрального архитектурного ансамбля Болгара. Несмотря на то, что здание сильно пострадало в результате разбора местными жителями в XVIII–XIX вв. с целью добычи камня для выжигания извести, удалось выявить основной план постройки и отдельные конструктивные особенности. Размеры здания по внутреннему периметру составляют 27 × 29 м. Высота сохранившейся кладки местами составляет более 2 м от подошвы. Фундамент постройки толщиной до 1,5 м сложен из бутового камня, а стены возведены из квадратного кирпича с обкладкой фасадов тесаными известняковыми блоками. Круглые в плане угловые башни также сооружены из специальных блоков соответствующей формы. По мнению Р.Ф. Шарифуллина, здание первоначально выполняло функцию мечети, которая после возведения поблизости Соборной мечети утратила свое значение и использовалась как административный объект¹. Здание может быть связано с дворцовым комплексом правителей Болгара.

БАЗАР

Исследованиями 2011–2015 гг. (раскоп CLXXIX общей площадью более 1000 кв. м) практически полностью вскрыты остатки монументальной постройки центрального городского базара (рис. 80). Она представляла собой здание общими размерами 37 × 34 м с площадью около 1260 кв. м, углами ориентированное по сторонам света. Фундамент, ширина которого достигала 1 м, был сложен из известняковых блоков, скрепленных известковым раствором. Внутреннее пространство базара было разделено на четыре зоны двумя коридорами, перпендикулярно пересекающимися в центре здания. В них симметрично располагались торговые павильоны, сооруженные из сырцовых кирпичей, каменных блоков и деревянных лаг. Торговые лавки были устроены и по внутреннему периметру здания, которые прослежены в виде кладок из сырцовых кирпичей и дощатого настила. Здание базара функционировало в середине XIV в., в 60–70-х годах XIV в. было разрушено в результате пожара, а в XVII–XIX вв. было разобрано до основания. Из слоя бытования и разрушения базара происходит множество медных

и серебряных монет, замков, копилков, весовых гирек, чашек весов, свинцовых пломб и прочих предметов, свидетельствующих о торгово-административном значении объекта.

Под горизонтом строительства базара выявлена усадьба, где располагалась бронзолитейная мастерская. Остатки мастерской фиксируются в виде элементов наземной конструкции и плавильного горна, а также литейных форм, скоплений медных шлаков и обрезков медных предметов. Данная мастерская функционировала в последней четверти XIII в.

К востоку от здания базара раскопом СХСII исследована усадьба, на территории которой функционировала мастерская по обработке стекла, специализировавшаяся на производстве бус и перстней. На территории усадьбы и в горизонтах бытования мастерской обнаружено около 10 тыс. находок из стекла, представленных в основном бусами, бисером, перстнями и производственным браком². Мастерская была выявлена и частично исследована Н.А. Кокориной и М.Д. Полубояриновой в 1989–1993 гг.³

К домонгольскому периоду на данном участке городища относятся объекты жилых и хозяйственных построек, а также металлургические горны XII–XIII вв. и связанные с ними ямы и постройки. Результаты исследований городского базара, планиграфии данного участка, а также материалы раскопок частично опубликованы⁴.

БАНЯ

В северной подгорной части городища, в 50 м восточнее от здания речного вокзала с функцией музея раскопом CLXXIII расчищены руины общественной бани XIV в., которая впервые была раскопана О.С. Хованской в 1951 г. и в научной литературе получила название баня № 2⁵ (рис. 81). Объект имеет размеры 20 × 11 м, вытянут по оси юго-восток – северо-запад и состоит из трех частей: предбанник, центральное и топочное помещения. При расчистке помещения бани обнаружен небольшой клад медных и серебряных монет.

На сегодняшний день объект «баня № 2» музеефицирован, над ним возведены защитные сооружения⁶ (рис. 82).

ЗДАНИЕ С БАШНЕЙ

На юго-восточном свободном от застройки участке городища на визуально фиксируемом всхолмлении геофизическими изысканиями была отмечена геомагнитная аномалия. Раскоп СХСIV площадью 400 кв. м, заложенный на нем, выявил остатки каменной постройки размером 8 × 8 м, углами ориентированной по направлению ССВ–ЮЮЗ. Стены имели ширину около 1 м. Вход с северной стороны оформлен в виде портала, к которому с запада примыкала квадратная пристройка, вероятно, являвшаяся

остатками башни. Кладка здания была разобрана и окончательно выбрана скорее всего в начале XX в. Дно траншеи фундамента было уплотнено деревянными сваями. Внутри постройки была устроена отопительная система, которая представляла собой печь с топочной камерой и отходящим от нее каном, протянутым по периметру здания. По мнению И.В. Волкова, сооружение было общественным, предназначалось для приемов или для размещения сборщика пошлин и существовало в 1340–1360-х годах⁷ (рис. 83).

Данному зданию предшествовала деревянная постройка, от которой сохранились остатки обугленных конструкций. Она по ориентировке и наличию печи, с отходящим от нее каном, соотносится с каменным зданием и, вероятно, исполняла ту же административную функцию. С бытованием данной постройки увязываются находки двух динаров.

В 1360-х годах каменное здание, вероятно, было разрушено и данный участок запустел. Впоследствии здесь образуется некрополь, рядом с руинами каменного здания расчищено два погребения, в заполнении которых присутствуют обломки архитектурных деталей⁸.

МАВЗОЛЕИ И МОГИЛЬНИКИ

Раскопом CLXXIV площадью 502 кв. м в южной части городища вскрыты остатки каменного мавзолея и прилегающего к нему могильника XIV – первой половины XV в. (рис. 84). Прямоугольное в плане строение размерами 12 × 12 м стенками ориентировано по сторонам света. Ширина стенок около 1 м. Каменная кладка мавзолея сложена из известняковых блоков, скрепленных известковым раствором. Вход в виде портала находился с севера. Внутри мавзолея, в южной части, располагались 9 погребений. Мавзолеем практически полностью разобран при добыче камня на выжигание извести в XIX–XX вв., а часть погребений нарушены грабительской ямой. Кроме того, раскопом изучено 95 погребений. Все погребения осуществлены по канонам ислама, хотя на некоторых наблюдаются пережитки язычества. Материалы исследований мавзолея и могильника опубликованы⁹.

Раскопом ССХIV площадью 200 кв. м, прирезанным к раскопу CLXXIV с запада, прослежено продолжение могильника XIV – первой половины XV в. и выявлен колодец XIII – начала XIV в. На раскопе расчищено 23 погребения¹⁰.

В 2014–2015 гг. были проведены исследования на юго-западной окраине Болгарского городища в целях выявления и изучения остатков каменных сооружений и их дальнейшей музеефикации¹¹. Место закладки раскопов определены методом перекрестного анализа старых планов городища и цифровой космосъемки (рис. 85). Культурный слой на исследованных участках составляет около 30–40 см и практически распахан до материка.

На раскопе ССI площадью 240 кв. м исследована небольшая постройка, которая не имела углубленного фундамента. Размеры постройки

зафиксированы по участкам плотного залегания завала и составляли около $3 \times 3,3$ м. Ширина стен достигала 50 см. С юго-запада имелись два выступа от пилона, толщиной около 85 см. За пределами постройки было исследовано 18 погребений. Пятна еще 9 могильных ям попадали в площадь раскопа лишь частично.

На раскопе ССII площадью 406 кв. м выявлены траншеи фундамента стен большого мавзолея, заполненные камнем и известью. Постройка прямоугольной формы размерами $12,3 \times 8,9$ м вытянута в направлении ВСВ–ЗЮЗ. Толщина стен здания составляла около 80 см. Сохранившаяся часть фундамента сложена из необработанных камней, залитых жидким известковым раствором. Вход предположительно располагался в юго-западной стене. Внутри мавзолея располагались 17 погребений, за пределами здания раскопаны еще 4 захоронения, в одном из которых встречена медная монета 1330-х годов.

На раскопе ССIII площадью 168 кв. м исследованы остатки небольшого мавзолея квадратной формы размерами 8×8 м. Толщина стен составляла 100–115 см. Не нарушенные участки фундамента сложены из щебня и мелких камней, залитых раствором из извести и глины с песком. Дно траншеи фундамента уплотнено деревянными сваями, которые прослежены в виде ямок диаметром около 10 см, расположенных рядами. В юго-западной стене располагались пилоны. Ширина портала – 3,3 м. Внутри мавзолея выявлены три разрушенных погребения. За пределами мавзолея прослежены пятна 14 погребений, из которых 4 были раскопаны. Под сохранившимся небольшим куском фундамента северной стены мавзолея был найден клад серебряных изделий, состоящий из 100 монет, мелких слитков и ювелирного лома, упрятанный в череп барана. Все монеты датируются последним десятилетием XIII в. (или самым началом XIV в.), что позволяет относить мавзолей к числу самых ранних каменных мемориалов на городище. Исследованные в 2014–2015 гг. постройки, как и большинство архитектурных объектов городища, разрушены при добыче камня в XVIII – начале XX в.¹²

В районе двух геомагнитных аномалий в юго-западной части Болгарского городища, исследованных раскопами CLXXV и CLXXVIII общей площадью 152 кв. м, архитектурные объекты не выявлены. Раскопами исследован слабозаселенный участок города, от которого сохранились лишь хозяйственные ямы, погреб и остатки ограды. Данный комплекс датируется 1330–1340-ми годами. Чуть позже на этом участке появились мусульманские захоронения¹³.

Рекогносцировочные раскопы ССVIII–ССXII общей площадью 116 кв. м, заложенные в южной части памятника на местах выявления геомагнитных аномалий, зафиксировали слабонасыщенный находками незначительный культурный слой. Кроме того, раскопами ССVIII и ССIX исследованы угловые участки углубленных сооружений, являющиеся фундаментными траншеями. В траншеях и на остальных участках раскопа строительного

материала в виде камней и извести не обнаружено. На внутренней стороне одного сооружения расчищено погребение, совершенное по канонам ислама. По мнению исследователей, траншеи были выкопаны с целью строительства мавзолеев¹⁴.

В северо-западной части Болгарского городища к юго-востоку от исторического «Бабьего бугра» на участке, обследованном магниторазведкой, был заложен раскоп CLXXXIX площадью 840 кв. м. Мощность культурного слоя составила от 84 до 260 см. Раскопом изучена средневековая городская планировка данного участка. Интересны хорошо сохранившиеся остатки жилой постройки, которая имела печь и отходящую от нее отопительную систему – каны, проходящие под лежанкой – суфой размером 150 × 190 см. Кладка сложена из сырцовых кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Постройка относится к XIV – началу XV в.¹⁵

В 30 м к востоку от раскопа CLXXXIX исследования проводились на раскопе СХСІ площадью 600 кв. м. Он заложен на месте концентрации каменного щебня, известкового раствора и обработанных каменных блоков, зафиксированной во время нивелировки площадки после сноса ветхих домов. Расположение в данном районе руин каменных построек отмечено на планах Болгара XVIII – середины XX в.

На раскопе выявлены фундаментные траншеи стен мавзолея, содержащие камни и известь. Здание имело прямоугольную форму размерами 4,10 × 6,00 м, вытянутую в направлении ССВ–ЮЮЗ. Каменная кладка мавзолея была разрушена, вероятно, еще на рубеже XIV–XV вв. и полностью разобрана в XVIII–XIX вв. Толщина стен здания составляла около 1 м. Внутри мавзолея сохранился склеп, размером 2,40 × 2,40 м, сложенный из глиняных сырцовых кирпичей параллельно стенам мавзолея. Высота склепа достигает 46 см. В склепе совершены два погребения. Они располагались в деревянных гробовищах, одно из них помещено в прямоугольный саркофаг, сооруженный из четырех известняковых плит. Вне мавзолея раскопом исследованы 23 погребения. Все захоронения совершены в деревянных гробовищах по мусульманскому обряду. В двух случаях зафиксированы заклады могил красноглиняным кирпичом. Мавзолей с могильником относятся к позднеордынскому периоду, которым на данном участке предшествовала городская усадебная застройка. На раскопе исследованы остатки двух усадеб, в жилом помещении одного из них сохранилась отопительная система, представляющая собой каны с двумя каналами, сложенные из красноглиняных обожженных кирпичей¹⁶.

Исходя из результатов геофизических изысканий в центральной части Болгарского городища с запада Соборной мечети в 2012 г. был заложен раскоп CLXXI площадью 400 кв. м. Мощность культурного слоя составила около 2 м. На раскопе выявлено около 200 объектов XII–XX вв., большинство которых относится к золотоордынскому времени. Они представлены остатками жилых и хозяйственных построек и ям, рвом, завалом каменных

блоков больших размеров, оставшихся от разрушения Соборной мечети, а также известняковой мостовой XVIII в.¹⁷

В 270 м к юго-западу от Соборной мечети в 2015 г. на участках выделения геомагнитных аномалий проведены исследования раскопами СХСIII площадью 24 кв. м и СХСVI площадью 720 кв. м. Культурный слой на раскопах достигал 240 см и в основном представлял собой грунт, переработанный в XVIII в., в период функционирования на территории городища селитроваренного завода. Более ранние слои и объекты сохранились на уровне погребенной почвы и материка. Сохранившиеся объекты представлены, в основном, округлыми и прямоугольными ямами различного назначения XI – первой трети XV в. Среди них выделяется горн по обжигу керамики. Диаметр горна 1,4 м, сохранившаяся высота 1,3 м. Он сложен из квадратных кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Стенка горна толщиной 15 см была обмазана глиной. Горн обрушился в процессе использования, в результате чего раздавленные сосуды остались под завалом. Все обнаруженные фрагменты и восстанавливаемые формы по классификации Т.А. Хлебниковой относятся к XIII группе. Кроме того, обилие фрагментированных и целых сфероконических сосудов в сочетании с находками железных шлаков и криц позволяет предположить функционирование в непосредственной близости от раскопа комплексов металлургического производства¹⁸.

ЖИЛАЯ ЗАСТРОЙКА

В 2014–2015 гг. археологическими исследованиями на раскопе СХСIX площадью 2500 кв. м изучена стратиграфическая ситуация и жилая городская застройка в центральной части Болгарского городища. В ходе работ вскрыты слои русского села XIX–XX вв., Казанского ханства середины XV–XVI вв., золотоордынского периода второй половины XIII – первой трети XV в. и домонгольского болгарского времени X – начала XIII в. Их общая мощность составила от 0,55 до 2,20 м. Раскопом было исследовано более 700 археологических объектов разного времени и назначения, большинство которых составляют хозяйственные и подпольные ямы золотоордынского периода. К раннему домонгольскому периоду относится городской ров, прослеженная длина которого составила 55 м. Он тянется вдоль Большого Иерусалимского оврага. Глубина рва достигает 180–220 см от уровня возведения при ширине 4,5–5 м¹⁹.

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В 2014–2015 гг. в целях выяснения особенностей строительства и уточнения периода возведения укреплений исследованиям подверглись оборонительные сооружения Болгарского городища. Работы по изучению

фортификационных сооружений городища осуществлялась в 1946 и 1953 гг. раскопами О.С. Хованской²⁰, в 1967 г. пятью разведочными раскопами Ю.А. Краснова²¹ и в 1969 г. траншеей Н.Д. Аксеновой²², когда прорезались вал и ров, сохранившиеся до наших дней. На основе полученных данных исследователи пришли к выводу, что укрепления города Болгара возведены не позднее первой четверти XIV в. и имели деревянные стены и башни²³.

На современном этапе исследований вал и ров Болгарского городища прорезаны в южной части раскопами ССV площадью 159 кв. м и ССVI площадью 154 кв. м, в западной части раскопом ССVII площадью 176 кв. м и в юго-восточной части раскопом ССXV площадью 132 кв. м. Установлено, что вал был насыпан в два этапа, которые хронологически практически не имели разрыва. На раскопе ССV под насыпью вала прослежены следы распашки, что, вероятно, также фиксируется и на раскопах ССVII и ССXV. На раскопе ССVI под насыпью вала выявлена грунтовая дорога, рядом с которой располагалась ограда в виде частокола, вероятно, ограничивавшая дворовладение. Перед строительством вала на месте усадьбы появилось мусульманское кладбище. Благодаря находкам, в том числе нумизматическим, которые происходят как с объектов предшествующих строительству укреплений, так и с самой насыпи вала, время строительства оборонительных сооружений датируется 40-ми годами XIV в.²⁴

МАЛЫЙ ГОРОДОК

Объект является комплексом каменных сооружений, окруженных валом и рвом, и находится с внешней стороны южного въезда Болгарского городища. В плане он трапециевидной формы, в центре которого имеется укрепленная четырехугольная площадка. Комплекс по периметру окружен двумя рядами укреплений, состоящих из вала и неглубокого рва. На объекте уже проводились рекогносцировочные раскопки в 1893²⁵ и в 1946 гг.²⁶ Широкомасштабные археологические исследования 1981–1984 гг. позволили расчистить три монументальных каменных сооружения, уточнить датировку памятника. Исследования 2011–2013 гг. были обусловлены предстоящей реставрацией комплекса зданий «Малого городка» и строительством пешеходных дорожек, а также вскрытием архитектурных объектов для включения в ансамбль «Малого городка» (рис. 86).

Последними раскопками повторно расчищены руины «южного» здания и выявлены остатки сильно разрушенного мавзолея прямоугольной формы, с внешними размерами 7,4 × 6,2 м. Ширина стен не менее 90 см. Подошва фундамента располагалась непосредственно на поверхности периода строительства. Материал строительства свидетельствует о вторичном его использовании. Внутри мавзолея выявлено пять погребений, совершенных по мусульманскому обряду. С восточной и юго-восточной сторон мавзолея прослежен ров шириной до 2 м и глубиной около 1 м, с запада – частокольная канава протяженностью более 10 м²⁷.

Активное строительство новых объектов и реконструкция памятников архитектуры, подведение к ним инфраструктуры и благоустройство прилегающих участков на территории Болгарского городища требуют проведения охранных раскопок перед началом работ, которые осуществлялись нередко параллельно со строительными работами. Охранными раскопами и шурфовкой было вскрыто более 15 500 кв. м.

Самые крупные из них в 2010–2014 гг. проведены на месте строительства и благоустройства прилегающей территории Речного вокзала с функцией музея у береговой зоны памятника на крупном мысовом выступе. Общая площадь исследований составила около 11 463 кв. м. Тринадцатью раскопами исследована городская застройка и динамика развития планиграфии средневекового Болгара. Прослежено, что застройка на данном участке городища в XIII–XV вв. носила квартально-усадебный характер, где в один комплекс объединяются прямоугольные в плане погребя или подполы от наземных построек и несколько округлых в плане ям различного назначения.

В заполнении одного погребя, сгоревшего в результате пожара, кроме фрагментов керамической и берестяной посуды обнаружены золотые и серебряные украшения со вставками из полудрагоценных камней и стекла (серьги, перстни и подвески), пробирные камни, а также бронзовые матрицы и предметы, приготовленные для переплавки. Видимо, постройка является мастерской медника-ювелира XIV в.

На раскопе CLIII исследован участок, где в первой половине – середине XIV в., вероятно, располагалась граница двух усадеб. В одной из них, на дне двух прямоугольных в плане ям, объединенных в один комплекс, содержалась прослойка кричного шлака толщиной 1–3 см. В заполнении сооружений и горизонтов их функционирования встречены железный шлак, крицы и прокованный сырьевой металл. Скорее всего они находились на территории усадьбы, где располагалась кузница. В заполнении объектов и прослоек существования другой усадьбы среди прочих находок обнаружены медные пластины, выплески и фрагменты медной посуды и изделий, что, возможно, связано с ремесленной деятельностью на территории усадьбы.

На раскопе CLXXXII среди прочих объектов исследованы горны для обжига керамической посуды и связанные с ними ямы производственного назначения, остатки наземного жилища с подполом, различные хозяйственные ямы. Один из горнов сложен из обожженных кирпичей, скрепленных глинистым раствором. Камера обжига обвалилась в процессе использования и содержала развалы сосудов (рис. 87).

На раскопе CLXXXV наибольший интерес вызывает углубленное в землю на 1 м строение с размерами 10 × 12 м, углами ориентированное по сторонам света, – сооружение № 140. Вход в здание располагался

с северо-запада, от которого сохранилась кирпичная лестница. Кладка лестницы сложена из обломков и целых форм обожженного квадратного кирпича, скрепленного глиняным раствором. Поверх кладки была нанесена известковая штукатурка. По центру полуподвала располагался коридор шириной 2 м, который тянулся от лестницы на юго-восток. По обе стороны от коридора располагались по три равные комнаты размерами 3 × 3 м. В конце коридора расчищен развал печи овальной формы размерами 146 × 126 см и внутренними размерами 96 × 76 см. Сохранившаяся высота – 50 см. Под печи сложен из целых форм квадратных обожженных кирпичей, скрепленных глиняным раствором. Основная конструкция печи сооружена из сырцовых кирпичей и во время функционирования прокалилась изнутри на 10 см. По немногочисленным находкам, в том числе нумизматическим данным, сооружение можно датировать 60–80-ми годами XIV в.

На рассматриваемой территории (раскоп CXLIX) также располагался небольшой некрополь XIV в. Исследованы 11 погребений. Из общей массы выделяется погребение 11, где усопший захоронен в сидячем положении, возможно, вследствие прижизненной деформации скелета, сросшихся верхних позвонков. Череп погребенного с двумя шейными позвонками находится у ног. В области живота располагался процессионный крест со стеклянными вставками.

С раскопов происходят фрагменты и целые формы посуды, медные и серебряные монеты, украшения из цветных и драгоценных металлов, из полудрагоценных камней и стекла, предметы костюма и домашнего обихода, железные предметы и крицы, жернова и другие изделия из камня, костяные предметы и прочие находки²⁸ (рис. 88).

В северной части Болгарского городища на месте строительства памятного знака в честь принятия Ислама болгарями в 922 г. и благоустройства прилегающей территории раскопами вскрыто 1526 кв. м. площади. В результате работ обнаружены многочисленные объекты, в основном, золотоордынского времени XIII–XIV вв. В процессе исследований на данном участке городища выявлены объекты и слои именьковского времени V–VII вв. и домонгольского болгарского периода XII–XIII вв. Объекты золотоордынского времени представляют собой остатки деревянных и кирпичных построек, полуземлянки, погребца, металлургического и гончарный горны, хозяйственные ямы различного назначения.

Некоторые объекты исследователями выделены в отдельные усадьбы. Так, усадьба ремесленника XIV в., по мнению А.М. Губайдуллина, состояла из двух полуземлянок, которые являются жилищем и мастерской, с горном для плавки металла, очагом и хозяйственными ямами. Среди находок из данной усадьбы происходит развал крупного селадонного блюда²⁹.

В погребении одной из наземных построек, сгоревшей при пожаре в середине XIV в., в числе прочих находок, обнаружен набор импортной поливной посуды, медные чаши от весов и ручка медного сосуда. Данный

комплекс хорошо датируется благодаря находкам более десятка медных и серебряных монет, обнаруженных на уровне дна ямы. Близкое расположение данного объекта к синхронному ему центральному городскому базару, дает возможность предположить, что дом принадлежал весьма крупному купцу или вельможе Болгара.

На дне другой углубленной в материк ямы в плане прямоугольной формы выявлен красноглиняный лощеный кувшин, заполненный дегтем и закупоренный сургучом. Яма являлась хозяйственной постройкой середины XIV в. В позднеордынское время на этом участке города появляется кладбище. Раскопами исследовано около двадцати погребений. Захоронения совершены по канонам Ислама³⁰.

В 2010–2012 гг. значительные исследования проводились на месте предстоящего строительства дорог на территории Болгарского городища. В 2012 г. в центральной части городища к северу от Международной археологической школы, на месте строительства подъездной дороги к автостоянке, был заложен раскоп CLXVIII площадью 496 кв. м. Культурный слой на раскопе составил 20–100 см. Хорошо сохранился домонгольский болгарский слой, местами достигающий 40 см. Он перекрывается прослойкой пожара 1236 г. В слое и в ямах часто встречается железный шлак. На некоторых участках шлак выделяется в самостоятельную прослойку. Относительно большая мощность слоя, вероятно, связана с функционированием рядом с раскопом в XII–XIII вв. металлургических или металлообрабатывающих построек. К золотоордынскому периоду на раскопе отнесены полуземлянки, погребя, хозяйственные ямы, остатки оград³¹.

На месте реконструкции асфальтовой дороги в южной части городища в 2010 г. раскопами общей площадью 360 кв. м исследован мусульманский могильник XIV – начала XV в.³²

Охранные исследования раскопами общей площадью 1694 кв. м проводились и на других участках памятника, где предполагалось проведение строительных или реставрационных работ. В северной части Болгарского городища на северном краю верхней коренной террасы на месте предстоящего строительства насосно-канализационной станции исследования проводились раскопом CLXXII площадью 432 кв. м. Мощность слоя составляет около 2 м. Среди объектов, выявленных на раскопе, интересен оборонительный ров XII–XIII вв., вытянутый по линии север–юг. Сохранившаяся глубина рва достигает 2,5 м, при ширине 3 м. В золотоордынский период ров был засыпан³³.

Другие раскопы, заложенные в охранных целях, позволили уточнить особенности планиграфии Болгара, установить мощность и характер накопления слоев на определенных участках городища (рис. 89).

¹ Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдилов, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2012. С. 9–14; Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдилов, А.С. Старков. Казань, 2013. С. 7–8.

- ² *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Раскопы CLXXIX (участки Л, М, Н) и СХСII (участки Б, В, Г) // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2015. С. 8–11; *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. М., 2015. № 237. С. 9–12.
- ³ *Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф.* Исследования торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993) // Болгар и его округа: Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 22–23.
- ⁴ Археологические исследования: Болгар и Свияжск 2012 г. С. 8, 12; *Бадеев Д.Ю.* Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-х гг. XIV в. // КСИА. М., 2015. № 237. С. 200–210; *Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. Казань, 2012. № 1. С. 158–171; *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Раскопы CLXXIX (участки Г–К) и СХСII // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2014. С. 8–11; *Они же.* Раскопы CLXXIX (участки Л, М, Н) и СХСII (участки Б, В, Г). С. 9–12; *Они же.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. М., 2015. № 237. С. 188–199; *Бадеев Д.Ю., Валиев Р.Р.* Усадьбы золотоордынского Болгара к юго-западу от Соборной мечети // Диалог городской и степной культуры на Евразийском пространстве: Историческая география Золотой Орды = Dialogue of Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space: Historical Geography of the Golden Horde: Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова / под ред. С.Г. Бочарова, А.Г. Ситдиикова. Казань; Ялта; Кишинев, 2016. С. 105–107. (Археологические источники Восточной Европы = Archeological Records of Eastern Europe); *Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Раскопы CLXXIX (участки О–У) и СХСII (участки Д–Е) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2016. С. 7–12; *Коваль В.Ю.* Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV века в Болгаре // Поволжская археология. Казань, 2013. № 4 (6). С. 9–33; *Он же.* Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. М., 2015. № 237. С. 211–221.
- ⁵ *Хованская О.С.* Бани города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1954. Т. 1. С. 398 (МИА; № 42); *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001. С. 223–226.
- ⁶ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск. С. 13.
- ⁷ *Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г.* Исследование мавзолеев на юго-западной окраине Болгарского городища в 2015 г. (раскопы СС1, СС2, СС3) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. С. 16–18.
- ⁸ Там же. С. 20–21.
- ⁹ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск. С. 7; *Елкина И.И.* Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. Казань, 2014. № 2 (8). С. 131–144; *Лазукин А.В.* Предварительные итоги исследования некрополя южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Там же. С. 145–164.
- ¹⁰ *Елкина И.И., Лазукин А.В.* Раскоп ССXIV // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. С. 26–27.
- ¹¹ *Ситдииков А.Г., Волков И.В., Лопан О.В.* Раскопки на юго-западной окраине Болгарского городища (раскопы СС1, СС2, СС3) // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. С. 22–24; *Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г.* Исследование мавзолеев на юго-западной окраине Болгарского городища в 2015 г. (раскопы СС1, СС2, СС3) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. С. 16–18.
- ¹² *Ситдииков А.Г., Волков И.В., Лопан О.В.* Раскопки на юго-западной окраине Болгарского городища (раскопы СС1, СС2, СС3) // Археологические исследования 2014 г.: Болгар

- и Свяжск. С. 22–24; *Волков И.В., Лопан О.В., Ситдииков А.Г.* Исследование мавзолеев на юго-западной окраине Болгарского городища в 2015 г. (раскопы СС1, ССП, ССП1) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск. С. 16–18.
- ¹³ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск. С. 10.
- ¹⁴ *Ситдииков А.Г., Сивицкий М.В., Беляев А.В., Хазиев А.И.* Результаты археологических исследований на территории Болгарского городища в 2015 г. (раскопы ССVIII–ССXII) // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск. С. 23–24.
- ¹⁵ *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г.* Раскоп CLXXXIX // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свяжск. С. 15–16.
- ¹⁶ Там же. С. 18–19.
- ¹⁷ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск. С. 11.
- ¹⁸ *Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Валиев Р.Р., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В.* Раскоп СХСXI // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск. С. 13–15.
- ¹⁹ Там же. С. 16–18.
- ²⁰ *Хованская О.С.* Новые данные о крепостных сооружениях г. Болгара // КСИИМК. М.; Л., 1956. Вып. 62. С. 129–134.
- ²¹ *Краснов Ю.А.* Исследования на западной части большого вала: Раскоп XVIII – 1967. Казань, 1968 // Архив БГИИМЗ. Док. фонд. № 5–1. 39 л.
- ²² *Аксенова Н.Д.* Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году. Казань, 1970 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3921. 53 л.
- ²³ *Краснов Ю.А.* Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1987. С. 99–123; *Хованская О.С.* Оборонительная система города Болгара // МИА / отв. ред. А.П. Смирнов. М.; Л., 1958. № 61. С. 316–329.
- ²⁴ *Губайдуллин А.М.* Археологические исследования оборонительных сооружений Болгарского городища золотоордынского периода // Археологические исследования 2015 г. С. 21–22; *Коваль В.Ю., Русаков П.Е., Смирнов А.Н.* Раскоп ССV // Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свяжск. С. 26–27; *Русаков П.Е., Коваль В.Ю.* Раскоп ССVI // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свяжск. С. 19–20.
- ²⁵ *Смолин В.Ф.* Извлечение из отчета о раскопках в Казанской губернии // ОАК за 1893 г. СПб., 1895. С. 95–101.
- ²⁶ *Хованская О.С.* Оборонительная система города Болгара. С. 327–358.
- ²⁷ Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свяжск. С. 10; Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск. С. 11; *Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В.* Новые исследования на территории Малого городка Болгара // Поволжская археология. Казань, 2016. № 2 (16). С. 151–63; *Елкина И.И., Лазукин А.В., Беляев Л.А.* Раскопы СХСVII, СХСVIIIа и СХСVIIIб // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свяжск. С. 22–24; *Коваль В.Ю., Смирнов А.Н., Бадеев Д.Ю.* Раскоп СХС // Там же. С. 17.
- ²⁸ Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свяжск / сост. Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков, З.Г. Шакиров. Казань, 2011. С. 11–19; Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свяжск. С. 12–15; Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск. С. 15–16; *Ситдииков А.Г., Сивицкий М.В.* Раскопы CLXXXIII, CLXXXV, CLXXXVII, CLXXXVIII) // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свяжск. С. 12–14.
- ²⁹ *Губайдуллин А.М.* Исследования в центральной части Болгарского городища («дом ремесленника») // Поволжская археология. Казань, 2013. № 3 (5). С. 191–199.
- ³⁰ Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свяжск. С. 19–20; Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свяжск. С. 16–17.
- ³¹ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск. С. 14.
- ³² Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свяжск. С. 21.
- ³³ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свяжск. С. 17.

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ШКАЛА
И ОПИСЬ РАСКОПОВ НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ
2010–2015 ГГ.

VI слой – X – первая половина XI в.

V слой – вторая половина XI – начало XIII в.

IV р. (ранний) слой – раннезолотоордынский период, середина XIII – начало XIV в.

IV п. (поздний) слой – позднезолотоордынский период, с 30-х годов XIV в. до 1431 г. – даты разгрома города.

III слой – период Казанского ханства.

II–I слои – современное село.

Раскоп СХХIII, 2010, 2011 гг., 272 кв. м, продолжение работ 1994–2009 гг., к северу от хозяйственного двора БГИАМЗ, над Красной палатой, исследование монументального кирпично-каменного здания XIII–XIV вв. (Дом с башнями), Р.Ф. Шарифуллин, А.В. Беляев, А.Г. Нуриев.

Раскоп СХLVI, 2010 г., 300 кв. м, в центральной части городища, на месте строительства автодороги, А.М. Губайдуллин.

Раскоп СХLVII, 2010 г., 60 кв. м, в центральной части городища, на месте строительства автодороги, В.С. Баранов, Т.Р. Губайдуллин, А.М. Губайдуллин.

Раскоп СХLVIII, 2010 г., 576 кв. м, в центральной части городища, на месте строительства Памятного знака, А.М. Губайдуллин.

Раскоп СХLIX, 2010 г., 3890 кв. м, в северной части городища, на месте строительства здания речного вокзала, В.С. Баранов, А.В. Беляев, Р.Р. Валиев, Т.Р. Губайдуллин, А.Г. Нуриев, А.М. Губайдуллин.

Раскоп CL, 2010 г., 36 кв. м, в северо-восточной части городища, на месте предполагаемого строительства трансформаторной подстанции, А.М. Губайдуллин.

Раскоп CLI, 2010 г., 1136 кв. м, в северной части городища, на месте строительства спуска в котлован строящегося здания речного вокзала, Р.Р. Валиев, Т.Р. Губайдуллин, И.Ю. Мирсияпов, Р.Н. Хамзин, А.В. Беляев, А.Г. Нуриев, А.М. Губайдуллин.

Раскоп CLII, 2010 г., 96 кв. м, в центральной части городища, на месте строительства административных помещений БГИАМЗ, А.М. Губайдуллин.

Раскоп CLIII, 2010 г., 338 кв. м, в северной части городища, на месте строительства котельной и трансформаторной подстанции речного вокзала, Р.Р. Валиев, А.М. Губайдуллин.

Раскоп CLIV, 2011 г., 98 кв. м, в западной части городища, на месте строительства санитарной зоны палаточного лагеря, А.В. Беляев, В.С. Баранов.

Раскоп CLV, 2011 г., 98 кв. м, в западной части городища, на месте строительства санитарной зоны палаточного лагеря, А.В. Беляев, В.С. Баранов.

Раскоп CLVI, 2011 г., 950 кв. м, в центральной части городища, в зоне благоустройства территории Памятного знака, М.В. Сивицкий, В.С. Баранов.

Раскоп CLVII, 2011 г., 6 кв. м, в северо-западной части городища, на месте строительства выгребной ямы на территории «Базы археологов» по адресу ул. Мухамедьяра 12, М.В. Сивицкий, В.С. Баранов.

Раскоп CLVIII, 2011 г., 608 кв. м, в северной части городища, в зоне благоустройства территории речного вокзала, А.М. Губайдуллин, В.С. Баранов.

Раскоп CLIX, 2011 г., 484 кв. м, в северной части городища, в зоне благоустройства территории речного вокзала, А.М. Губайдуллин, В.С. Баранов.

Раскоп CLX, 2011 г., 64 кв. м, в центральной части городища, в 146 м к северу от северо-восточного угла Ханской усыпальницы, А.М. Губайдуллин, В.С. Баранов.

Раскоп CLXI, 2011 г., 580 кв. м, в северной части городища, в зоне благоустройства территории речного вокзала, Р.Р. Валиев, А.В. Беляев, В.С. Баранов.

- Раскоп CLXII, 2011 г., 188 кв. м, в центральной части городища, «Рынок», в 100 м к юго-западу от Соборной мечети, В.С. Баранов, В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев.
- Раскоп CLXIII, 2011 г., 40 кв. м, в центральной части городища, между Малым минаретом и Белой палатой, В.С. Баранов, И.Р. Газимзянов.
- Раскоп CLXIV, 2011 г., 396 кв. м, в южной части Малого городка, южное здание Малого городка, Л.А. Беляев, И.И. Елкина, А.В. Лазукин.
- Раскоп CLXV, 2011 г., 130 кв. м, в центральной части городища, на месте предстоящего строительства памятника «Хранительница Болгара», А.В. Беляев, А.Г. Нуриев, В.С. Баранов.
- Раскоп CLXVI, 2011 г., 18 кв. м + шурфы № 1–4, 36 кв.м, в центральной части городища, на месте предстоящего рытья колодцев ГНБ для водопровода к речному вокзалу, А.В. Беляев, А.Г. Нуриев, В.С. Баранов.
- Раскоп CLXVII, шурфы № 1–30, траншея № 1, 2012 г., 297 кв. м, в северо-западной части городища, ул. Мухамедьяра, колодцы ГНБ при прокладке водопровода и канализации, Т.Р. Губайдуллин.
- Раскоп CLXVIII, 2012 г., 496 кв. м, при строительстве дороги к автостоянке (Школьный переулок), А.В. Беляев.
- Раскоп CLXIX и CLXX, 2012 г., 155 кв. м, при строительстве Фестивально-событийной площадки в центральной части городища, А.В. Беляев.
- Раскоп CLXXI, 2012 г., 400 кв. м, к юго-западу от Соборной мечети, Р.Ф. Шарифуллин.
- Раскоп CLXXII, 2012 г., 432 кв. м, при строительстве насосно-канализационной станции по ул. Мухамедьяра, с западной стороны спуска к речному вокзалу, 50 м западнее Памятного знака, А.М. Губайдуллин.
- Раскоп CLXXIII, 2012 г., 279,5 кв. м, повторное вскрытие бани № 2 на подошве берегового склона, 30 м восточнее речного вокзала, С.Г. Бочаров, Р.Р. Валиев.
- Раскоп CLXXIV, 2012 г., 502 кв. м, в юго-восточной части городища, в 50 м восточнее от дороги «центр – Южные ворота» и 430 м севернее от Южного проезда, И.И. Елкина, Л.А. Беляев, А.В. Лазукин, Д.Ю. Бадеев.
- Раскоп CLXXV, 2012 г., 112 кв. м, в юго-западной части городища, в 130 м к северу–северо-западу от «двухкамерного южного мавзолея», И.В. Волков, О.В. Лопан, Р.Р. Валиев.
- Раскоп CLXXVI, 2011 г., 156 кв. м, в центральной части городища, «Рынок», в 100 м к юго-западу от Соборной мечети, В.С. Баранов.
- Раскоп CLXXVII, 2012 г., 182 кв. м, в северо-западной части городища, в зоне благоустройства территории речного вокзала, Т.Р. Губайдуллин, Р.Р. Валиев.
- Раскоп CLXXVIII, 2012 г., 40 кв. м, в юго-западной части городища, в 240 м северо-западнее от «двухкамерного южного мавзолея», И.В. Волков, О.В. Лопан, Р.Р. Валиев.
- Раскоп CLXXIX, 2012–2015 гг., 832 кв. м, в центральной части городища, «Рынок», в 100 м к юго-западу от Соборной мечети, В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев.
- Раскоп CLXXX и траншеи № 3 и № 4, 2012 г., 20 кв. м, геомагнитная аномалия на территории «Малого городка», И.И. Елкина, Л.А. Беляев, А.В. Лазукин, Д.Ю. Бадеев.

ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

С.Г. Персова, А.Г. Ситдиков, Р.Р. Хайрутдинов

Перспективной формой развития как сферы охраны культурного наследия, так и музейного дела, принятой в мире и активно развивающейся в Татарстане, является создание историко-культурных заповедников. Главное их преимущество – симбиоз исторического, архитектурного, художественного и природного комплексов. В нашей республике число подобных заповедников достигло шести.

В их ряду особое место занимает Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Это связано в первую очередь с тем, что именно здесь с эпохи древности сложился настоящий узел контактных зон и пересечений культур. Многочисленные народы, жившие в этом месте, сыграли выдающуюся роль в формировании и развитии уникальной евразийской цивилизации и являются ее неотъемлемой частью. Многоаспектное изучение Болгарского государства и Болгарской цивилизации в целом – большая историко-культурная проблема, имеющая выход на целый спектр наук и самостоятельных направлений научного поиска.

В целом, исследовательскую и научно-организационную деятельность БГИАМЗ можно разделить на три важные составляющие: археологические исследования; работы, связанные с архитектурными памятниками Болгара – их консервация и реставрация; музейное дело – создание выставок и экспозиций.

В изучении проблем создания, функционирования и развития Болгарского музея-заповедника еще немало «белых пятен». Надо отметить, что Болгарское городище было наиболее известным памятником архитектуры и археологии на территории Казанской губернии и одним из самых знаменитых в России, который неизменно привлекал внимание исследователей. Уже начиная с XVIII в. стал накапливаться огромный материал по истории этих заповедных территорий. Знаменитые российские и зарубежные ученые, художники, литераторы, в числе которых П.С. Паллас, Н.П. Рычков, А. Гумбольд, Э. Турнерелли, Г.Р. Державин, И.И. Лепехин, П.П. Свиньин, А.Ф. Риттих, И.Н. Березин, С.М. Шпилевский, А.Ф. Лихачев, Н.Ф. Высоцкий,

братья Чернецовы, К.А. Саврасов и многие другие составили подробные описания городища, произвели архитектурные обмеры и зарисовки памятников, оставили многочисленные сведения по истории Болгара. Не оставляли своим вниманием памятники городища и российские монархи. Посещавшие Болгар Петр I и Екатерина II, с большим интересом осматривали его развалины и определенным образом пытались влиять на их сохранность.

Что касается системы охраны памятников Болгарского городища в целом, то до конца XIX в. она практически отсутствовала, как, впрочем, и на других заповедных историко-культурных территориях Казанской губернии. Это было следствием отсутствия законодательной базы в сфере охраны культурного наследия в России, а также нежеланием в условиях православной государственной идеологии возрождать мусульманские святыни Болгара. В результате этого памятникам городища из года в год наносился значительный вред местными жителями и заезжими «бугровщиками». Многочисленные обращения ученых и краеведов к российским властям по поводу разрушений памятников в Болгаре на протяжении почти всего XIX в. тонули в бюрократических проволочках. И только в начале 1880-х годов центральная часть городища была официально передана в ведение Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ), которое в условиях минимального финансирования пыталось наладить элементарную работу по охране отдельных объектов Болгара. Однако памятники, находившиеся на территории частных владений и не попавшие в зону ответственности Общества, продолжали разрушаться и гибнуть под натиском неконтролируемой хозяйственной деятельности. Все попытки расширения территории охранной зоны не удавались из-за отсутствия средств для переселения крестьян с заповедных земель.

Более или менее крупные ремонтно-реставрационные работы в дореволюционный период проводились на памятниках Болгара в 1884, 1885, 1889, 1896 и 1905 гг. Однако качество этих работ страдало от крайне недостаточного финансирования, а также отсутствия опыта в проведении реставрации на сложных исторических объектах. При этом необходимо признать огромную научно-организационную роль, которую сыграло Общество археологии, истории и этнографии в деле сохранения и популяризации выдающихся памятников Болгарского городища.

Собственно археологические исследования в Болгаре, начатые в 1864 г., проводились бессистемно и лишь в небольших объемах. Помимо хронической нехватки необходимых средств на их производство, они также осложнялись отсутствием необходимых методик и слабой технической оснащённостью экспедиций ОАИЭ и Императорской Археологической комиссии (ИАК), производивших раскопки. Положение усугублялось и тем, что городище «перепахивали» многочисленные кладоискатели, которые уничтожали культурный слой, а в частные руки уходили и бесследно пропадали ценнейшие археологические находки. Лишь в 1913–1916 гг., с получением необходимых

субсидий от Министерства народного просвещения России, удалось организовать довольно крупные археологические исследования памятников Болгара, Биляра и их окрестностей.

Идея о необходимости организации в Болгаре музея нарастала по мере все большего разрушения архитектурных и археологических объектов городища. Впервые такое предложение было выдвинуто К.Г. Евлентьевым на проходившем в 1869 г. в Москве Первом Археологическом съезде. Она получила горячую поддержку ученых России, однако так и осталась не реализованной. Лишь в 1888 г. усилиями Общества археологии, истории и этнографии удается создать некое подобие музея в «Черной палате», куда стали складироваться крупные археологические находки (рис. 90–91). Это дало возможность прекратить их массовый отток в Москву и Петербург, а также в руки частных лиц. Но в целом решить проблему охраны и реставрации памятников городища эти полумеры не могли. Для создания в Болгаре музея под открытым небом не хватало главного – государственной поддержки и соответствующего финансирования.

После Октябрьской революции 1917 г. памятники Болгара продолжали страдать от возросшей хозяйственной деятельности на территории городища. Хотя Общество археологи, истории и этнографии пыталось координировать охранно-спасательные работы, однако на практике, ввиду полного отсутствия финансов у ОАИЭ, все работы прекратились. Как никогда ценнейшие объекты Болгара оказались под угрозой полного исчезновения. Под давлением научного сообщества, государство было вынуждено начать работу по спасению памятников городища. Важным шагом к этому было создание в Татарской республике Отдела по охране памятников при Наркомате просвещения ТАССР. Его довольно активная деятельность привела к тому, что в 1919 г. в Болгаре был создан музей, в 1923 г. Болгарское городище было признано историко-культурным заповедником местного значения, а в 1926 г. удалось провести на многих памятниках ремонтные работы. Большое внимание привлекло к Болгарам также инициированное Отделом масштабное исследование территории ТАССР с целью открытия новых памятников археологии и архитектуры. В этой работе помимо местных исследователей приняли участие специалисты из Москвы и Ленинграда. Эти и другие мероприятия, проведенные Отделом, способствовали тому, что в 1934 г. Болгар был объявлен заповедником, а Биляр и Сувар – заказниками республиканского (РСФСР) значения. Однако эти важные структурные преобразования не меняли кардинально положение городища. Выделяемых средств не хватало как на создание полноценной администрации заповедника, так и на поддержание объектов Болгара в надлежащем виде. Практически вся реставрационная работа была свернута вплоть до конца 1950-х годов.

Собственно археологические работы на городище начиная с 1930-х годов приобрели необходимую плановость и системность. Ежегодно исследователями вскрывались значительные площади, систематизировался материал,

и, как результат, складывалось довольно ясное представление об истории Болгара в X–XIV вв. Параллельно велись работы в Биляре и Суваре. Активные археологические исследования в Болгаре прекратились лишь в период Великой отечественной войны, но уже в 1945 г. вновь возобновились.

Значительное расширение полевых исследований в послевоенный период связано с созданием Куйбышевской археологической экспедиции, которая сосредоточила свою деятельность на затопляемых территориях Куйбышевского водохранилища. Другим важным фактором развития археологических исследований в республике в 1950-е годы стало некоторое улучшение их финансирования, а также стремление местных властей создать в республике туристический центр в Болгарах.

Сразу же после организации в 1934 г. Болгарского историко-культурного заповедника стала проводиться активная работа по созданию здесь разветвленной научной, музейной и административно-хозяйственной инфраструктуры. Большую помощь в этом оказывали местным властям выдающиеся советские ученые И.Э. Грабарь, А.П. Смирнов, Л.А. Давид и др. (рис. 92–94).

Эта кропотливая и длительная работа увенчалась успехом – в 1969 г. было принято решение об открытии Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника. В его структуру вошли также Билярское и Суварское городище. В процессе создания заповедника помимо важных научно-исследовательских проблем необходимо было решить огромное количество непростых организационных задач. В первую очередь это обеспечение надежной охраны памятников, находящихся на этих территориях, которые разрушались из-за активной хозяйственной деятельности. Серьезную угрозу существованию заповедника могло принести и решение о переселении части жителей г. Куйбышева на территорию городища. Несмотря на многочисленные правительственные постановления, касающиеся охраны культурного наследия в целом и Болгарского заповедника в частности, положение оставалось сложным (рис. 95–96).

С 1960-х годов под эгидой Министерства культуры ТАССР и силами СН РПМ под руководством С.С. Айдарова началась системная реставрационная и музеефикационная работа на памятниках Болгара. Это позволило на основе новых методик исследовать многие архитектурные шедевры, осуществить их реставрацию и консервацию с сохранением исторического облика объектов. На территории заповедника постепенно стала складываться и развиваться необходимая инфраструктура – были построены административные здания, значительно улучшено состояние дорог, была построена экспедиционная база. Постепенно удалось прекратить и массовую хозяйственную деятельность на территории, в том числе остановить работу местного аэродрома. Таким образом, постепенно создавались условия для превращения Болгара в один из важных туристических центров СССР.

Надо отметить, что на развитие БГИАМЗ в 1970–1980-е годы определенное влияние оказывала коммунистическая идеология. Однако БГИАМЗ

в силу его специфики не был подвергнут значительной идеологической деформации. Мусульманские святыни Болгара, которые воспринимались как историко-культурное достояние всей страны, продолжало посещать большое количество как жителей Поволжья, так и других регионов Советского Союза.

В эти годы сформировались и основные направления деятельности заповедника, который стал приобретать черты крупного исследовательского и музейного центра не только республики, но и страны в целом. На территории Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника активно велись археологические исследования и охранно-спасательные работы, комплектовался музейный фонд, проводились реставрация, консервация, реконструкция и инженерная защита памятников, осуществлялось благоустройство территории заповедника, постепенно создавалась необходимая инфраструктура туризма.

В 1970–1980-е годы в БГИАЗ произошли определенные изменения в научно-исследовательской деятельности. Заповедник начал самостоятельно силами студентов и школьников проводить археологические раскопки. Руководителями этих исследований в разное время были А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов, на Билярском городище плодотворно работал А.Х. Халиков. Способствовал повышению уровня исследовательской деятельности БГИАЗ и сформированный Ученый Совет заповедника, членами которого были А.П. Смирнов, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, С.С. Айдаров.

В этот период было значительно увеличено и финансирование мероприятий, проводимых БГИАЗ. В целом они уступали лишь вложениям в реставрацию Казанского Кремля. Также в большем объеме стали финансироваться исследовательская деятельность и работы по консервации памятников в открытом в 1977 г. Билярском филиале заповедника, где была создана археологическая база Казанского филиала АН СССР и учебно-экспедиционная база Казанского государственного университета.

1970–1980-е годы стали временем крупных реставрационных работ, которые проводились на Болгарских памятниках. Также активно выявлялись на территории городища и новые объекты, материалы которых все больше пополняли научный и музейный фонд заповедника.

Это обстоятельство стало предпосылкой не только расширения экспозиции БГИАЗ, но и создания новых направлений музейного показа. В середине 1980-х годов археологическая ее часть была разработана под руководством Д.Г. Мухаметшина и Н.Д. Аксеновой, при активном участии М.М. Кавеева (рис. 97–101).

Одним из самых значимых событий в истории БГИАЗ в советский период стало проведение летом 1989 г. торжеств, посвященных 1100-летию официального принятия ислама в Волжской Болгарии. В празднике принимали участие тысячи людей из 60 регионов России и многочисленные зарубежные гости. Праздник стал традиционным, и с тех пор в мае-июне в Болгары стекаются массы паломников. Но, помимо этого, эти торжества

стали символом начала нового этапа в истории татарского народа, возвращения нации к своим истокам. И, конечно, это памятное событие придало огромный импульс дальнейшему всестороннему развитию Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (рис. 102).

Жесточайший экономический и интеллектуально-духовный кризис, который поразил страну в начале 1990-х годов, не мог не отразиться на очень чувствительной сфере культурного наследия, внимание к которому со стороны федерального центра было сведено к минимуму. В этих условиях весь груз ответственности за состояния памятников истории и культуры ложился на региональные власти. Надо сказать, что правительством Татарстана были приняты все возможные меры по обеспечению исследовательской деятельности в Болгаре, а также по развитию инфраструктуры БГИАМЗ. Так, созданным в 1990 г. фондом «Болгар», были проведены в 1992 г. масштабные работы по углублению фарватера от русла Волги до древнего Болгара, что позволило останавливаться у пристани речным судам всех типов и значительно увеличить туристический поток на территорию Болгарского заповедника (рис. 103).

История развития БГИАМЗ в 1990-х годах, выявила еще одну проблему, которая влияла на эффективность работы заповедника – нехватка квалифицированных специалистов в сфере охраны памятников. В последующем во многом она решалась, однако уже очевидно, что на новом современном этапе развития БГИАМЗ ему требуются специально подготовленные музейеведы и специалисты в области культурного туризма.

В 1995 г. Болгарское городище приобретает статус памятника федерального значения. Общественно-политические и культурно-духовные перемены, которые произошли в стране, а вместе с тем пересмотр многих ключевых аспектов истории Татарстана и России в целом, поставили новые исследовательские и практические задачи. Памятники, расположенные на территории городища, стали отражением не только собственно истории Болгарского государства, но важнейшей частью тюрко-татарской цивилизации. И совсем не случайно в 1998 г. Болгарский историко-архитектурный комплекс был включен в Предварительный список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО по Российской Федерации. Кроме этого, Болгар стал центром паломничества мусульман не только из Поволжья, России в целом, но и зарубежья.

В 2000-е годы БГИАМЗ приобретает значение как крупный научный центр археологических исследований и охранно-спасательных работ всего Волго-Камского региона и признанная площадка для проведения многих российских и международных научных форумов.

Значительные изменения в деле охраны культурного наследия в Республике Татарстан произошли на рубеже XX–XXI вв. Новый этап в истории БГИАМЗ связан с началом реализации в 2010 г. уникального проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар». Была

поставлена амбициозная задача – превратить Болгар в современный, с развитой инфраструктурой, соответствующей самым высоким мировым стандартам, историко-культурный и музейный центр не только Татарстана, но и России в целом. Для координации работ был создан Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан.

Современный пример комплексного развития Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника ярко демонстрирует, что проблемы изучения, сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия в Республике Татарстан сегодня перешли на новый уровень. В эту работу активно включились структуры, ведающие вопросами градостроительства и архитектуры, экономики и промышленного развития, экологии, транспорта, благоустройства, имущественного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, юридических служб, научно-образовательные организации, средства массовой информации и широкие слои общественности, без участия которых невозможна эффективная охрана и всестороннее развитие культурного наследия, которое является визой Татарстана в будущее.

ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

В.Н. Калуцков, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин

ПРИРОДНО-КУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Используя терминологию великого евразийца Л.Н. Гумилева, можно утверждать, что местоположение Болгарского городища представляет собой уникальное место развития для лесных и степных культур Поволжья¹.

Уникальность и связанное с ней природно-культурное разнообразие территории во многом предопределяется пограничностью этого места. Пограничность расположения городища проявляется на страновом, региональном и локальном уровнях рассмотрения ситуации². Болгар расположен, во-первых, на окраине природных зон (лесной и лесостепной), во-вторых, на границе распространения культур, степной и лесной, в-третьих, на стыке речных бассейнов двух крупнейших рек – Волги и Камы, в-четвертых, на пограничьи высокого волжского правобережья и низменного Заволжья. И этот список можно продолжить.

В зональном отношении территория Болгарского городища располагается на границе географических зон – зоны широколиственных лесов и зоны лесостепей³. Такое пограничное местоположение предопределяет значительное природное разнообразие почв, флоры и фауны территории, что расширяет возможности хозяйственного освоения территории.

Исходно степная болгарская культура, с одной стороны, нашла в этих местах близкие степные мотивы, а с другой стороны, вынуждена была осваивать новые лесные пространства. Тем самым положение Болгара на границе степи и леса на ландшафтном пограничьи представляет собой важный культурный знак, знаменуя историческую веху – культурно-хозяйственный переход с кочевого образа жизни на оседлый, освоение навыков земледелия, развитие лесных промыслов.

В XVIII в. разнообразные ресурсные возможности территории оценили новые переселенцы (русские, татары, мордва, чуваша), заново осваивая лесные и степные пространства.

Рассматриваемый район оказывается в центре природного транспортного узла, образованного в результате впадения Камы в Волгу. Такое

расположение позволило древнему Болгару замкнуть на себя древние торговые пути, идущие с Европы и Урала, с одной стороны, и с Центральной России и Средней Азии – с другой. И в наше время для Болгара сохраняется выгодное транспортное положение, позволяя использовать возможности не только автомобильного, но и речного туризма.

На локальном уровне благоприятное разнообразие природных условий и ресурсов определяется ландшафтными контрастами: сочетание широкой камско-волжской поймы (ныне в основном затопленной водами водохранилища), волжских террас с многочисленными балками и оврагами. В исторической перспективе эрозионное расчленение территории способствовало использованию близко залегающих к поверхности земли полезных ископаемых (глины, известняка, гипса и других), что также явилось дополнительным ресурсом развития традиционных культур региона.

Контрастность природных ландшафтов, значительный размах высот долины Волги создает неповторимые панорамы, раздвигает визуальное восприятие территории, повышая туристскую привлекательность (аттрактивность) места.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ЭКОЛОГО-КУЛЬТУРНАЯ ОЦЕНКА ЛАНДШАФТА

Вмещающий ландшафт Болгарского городища представляет собой типичный лесостепной ландшафт с характерной морфологической структурой – овражно-балочная сеть, блюдца степных западин (рис. 104).

Несмотря на вековые воздействия исторического хозяйствования на этой территории, включая строительство, промыслы, сельское и лесное хозяйство, морфологическая структура природного ландшафта изменена слабо. Это свидетельствует о щадящем, адаптивном характере традиционного природопользования на данной территории. Основные изменения природного ландшафта в XX в. связаны с созданием Куйбышевского водохранилища, что привело к затоплению волжской поймы и большей части первой надпойменной террасы Волги.

Ландшафт Болгарского городища состоит из двух больших групп территориальных комплексов – природных и культурных.

К природным территориальным комплексам, в возникновении и эволюции которых основная роль принадлежит природным факторам и процессам, принадлежат:

- основная поверхность второй надпойменной террасы Волги;
- суффозионные западины с сезонными озерами;
- лощины;
- балки;
- овраги;
- конуса выноса эрозионных форм;

– крутые в разной степени оползневые склоны второй надпойменной террасы Волги;

– местами сохранившиеся от затопления водохранилищем фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги;

– пляжи.

Среди основных культурных территориальных комплексов, в создании которых основную роль сыграла человеческая деятельность, выделяются:

– комплекс древних валов;

– ареал древнего «ямного рельефа», антропогенный бедленд⁴, происхождение которого на склонах оврага Большой Иерусалимский связано с болгарскими и русскими промыслами;

– рекультивированный песчаный карьер.

Выделенные ландшафтные территориальные комплексы характеризуются следующими особенностями (нумерация природных территориальных комплексов в тексте соответствует их нумерации на ландшафтной и других картах природного блока. – *В.К., П.Ш.*):

1. Вторая надпойменная терраса реки Волги составляет основную часть современной территории Болгарского музея-заповедника. Практически весь он расположен в ее пределах, именно на этой террасе находится большая часть археологических и архитектурных памятников музея.

Основная поверхность этой террасы сложена супесями и песками; преобладает лугово-степная растительность, местами встречаются посадки (береза, сосна, американский клен), в южной части музея-заповедника расположен ценный небольшой массив молодого дубового леса. Однако так было не всегда. Чтобы понять природную ситуацию доболгарского освоения, достаточно посетить примыкающий к городу район озера Рабига с его вековым широколиственным с примесью сосны и березы лесом. То есть нынешний лугово-степной ландшафт не коренной, а вторичный. Однако это не уменьшает его культурную и эстетическую ценность.

С позиции культурного ландшафта ценность данного вторичного (антропогенного) лугово-степного ландшафта заключается в том, что он репрезентирует степной вмещающий ландшафт болгарской культуры, культуры, генетически и органически связанной со степью, с кочевничеством. Тем самым он способствует формированию визуального образа степи как исходного ландшафта и как природного архетипа болгарской культуры. Кроме того, открытость пространств данной территории создает основной пейзажный фон архитектурных и археологических памятников музея-заповедника. Она обеспечивает исторически верное восприятие основных архитектурных монументов как для приезжающих на автомобиле, так и на кораблях.

Экологическая ценность основной поверхности второй надпойменной террасы Волги заключается в том, что она представляет собой зону формирования сезонного стока и основной ареал лугово-степной растительности.

В пределах этой территории расположено два особо ценных природных объекта:

- к юго-востоку от взлетной полосы бывшего аэродрома находится экологически ценный ареал дрока красильного,
- в юго-восточной части нынешней территории музея-заповедника располагается единственный небольшой ареал восстанавливающихся коренных дубрав.

Важным элементом степного ландшафта является также небольшой ареал ковыля, который сохранился в западной части городища. Он представляет несомненную эстетическую ценность и должен быть не только сохранен, но и по возможности увеличен, используя наработанные современные методы выращивания ковыля.

Данные природные территориальные комплексы испытывают разнообразное антропогенное давление, выражающееся в интенсивном выпасе скота, развитой сети пешеходных троп, нерегулируемых грунтовых дорог и автомобильных стоянок, вытаптывании растительности туристами и паломниками.

Учитывая, что данные территории сложены песчаными и супесчаными отложениями, они относятся к малоустойчивым. При повышении уровня воздействия и сведении травяной растительности существует значительный риск деградации под влиянием ветровой эрозии. Поэтому основные поверхности второй надпойменной террасы отнесены к проблемным территориальным комплексам, требующим первоочередных мероприятий по уменьшению и перераспределению антропогенного воздействия.

2. Суффозионные западины (степные блюдца). Степные блюдца представляют собой характерный элемент ландшафта, широко распространенный на поверхности второй террасы (в пределах городища их встречается примерно полтора десятка). В ряде западин в весеннее время существуют озера, используемые для водопоя скота. Западины хорошо читаются на местности не только по понижению в рельефе, но и по наличию в их центральной части влажнотравной растительности.

Наряду с основной поверхностью второй террасы, западины также представляют степной ландшафт болгарской культуры. Кроме того, в весеннее время года они способствуют повышению эстетической ценности территории. Система западин представляет собой важный компонент экологического каркаса территории, места локализации поверхностного стока.

Основное антропогенное воздействие на эти территории связано с выпасом скота. Однако при существующем уровне выпаса западины относительно устойчивы. По этой причине основное природоохранное требование в отношении суффозионных западин – постоянный экологический мониторинг.

3–6. Эрозионные формы (лощины, балки, овраги, конуса выноса). Природные территориальные комплексы эрозионных форм также являются

неотъемлемой характеристикой степных и лесостепных ландшафтов. Как и основные поверхности второй террасы и степные блюдца, эрозионные территориальные комплексы репрезентируют степной ландшафт болгарской культуры. За счет значительного контраста высот они способствуют повышению эстетической ценности и живописности территории.

Представлены как денудационные формы, связанные с разрушением горных пород (лощины, балки, овраги), так и аккумулятивные формы (конуса выноса). Эти природные комплексы отличаются высокой динамичностью и пониженной устойчивостью к антропогенному воздействию. Характерным примером является свежий эрозионный врез в районе колодца Габдрахмана, инициированный пешеходами. В ряду устойчивости к размыву текущими водами данные комплексы могут быть выстроены в следующий ряд (по понижению устойчивости): конус выноса – лощина – балка – овраг. Поэтому овраги отнесены к проблемным комплексам, а лощины и балки – к потенциально проблемным комплексам.

Днища балок, реже посещаемые скотом и лучше увлажненные, благоприятны для произрастания сорной растительности (крапива, лопух, подорожник американского клена), что снижает эстетическую ценность территории и требует дополнительных мероприятий по их выкашиванию.

Среди положительных моментов укажем на то, что почти все эрозионные формы на территории Болгарского музея-заповедника задернованы, свежие эрозионные врезы отсутствуют (нами отмечен только один врез, о котором написано выше). Кроме того, для правых отвершков оврага Большой Иерусалимский проведены противоэрозионные мероприятия (канализация стока и бетонирование верхних частей врезов). В районе колодца Габдрахмана, где активна дорожно-тропиночная эрозия, осуществлены противоэрозионные посадки и сооружены фашины из прутьев. Все эти объекты могут и должны быть использованы, как положительный пример, при проведении экологически ориентированных экскурсий.

Эрозионные комплексы представляют собой важный компонент экологического каркаса, зону формирования и транзита сезонного стока, местообитания норных животных. Конус выноса оврагов Большого и Малого Иерусалимских – единственный крупный конус выноса на территории музея-заповедника.

7–8. Склоны второй надпойменной террасы Волги. Выделяются склоны двух типов – оползнево-осыпные и оползневые.

В северо-западной части музея-заповедника (под западной частью деревни Болгары) встречаются крутые склоны второй надпойменной террасы Волги (7), представляющие собой чередование цирков, в нижней части которых видны тела оползней и оплывин. Местами, в самых крутых частях они не задернованы и потому здесь развиваются осыпные процессы.

В северной части музея-заповедника, непосредственно под его центром, встречаются склоны второй надпойменной террасы Волги другого

типа (8), крутые, оползневые, под вторичной лесной растительностью, лугово-степной растительностью и сорнотравьем.

По опросам местных жителей, оползни в районе музея сходят регулярно. Один из самых ярких примеров крупного оползня, сошедшего несколько лет назад за пределами музея-заповедника, на правом берегу Волги – оползень в районе Сюкеевских пещер. По этим причинам данные склоновые природные территориальные комплексы отнесены к неустойчивым. С этим же обстоятельством связан их проблемный характер, принципиальная невозможность их использования под строительство каких-либо объектов, но при этом склоновые комплексы представляют собой важный элемент экологического каркаса территории, способствуют повышению ее эстетической ценности.

9. Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги сохранились в виде узкой полосы, протягивающейся над пляжами водохранилища.

10–11. Пляжи водохранилища. Выделяются пляжи двух типов: песчаные (10) и суглинистые (11), так называемый бечевник. Первые усиливают рекреационную ценность территории, а вторые – экологическую, являясь убежищем для некоторых видов животных и птиц.

12. Комплекс древних валов. Для комплекса древних валов существует местный топоним – Валки. Так называют западную часть валов городища, примыкающую к городу. Валки – уникальное свидетельство («память места») о золотоордынском этапе жизни Болгара, усиливающее аутентичность Болгарского культурного ландшафта.

Эти валы представляют собой излюбленное место городского отдыха, проведения пикников. Кроме пикников, сопровождающихся стихийными свалками, для этих территорий характерен выпас скота и, что вызывает особую обеспокоенность, бытовое изъятие грунта.

13. Ареал древнего ямного рельефа (антропогенный бедленд, или сильно нарушенный естественный ландшафт) распространен в средней части оврага Большой Иерусалимский. Его образование связано с добычей глины и производством знаменитого болгарского кирпича в золотоордынский период, а также развитием поташного производства в русский период. На территории ведутся раскопки, по окончании которых древние печи должны быть музеефицированы и стать одним из объектов эколого-культурных экскурсий.

14. Песчаный карьер. Рекультивированный песчаный карьер, расположенный в северо-восточной части музея-заповедника (с посадками сосны и лугово-степной растительностью) должен быть использован в природоохранных экскурсиях в качестве примера эффективной экологической деятельности (наряду с недалеко расположенными рекультивированными оврагами).

ОПАСНЫЕ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Среди опасных и неблагоприятных природных процессов выделяются: водная эрозия, ветровая эрозия (дефляция), суффозионные просадки грунта, сезонное подтопление, оползневые процессы, осыпи, абразия (размывание берега).

Для водораздельных поверхностей второй надпойменной террасы Волги возможны суффозионные просадки грунтов и потенциальная (при условии сведения или засыхания луговой растительности) ветровая эрозия, учитываемая песчаный и супесчаный состав грунтов. Для присетевых (прилегающих к оврагам и балкам) склонов второй надпойменной террасы Волги помимо потенциальной ветровой эрозии возможны и процессы водной эрозии.

Процессы сезонного подтопления характерны для суффозионных западин и связаны с образованием сезонных озер после таяния снега.

Процессы водной эрозии разной степени интенсивности типичны для эрозионных форм территории – лощин, балок и оврагов.

Оползневые процессы наиболее активно протекают по склонам второй террасы, обращенным к водохранилищу. Кроме этого, небольшие оползни возможны в средней и нижней частях Большого и Малого Иерусалимских оврагов в связи с выходом в этих местах глин.

Абразионные процессы характерны для пляжей водохранилища.

Карта опасных и неблагоприятных природных процессов на территории музея-заповедника была составлена на основе ландшафтной карты, она может дать характеристику устойчивости территориальных комплексов (рис. 105).

Современная территория Болгарского музея-заповедника испытывала и испытывает разнообразные антропогенные воздействия: строительство, разработка полезных ископаемых, воздействие в связи с функционированием поселения и служб самого музея-заповедника, рекреационные воздействия туристов и жителей (грунтовые и пешеходные дороги, стихийные стоянки), выпас скота и т.д. При этом эти воздействия распространены по территории неравномерно. Наиболее интенсивное влияние выпаса скота и вытаптывание растительности паломниками и туристами приходится на центральную часть музея-заповедника.

С другой стороны, как показало ландшафтное картирование, территория обладает значительной ландшафтной неоднородностью, а сами ландшафтные комплексы обладают разной устойчивостью к одному и тому же хозяйственному фактору.

Таким образом, сочетание наиболее интенсивного антропогенного воздействия, с одной стороны, и неустойчивости территориальных комплексов – с другой, позволяет выявить территории, которые являются проблемными. К ним относятся большая часть территории основной поверхности

второй надпойменной террасы Волги, овраги и крутые оползневые склоны основной поверхности второй надпойменной террасы Волги (рис. 106).

Проблемность природных комплексов второй надпойменной террасы (1) связана со значительным перевыпасом скота и потенциальной неустойчивостью песчаных и супесчаных пород, подверженных ветровой эрозии.

Проблемность оврагов (5) связана с их неустойчивостью в отношении к водной эрозии.

Проблемность крутых оползневых склонов основной поверхности второй надпойменной террасы Волги (8) определяется постоянным риском проявления оползневых процессов.

Вторая группа территориальных комплексов отнесена к потенциально проблемным. Риски усиления негативных природных процессов для этих территорий связаны с перспективой усиления антропогенного воздействия (ландшафтные выделы 7, 10, и 12 на рис. 106). Отдельно отметим неблагоприятную ситуацию с комплексом древних земляных валов и рвов, которые нередко используются местными жителями в бытовых целях (изъятие грунта, стихийные свалки).

Третья и наиболее многочисленная группа территориальных комплексов (ландшафтные выделы частично 1, а также 2, 3, 4, 6, 9, 11, 13, 14) отнесена к нуждающимся в постоянном экологическом мониторинге.

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЦЕННЫЕ ПРИРОДНЫЕ ОБЪЕКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА

Экологически ценные природные объекты музея-заповедника были выявлены в результате рекогносцировочного обследования территории, и потому карту этих объектов нужно рассматривать как предварительную (рис. 107). Для выявления новых объектов нужны специальные экологические (фаунистические и флористические) исследования.

К экологически ценным природным объектам относятся три ареала растений: дрока красильного, ковыля и молодая дубрава. Дрок и ковыль – важные элементы степного ландшафта. Ареал зарослей дрока красильного расположен к юго-востоку от аэродрома. В других местах музея-заповедника дрок регулярно встречается, но в единичных экземплярах. Особенно он красив в период цветения (рис. 108).

Единственный ареал ковыля на территории городища находится в его северо-восточной части, в основном ковыль произрастает на древних валах (рис. 109). В юго-восточной части, недалеко от Малого городка расположен небольшой, единственный на нынешней территории музея-заповедника массив молодого дубового леса (рис. 110).

К экологически ценным объектам относятся также объекты, демонстрирующие позитивные примеры взаимоотношений человека и природы. На территории Болгарского музея-заповедника к ним принадлежат: система противоэрозионных мероприятий на правом откосе оврага Большой

Иерусалимский, система противоэрозионных мероприятий в районе колодца Габдрахмана, а также рекультивированный песчаный карьер (рис. 111).

Характеристики экологической и эстетической ценностей ландшафта музея-заповедника сведены в таблицу (табл. 1).

Таблица 1. Экологические и культурно-эстетические ценности ландшафта Болгарского городища

№	Территориальные комплексы – природные и культурные и их местоположение на территории городища	Экологическая и культурно-эстетическая ценность природных и культурных территориальных комплексов	
Природные территориальные комплексы			
1	Основные поверхности второй надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и песками, под лугово-степной растительностью, местами под посадками березы, сосны, американского клена и коренными дубовыми лесами	Основная по площади территория городища: зона формирования сезонного стока и основной ареал лугово-степной растительности (к юго-востоку от аэродрома расположен экологически ценный ареал дрока красильного, а в юго-восточной части – массив молодого дубового леса)	Репрезентирует степной (вмещающий) ландшафт болгарской культуры. Представляет собой основной пейзажный фон архитектурных и археологических памятников
2	Суффозионные западины с сезонными озерами с лугово-степной растительностью и местами с влажнотравьем	Важный элемент экологического каркаса, неотъемлемая составляющая степного ландшафта	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры. В весеннее время года способствуют повышению эстетической ценности территории; места сезонного водопоя скота
3	Лощины с лугово-степной растительностью (центральная и северо-восточная части городища)	Зона формирования и транзита сезонного стока	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры
4	Балки, трапециевидные, с лугово-степной растительностью и сорнотравьем (центральная и северо-восточная части городища)	Зона транзита сезонного стока	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры. Способствуют повышению эстетической ценности территории
5	Овраги, V-образные, задернованные (северо-восточная часть городища)	Зона транзита сезонного стока, местообитания норных животных; примеры действенности противоэрозионных мероприятий	В качестве важного элемента репрезентирует степной ландшафт болгарской культуры. За счет значительного контраста высот способствуют повышению эстетической ценности территории
6	Конус выноса оврагов Большого и Малого Иерусалимских, задернованный	Уникальный природный территориальный комплекс на территории городища	

7	Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, местами незадернованные и осыпные, с оползнями и оплывинами в нижних частях, под луговой растительностью и сорнотравьем (северо-западная часть городища)	Важный элемент экологического каркаса	Способствуют повышению эстетической ценности территории
8	Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, оползневые, под вторичной лесной растительностью, лугово-степной растительностью и сорнотравьем (северная часть городища)	Важный элемент экологического каркаса	
9	Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и суглинками, под лугово-степной растительностью (северная часть городища)	Элемент экологического каркаса	Представляет собой «память места» о ситуации до затопления территории водохранилищем
10	Пляжи водохранилища, песчаные, периодически затопляемые (северо-западная часть городища)		Способствуют повышению рекреационной ценности территории
11	Пляжи водохранилища (бечевник), суглинистые, с влажнотравно-тростниковой растительностью (северная часть городища)	Убежище для некоторых видов птиц и животных	Способствуют повышению эстетической ценности территории
Антропогенные территориальные комплексы			
12	Комплекс древних земляных валов и рвов с лугово-степной и местами лесной растительностью	Единственный ареал ковыля на территории городища (северо-восточная часть городища)	Уникальное свидетельство («память места») о золотоордынском этапе жизни Болгара
13	Ареал древнего «ямного рельефа» (антропогенного бедленда) по бортам оврага Большой Иерусалимский с луговой и сорной растительностью	Обладает большой историко-культурной ценностью	Свидетельство о развитии кирпичного и поташного промыслов в золотоордынский и русский периоды жизни Болгара
14	Песчаный карьер, рекультивированный, с посадками сосны и лугово-степной растительностью	Пример современной экологической деятельности	

¹ Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993.; *Он же*. Этногенез и биосфера земли. М., 1994.

² Исаченко А.Г. Экологическая география России. СПб., 2001.

³ Мильков Ф.Н., Гвоздецкий Н.А. Физическая география СССР: Краткий курс лекций. М., 1958.

⁴ Ландшафтоведение: Учебное пособие / Ю.Е. Житин, Т.М. Парахневич. Воронеж, 2003.

ДРЕВНИЙ БОЛГАР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЕВРАЗИИ

В.С. Баранов, Р.М. Валеев, А.Г. Ситдиков, Р.Р. Хайрутдинов

В ходе исторического развития регионов, отдельных территорий, населенных пунктов, испытывающих на себе различные формы социального, экономического и культурного воздействия и взаимодействия, некоторые из них, в силу сочетания определенного ряда факторов (географических, экономических, культурных, идеологических, политических), могут аккумулировать в себе совокупные результаты развития целых стран, этнических, социальных и конфессиональных групп. Приобретая возможность трансляции своих достижений во времени и пространстве, эти места, населенные пункты и территории подпитывают импульсами своего существования, передавая соседям примеры инноваций, технологических и культурных свершений. Даже после гибели или угасания они продолжают воздействовать на потомков грандиозными панорамами развалин, воспоминаниями о былом величии, масштабом и глубиной замыслов. Их названия становятся символом, исторические события, связанные с ними приобретают мифологическую окраску. Значение этих мест со временем только возрастает, становясь источником новых знаний, проектов, эстетических и эмоциональных переживаний.

Болгарское городище – объект археологического наследия, относящийся преимущественно к эпохе Волжской Болгарии и Золотой Орды, – с сохранившимися валами и рвами расположено в Европейской части России (Западное Закамье), на левом берегу Волги, в 40 км южнее от места слияния ее с Камой, и занимает край коренной волжской террасы. Городище примыкает с востока к современному городу Болгар, административному центру Спасского района РТ. Эта историческая территория до наших дней сохранила неповторимый набор характерных черт и уникальных достоинств, определяющих ее выдающуюся универсальную ценность*.

***Выдающаяся универсальная ценность** [англ. Outstanding Universal Value; франц. Valeur universelle exceptionnelle]. Ключевое понятие в области охраны объектов всемирного наследия. Наличие выдающейся универсальной ценности, которое определяется через соответствие критериям, разработанным Комитетом всемирного наследия, является основанием включения объекта в Список всемирного наследия. Выдающаяся универсальная ценность означает культурную и/или природную значимость, которая является столь исключительной, что выходит за пределы национальных границ и представляет всеобщую ценность для настоящих и будущих поколений всего человечества (Руководство по выполнению Конвенции, § 49) <https://kgiop.gov.spb.ru/nasledie/glassarij-vsemirnogo-naslediya/>.

которая в полной мере подтверждается целостностью и аутентичностью памятника.

Вопросам описания и изучения этого объекта посвящена многочисленная литература¹. Ее появление связано с незатухающим интересом к древностям Болгара с XVII–XVIII вв. и до наших дней. Этот интерес выражается через тягу к кладоискательству и коллекционирование исторических диковин, сакральное благоговение перед святынями, краеведческое любопытство и научную заинтересованность. Осознание уникальности и значения Болгара находит отражение в многочисленных средневековых восточных и европейских сведениях, в источниках XVII, XVIII в. и последующих исторических эпох².

Уникальная историческая, культурная, духовная аура Болгара во все времена притягивала к себе выдающихся путешественников, писателей, поэтов, ученых, художников, краеведов, архитекторов, реставраторов. Среди них поэт Г.Р. Державин, художники И.И. Шишкин, А.К. Саврасов, братья И.Г. и Г.Г. Чернецовы, С.И. Грабарь и многие другие, оставившие ценные свидетельства, описания, рисунки, чертежи, планы зданий и руин древнего города (рис. 112–116). Болгар отмечен вниманием татарских писателей, историков и религиозных деятелей, таких как Кул-Гали, Мухаммедьяр, Мавля Колий, Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Фаизханов, Х. Атласи, Г. Ахмаров и др. (рис. 117–119).

С Болгаром связана организационная деятельность правителей Золотой Орды – ханов Бату и Берке. В период нового времени – посещение Болгара российским императором Петром I и императрицей Екатериной II ознаменовало начало государственного внимания к историческому наследию страны, практически первую попытку административного решения проблемы сохранения древних архитектурных памятников (рис. 120–123).

Бытование Болгарского городища в X–XV вв. и на том же месте поселения XV–XVI вв. засвидетельствовано уникальными археологическими объектами и многочисленными артефактами, которые отражают своеобразие Болгара как выдающегося культурного района мира, оказывавшего устойчивое воздействие на развитие архитектуры, технологий, монументального и декоративного искусства, градостроительства, сферы духовной культуры Волго-Уральского региона и Восточной Европы в целом.

В настоящее время появились попытки осмыслить аксиологическое значение Болгарского городища как объекта наследия и восприятия его в общественном сознании с позиций уникальности, вклада этого памятника в сокровищницу мировой культуры и цивилизации. В последние годы эти вопросы приобретают все большую актуальность в связи подготовкой документов для включения памятника в список культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Различные аспекты этой проблемы получили осмысление в работах Р.М. Валеева, И.Л. Измайлова, Р.Р. Салихова, А.Г. Ситдикова, Р.Г. Фахрутдинова и др.³

БОЛГАР КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ С ВЫДАЮЩЕЙСЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЦЕННОСТЬЮ

Древний город Болгар, материальным выражением которого являются Болгарского городище X–XV вв. и связанный с ним комплекс разновременных архитектурных памятников и мемориальных сооружений, давно стал тем местом, которое, соединяя достижения материальной и духовной культуры, воплощает явление, получившее название «дух места» (*genius loci*). Это понятие определяется «как материальные (здания, достопримечательные места, ландшафты, маршруты, объекты) и нематериальные элементы (воспоминания, рассказы, письменные документы, ритуалы, праздники, традиционные знания, ценности, текстуры, цвета, запахи и т. д.), то есть физические и духовные элементы, которые придают смысл, ценности, эмоции и тайны на местах»⁴.

Как материальная и духовная сублимация процессов, происходящих на территории Средневолжского региона и Евразии в целом, Болгар фиксирует и выражает длительный процесс исторического развития этой территории с древнейших времен⁵ и в X–XX вв., формируя сущностные основы национальной, региональной и местной самобытности. Возрастающее значение этого объекта наследия, ставшего сегодня неотъемлемой частью современной жизни Татарстана и России в целом, наглядно подтверждает тезис о том, «что объективная ценность материальных объектов наследия тесно связана с характером культуры того общества, которое воспринимает это наследие»⁶.

Значение Болгара, как объекта наследия, позволяющее охарактеризовать его «дух места», и создающее основания для сохранения и развития этой территории включает два основных компонента, определяющих, в конечном счете, его выдающуюся универсальную ценность в контексте мировой цивилизации и культуры:

- *нематериальное наследие;*
- *природно-ландшафтное, историко-археологическое, и архитектурное наследие.*

Нематериальное наследие Болгара выражается через комплекс научных, объективных и субъективных представлений, установок и мифологем, закрепленных в общественном сознании и передаваемых из поколения в поколение. Среди них основное значение имеют представления, зафиксированные в коллективной памяти татарского народа, второго по численности в Российской Федерации, о том, что Болгар – это территория, где жили их предки. Важное место в этих представлениях отводится пониманию сакрального значения Болгара как территории принятия Ислама, где был определен цивилизационный выбор страны и целого народа и поэтому имеющий глубочайшее смысловое и символическое значение. В характеристике Болгара следует отметить понимание его как места длительного

совместного проживания в рамках одного цивилизационного проекта представителей разных народов и вероисповеданий, что создало возможности и основы для культурного, межэтнического и межконфессионального диалога, привело к осознанию возможности взаимодополняющего развития мусульманской и православной культур.

С представлениями о Болгаре как территории культурного диалога прочно связано осознание его международной и общемировой значимости, и даже исключительности.

Как доказательство Выдающейся универсальной ценности Болгара приводится факт приезда туда в 922 г. посольства из Багдадского Халифата, которое достигло Болгара, пройдя более 2,5 тысяч километров.

Это путешествие стало материалом для написания книги секретаря посольства Ахмеда Ибн Фадлана, благодаря которой на арабском Востоке стали известны имена Болгар и Русь. Исключительность данного посольства в обыденном сознании становится еще одним подтверждением исключительности места, куда оно направлялось. Результатом этого события стало официальное добровольное принятие ислама болгарскими и распространение мусульманства далеко на север, что признается явлением мирового масштаба. Багдадское посольство, вошедшее во всемирную историю как «посольство Ибн Фадлана», способствовало дипломатическому признанию Волжской Болгарии в качестве мусульманского государства. Болгар, находившийся на невообразимом по тем временам расстоянии от центров исламской цивилизации, в короткий исторический срок стал одним из ярких образцов средневековой мусульманской культуры. В Волго-Уральском регионе стремительно изменилась этно-конфессиональная ситуация, что отразилось на всех сферах жизни – экономике, культуре, науке, образовании, социальной и духовной практике. До настоящего времени процессы, начавшиеся в те годы, определили характер веры, обычаев, традиций, социальных и нравственных норм жизни, культуры и духовности в целом в этом геокультурном регионе (рис. 124, 125).

Путевые записки Ибн Фадлана признаны шедевром средневековой мусульманской литературы в жанре «Рисаля». После публикации в научных работах Х. Френа, В. Розена, А. Валиди Тогана, А.П. Ковалевского (под редакцией И.Ю. Крачковского)⁷ этот труд нашел свое отражение в многочисленных изданиях на татарском, русском, немецком, французском, английском и др. языках, в произведениях изобразительного искусства и мирового кинематографа, ярких музейных проектах⁸.

Историко-археологическое, природно-ландшафтное и архитектурное наследие Болгара в настоящий момент организационно и стилистически оформлено в виде Болгарского историко-археологического комплекса, представляющего собой расположенный на территории Болгарского городища X–XV вв. сложный симбиоз археологических, архитектурных и природно-ландшафтных объектов, связанных друг с другом единством места,

хронологической и событийной соподчиненностью, исторической судьбой. Болгарский историко-археологический комплекс – это самый северный в мире памятник мусульманского зодчества и единственный в мире комплекс с сохранившимися архитектурно-археологическими памятниками золотоордынской цивилизации. Соборная мечеть, Восточный и Северный мавзолей, Ханская усыпальница, Малый минарет, Черная и Белая палаты – эти и другие археологизированные памятники представляют собой зримое подтверждение уникальности средневековой жизни города, выраженной не только в разнообразии архитектуры, но и в своеобразном планировании городского пространства (рис. 126, 127).

Своеобразие культурного наследия Болгара сложилось как результат плодотворного взаимовлияния традиций разных регионов Европы и Азии. Памятники Болгара стали наглядным примером творческого и плодотворного использования разнообразных архитектурных стилей, строительных приемов и навыков, которые были талантливо адаптированы болгарскими мастерами к местным условиям. Наглядно демонстрируя взаимодействие разных стилистических особенностей в архитектуре и строительстве, они отразили длительный характер этих влияний. Воплощенные в камне здания мечетей, минаретов, мавзолеев и бань, не только определили облик Болгара середины XIII – первой трети XV в., но также значительно повлияли на градостроительную культуру Казанского Ханства, а в дальнейшем и Российского государства⁹.

Единство объектов историко-археологического комплекса достигается путем сохранения исторического и природного ландшафта Болгарского городища.

Ландшафт Болгара состоит «из двух больших групп территориальных комплексов – природных и культурных.

К природным территориальным комплексам, в возникновении и эволюции которых основная роль принадлежит природным факторам и процессам, принадлежат: основная поверхность второй надпойменной террасы Волги; суффозионные западины с сезонными озерами; лощины; балки; овраги; конуса выноса эрозионных форм; крутые в разной степени оползневые склоны второй надпойменной террасы Волги; местами сохранившиеся от затопления водохранилищем фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги; пляжи. Среди основных культурных территориальных комплексов, в создании которых основную роль сыграла человеческая деятельность, выделяются: комплекс древних валов; ареал древнего «ямного рельефа», происхождение которого на склонах Большого Иерусалимского оврага связано с болгарскими и русскими промыслами; рекультивированный песчаный карьер»¹⁰.

Исторический ландшафт Болгарского городища представляет собой пример сохранения на протяжении тысячелетия средневековых объектов фортификации, архитектурных культовых и общественных

монументальных зданий, ремесленных кварталов, районов жилой застройки, некрополей, объектов благоустройства города. Большинство этих объектов археологизировано, представлено в виде историко-культурных ландшафтов, часть после кропотливых исследовательских и реставрационных работ законсервирована, музеефицирована и подготовлена к туристическому показу¹¹. В границах городища расположено село, основанное в XVIII в. и Успенская церковь, построенная в 1734–1736 гг., с колокольной, перестроенной в середине XIX в.¹²

Объекты археологического наследия, расположенные на территории Болгарского городища и округа, входящие в Болгарский историко-археологический комплекс, многочисленны и разнообразны. Исследователи отмечают заселение этого района с глубокой древности. Наиболее ранние памятники округа относятся к эпохам мезолита, неолита и бронзы (Сюкеевский взвоз, урочище Ага-Базар, Степное озеро). На территории Болгарского городища зафиксированы находки, относящиеся ко времени бытования азелинской культуры III–VI вв. н.э., многочисленные следы существования поселений именьковского времени середины I тыс. н.э.¹³ В данном геокультурном регионе находится более полутора тысяч археологических объектов болгаро-татарской культуры, сохранившихся в качестве историко-культурных ландшафтов¹⁴.

Исторический культурный слой Болгарского городища, включающий семь основных стратиграфических горизонтов¹⁵, охватывает временной диапазон более 1500 лет, причем его наиболее выразительные напластования связаны с городом Болгар – исключительно значимым средневековым объектом Восточной Европы X–XV вв. (рис. 128).

Среди этих культурных отложений особое место занимают ранние домонгольские слои X в., которые свидетельствуют о зарождении городской жизни в Болгаре, и раннезолотоордынские культурные напластования XIII в., определяющие период становления золотоордынской городской культуры, предшествующий строительству главных городов Золотой Орды в Нижнем Поволжье. К этому времени относятся Соборная мечеть, Восточная палата, Ханский Дворец, которые можно считать первыми значительными архитектурными постройками Золотой Орды. Объекты и культурные отложения этого периода отсутствуют в древних нижеволжских золотоордынских центрах – Сарай аль-Махруса, Новый Сарай, Бельджамен и др.

Следует признать, что Болгарский историко-археологический комплекс не имеет аналогов среди объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, расположенных в этой части Восточной Европы. Более или менее похожие объекты могут быть найдены в Азиатском геокультурном регионе. Среди них: минарет и археологические объекты в Джеме (Афганистан, 2002), культурный ландшафт и археологические находки в долине Бамиан (Афганистан, 2003), археологические памятники Мохенджо-Даро (Пакистан, 1980), Таксила (Пакистан, 1994), археологический объект Техте-Солейман

(Иран, 2003), государственный историко-культурный парк Древний Мерв (Туркменистан, 1999), древний город Куня-Ургенч (Туркменистан, 2005)¹⁶.

Болгарский историко-археологического комплекс, включенный в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, является первым памятником в европейском геокультурном регионе, который связан не только с уникальной болгаро-татарской культурой, но и тюрко-монгольским сообществом в целом. Как один из центров Монгольской империи – Золотой Орды (Улуса Джучи) Болгар представляет собой образец влияния монгольской кочевой цивилизации, которая распространилась по территории Восточной Европы. В то же время, архитектурные элементы и археологические находки Болгара показывают ее трансформацию, осуществленную в Поволжье под влиянием взаимопроникновения различных культур, контактов с местными болгарскими этническими группами, распространения Ислама и развития торговых отношений. Таким образом, Болгарский Комплекс раскрывает еще один аспект истории отношений и культурного обмена кочевых цивилизаций Азии, Европы и Ближнего Востока, а его включение в Список Всемирного наследия является признанием выдающейся роли кочевой тюркской цивилизации в Восточной Европе и в мировой истории в целом (рис. 129).

Как показывают результаты исследований, обнаруживается стилистическая общность архитектуры болгарских сооружений с архитектурой культовых зданий стран Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Малой Азии, где господствующей религией был ислам¹⁷. Единство канонических принципов объемно-планировочной организации культовых зданий в этих странах, способствующее распространению общих тенденций в архитектуре, коснулись и Волжской Болгарии.

В этом отношении, архитектура Болгарского комплекса может быть сравнима с архитектурой исторических объектов и построек в азиатских и арабских странах, включенных в Список Всемирного Наследия. Среди них археологический комплекс Самара (Ирак, 2007), крепость Аль-Кала в древнем городе Бени-Хаммад (Алжир, 1980), Крепостной город Баку (Азербайджан, 2000), древний город Куня-Ургенч (Туркменистан, 2005) и др.¹⁸

При наличии общих черт архитектура каждой страны восточного мира связана со своими местными культурными традициями и обладает чертами локального своеобразия. Эта двойственность – сочетание всеобщего и частного – была закономерна для сооружений исламского культа. Приобщившаяся к культуре стран мусульманского Востока сравнительно поздно (начало X в.), Волжская Болгария восприняла архитектурные типы культовых зданий уже в сложившемся в период Арабского халифата VII–IX вв. виде. Северные природно-климатические условия, своеобразные культурные традиции и возможности строительной техники позволили создать свои местные, уникальные типы зданий¹⁹.

БОЛГАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ – СИМВОЛ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ
И ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ЕВРАЗИИ
В X – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Евразия второго тысячелетия н. э. – это территория постоянных исторических трансформаций, связанных прежде всего с изменениями политической карты континента, образованием и крушением государств, переселением значительных масс населения. Геополитический и исторический фон Болгара и связанной с ним территории в это время – существование внутри Волжской Болгарии, а впоследствии – в Монгольской империи, Золотой Орде, Казанском ханстве, а затем в Московском государстве, Российской империи и Советском Союзе.

В этой связи в судьбе Болгара, как объекта наследия, Ф.М. Забириной выделяются девять основных этапов, каждый из которых определяет способ антропогенного воздействия на данную территорию (градостроительное освоение, разрушение или сохранение памятников)²⁰. Событийное наполнение этих этапов основано на результатах систематических археологических исследований Болгарского городища и связанных с ним архитектурных объектов²¹, а также глубоким анализом архивных, картографических сведений и материалов периодической печати²².

1. Догородской этап (до начала X в.). Характеризуется формированием на территории памятника и в его округе разновременных археологических объектов – стоянок, селищ и городищ, от эпохи палеолита до середины I тыс. н. э. Объекты этого времени представляют собой историко-культурные ландшафты.

2. I этап (начало X в. – 1236 г.) – болгарский домонгольский. Складывание и развитие домонгольского города. Появление первых городских укреплений на Коптеловом бугре. Формирование городской застройки внутри укрепленной цитадели, в городском посаде и прилегающих поселках. Появление ремесленных производств. Поступательный рост площади города. Создание новых городских укреплений на рубеже XII – XIII вв. – так называемого «замошного вала». Облик города определяют деревянные здания различного характера и назначения.

3. II этап (1236–1431 гг.) – золотоордынский. Восстановление Болгара после монгольского нашествия 1236 г. Болгар становится первой столицей Золотой Орды. Монументальное каменное строительство. Значительный рост городской территории. Болгар – один из крупнейших торгово-ремесленных центров Поволжья. В первой половине XIV в. возводится новая линия городских укреплений. Появление кирпичных зданий с подпольной системой отопления. Создание Малого городка. Облик города определяет симбиоз деревянных, кирпичных и каменных зданий, организованных усадебной и квартальной застройкой. Городская среда структурирована уличной сетью и площадями, оформляющими пространство рядом с главными зданиями города: Соборной мечетью, мавзолеями, общественными

банями и т. п. Формирование в южной части города ритуально-поминальных комплексов. Постепенная стагнация и упадок городской жизни во второй половине XIV в. на фоне общего кризиса Золотой Орды и усложнения внешнеполитической обстановки. Разрушение города в 1431 г.

4. III этап (1431–1552 гг.) – ханский. В эпоху Казанского ханства Болгар превращается в небольшой поселок, расположенный на территории Коптелова бугра. Облик его определяет некоторое количество жилых наземных построек в окружении руинированных архитектурных зданий разной степени сохранности после разгрома города в 1431 г. Значительная часть бывшего города занята кладбищами с мавзолеями и усыпальницами в качестве основных доминант архитектурного ландшафта, оконтуренного остатками городской фортификации XIV в. Продолжается жизнь в поселке Ага-Базар. В этот период Болгар становится центром паломничества.

5. IV этап (1552–1712 гг.) – ранний русский. Поселенческое освоение округи Болгара, начало монастырской и государственной колонизации. В 1673 г. на территории Болгара начинается производство селитры, появляется завод и, вероятно, связанный с ним поселок русских поселенцев. Начало добычи каменного сырья из городских руин. Продолжение традиции посещения руин Болгара татарским населением.

6. V этап (1712–1917 гг.) – губернский русский. Основание Успенского монастыря и монастырской слободы, которая после упразднения последнего становится основой села Болгары – Успенское. В историко-культурном ландшафте памятника появляется архитектурная доминанта с ярко выраженной православной символикой. Монастырь становится одним из центров христианизации края. Формируется сельская усадебная застройка из деревянных, а затем и кирпичных зданий. Территория городища интенсивно распахивается. Продолжается несанкционированная разборка памятников жителями села и функционирование селитряного производства. Начало исследований Болгарского городища и ремонтно-реставрационных работ на архитектурных памятниках Болгара.

7. VI этап (1917–1956 гг.) – советский I период до затопления. В 1923 г. постановлением Совнаркома ТССР территория Болгара объявляется «неприкосновенным заповедником». Проводятся ремонтные работы на некоторых архитектурных памятниках Болгара. С 1938 г. начинаются планомерные археологические исследования городища и его округи, неразрывно связанные с именем А. П. Смирнова. Разработка планов переноса г. Спасска в связи с попаданием его территории в зону затопления Куйбышевского водохранилища. В 1950–1954 гг. в зоне затопления проведены широкомасштабные археологические исследования Болгарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции АН СССР. В 1952–1957 гг. на западе от городища строится город Болгар (первоначально Спасск (Куйбышев) Татарский), куда была перенесена часть зданий из старого города. К моменту затопления в 1956 г. село Болгары состояло из 36 кварталов застройки на

верхней террасе и 12 застроенных кварталов вдоль одной улицы в затопляемой пойменной части села²³.

8. VII этап (1956–1990 гг.) – советский II период. В 1969 г. Постановлением Совета министров ТАССР № 222 был создан Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник с общей площадью охранной зоны 416,8 га, которая включала Болгарское городище с Малым городком и территорию Армянской колонии. Восточнее Болгарского городища, первоначально предлагаемого как место для переноса города Спасска, по генеральному плану 1950-х годов было образовано сельское поселение «Приволжский».

9. VIII этап (1990 – по настоящее время) – современный (постсоветский). На территории городища продолжается работа Болгарской экспедиции, которой с 1973 г. руководят Г.А. Федоров-Давыдов, Т.А. Хлебникова и Р.Ф. Шарифуллин²⁴. С середины 1960-х годов начинают проводиться регулярные реставрационные работы под руководством С.С. Айдарова²⁵. В конце 1990-х годов восстановлен Большой минарет Соборной мечети, ставший наряду с колокольной Успенской церкви и Малым минаретом архитектурной доминантой Болгара. На некоторых памятниках появляются оглавия в виде золотых полумесяцев. Углубление фарватера и возможность захода туристических теплоходов позволяет Болгарскому заповеднику существенно увеличить приток посетителей.

Разнообразие аутентичных объектов Болгара и культурных отложений Болгарского городища, относящихся к каждому из этих этапов, не только ярко демонстрирует его уникальное положение в масштабах Восточной Европы, но и открывает потенциальные возможности для получения новых знаний об исторических процессах на всем Евразийском континенте. При этом представляется необходимым привлечение этих знаний и опыта в качестве научной и методической основы для дальнейшего сохранения и использования объектов наследия.

Значение Болгара как исторического свидетельства и участника событий, происходящих в масштабах Евразийского континента в означенный период, определяется его заметной и порой ключевой ролью в целом ряде процессов, определивших настоящее и будущее континента, оставивших след на его геополитической карте. Среди этих процессов можно отметить следующие:

- образование государств и цивилизаций;
- распространение мусульманства и православия;
- взаимодействие обычаев и культурных традиций современного татарского и других народов Евразийского континента.

Роль Болгара в образовании государств и цивилизаций

Болгар – это один из наиболее значимых городов Волжской Болгарии, в X–XI вв. – один из вероятных столичных центров государства волжских болгар, а в XIII в. – первая столица Золотой Орды. Значение Болгара как

политического, административного и государствообразующего центра накладывает отпечаток на облик его материальной и духовной культуры, определяет его особый статус как центра монетного чекана в X в., символизирующего появление нового государства, начало денежного дела и денежного обращения в городе Болгаре. На монетах помещают имена эмиров, правивших в Болгаре, и, время от времени, – само имя этого города²⁶. В середине XIII–XIV в. Болгар – «Алтын Тахт» золотоордынских ханов, снова становится политически востребованным, чеканит монету²⁷. Облик города кардинально меняет масштабное каменное строительство, проводимое на его территории²⁸.

Болгарский историко-археологический комплекс является уникальным свидетельством исторической преемственности и культурного разнообразия, которые сложились на территории культурного региона Среднего Поволжья и Приуралья в условиях существования древней цивилизации Волжской Болгарии – исторического Болгарского государства и Золотой Орды X–XV вв.

Распространение мусульманства и православия

Многочисленные археологические артефакты и сведения письменных источников убедительно подтверждают проживание в Болгаре русского населения, существование армянского кладбища, христианской церкви, известной под названием Греческая палата, других немусульманских памятников. Болгар – уникальный пример взаимодействия мусульманской и христианской религий. На фоне не прекращавшихся межрелигиозных конфликтов и столкновений, которыми была переполнена вся средневековая история Европы и Азии, здесь мирно жили приверженцы различных конфессий. Эта традиция межконфессионального мира, корни которой уходят к древнему Болгару, активно проявлялась и в дальнейшем – в период Золотой Орды и Казанского ханства. В современном Татарстане она является важнейшим фактором поступательного и динамичного развития республики.

Активные процессы исламизации и христианизации городского, оседлого, а несколько позже и кочевого населения этого края к XIV в. закрепили качественно новые принципы общественного устройства, основанного на принципах сосуществования и сотрудничества разных культур (рис. 130).

Взаимодействие и преемственность обычаев и традиций

Занимая исключительно важный район Евразии, расположенный на пересечении торгово-экономических, культурных и политических коммуникаций, Болгар стал важнейшим звеном в цивилизационных контактах между Востоком и Западом, Севером и Югом, оседлыми и кочевыми

культурами, между мирами Леса и Степи. Болгар стал исключительным свидетельством взаимовлияния культурных традиций тюркских, финно-угорских, славянских и других народов Евразии в составе Волжской Болгарии, Золотой Орды, Казанского ханства и Российского государства, толерантности и взаимообмена общечеловеческими ценностями в течение длительного периода.

Население средневекового Болгара было необычайно пестрым. Здесь проживали волжские болгары, славяне, финны (мордва, марийцы, удмурты и др.), угры (древние мадьяры), русы, аланы, огузы, кыпчаки, монголы, татары, армяне и др. Это удивительное этническое многообразие отмечено во многих источниках того времени. Так, сохранилось описание Ибн Фадланом моления иноземных купцов-русов и особенно поразившего его обряда похорон одного из их предводителей²⁹. В.Ф. Смолин усматривал общие черты этого обряда с подкурганными трупосожжениями, исследованными рядом с Болгаром около с. Балымери Спасского уезда Н.П. Лихачевым и П.А. Пономаревым в 1882 г.³⁰ По предположению А.П. Смирнова, эти захоронения могли быть связаны с появлением на территории региона славянского населения³¹. Основываясь на широком круге археологических и исторических аналогий и сопоставлений с памятниками Северной Европы, И.Л. Измайлов делает вывод, что этот памятник оставлен русами – смешанным славяно-финно-скандинавским слоем воинов и торговцев, среди которых ведущую роль играли викинги-шведы³² (рис. 131).

Болгар явил собой образец своеобразного «плавильного котла», в котором формировались передовые для того времени элементы различных социокультурных систем, постепенно ставших основой для развития многообразной городской культуры. Как выдающийся образец пространственной и хозяйственной организации города, Болгар продемонстрировал пример передового урбанизма в Волжской Болгарии и Золотой Орде, что, несомненно, ставит его в один ряд с самыми развитыми городами средневековой Европы. На протяжении веков его архитектура, монументальное и декоративное искусство, градостроительство, производство оказывали разнообразное воздействие на развитие многих сфер жизни Восточной Европы.

Активное развитие Болгара как крупного международного торгового пункта, являвшегося ключевым центром на северном отрезке Великого шелкового пути, способствовало тому, что город посещали многочисленные купцы из стран Востока (Мерв, Нишапур, Хорезм и т. д.), древнерусских княжеств, выходцы из Европы. Здесь работали приезжие ремесленники. Ибн Фадлан пишет о портном из Багдада, которого он встретил у Алмуша, о человеке из Индии, который служил у царя болгар³³. В Болгаре бывали степняки-кочевники, представители северных народов. Возможность реализовать свои торгово-экономические интересы: купить или продать меха, монеты, ювелирные и кожевенные изделия, многие другие товары, делала

Болгар успешной торговой площадкой, создавала предпосылки для поступательного развития территории. Арабский географ Мухаммед аль-Мукаддаси около 985 г. свидетельствует: «Соболь, белка, горностаи, чернобурая лиса, лисы, бобровые шкуры, пестрые зайцы, козьи шкуры, воск, стрелы, береста, шапки, китовый ус, рыбий зуб, бобровая струя, янтарь, выделанная кожа, мед, лесные орехи, ястребы, мечи, панцири, кленовая древесина, славянские рабы, мелкий скот и быки – все это из Булгара»³⁴. В XV в. эта роль преемственно перешла к Казани (Болгар аль-Джадид, Гостиный остров)³⁵, затем, в XVI в. – к Нижнему Новгороду (Макарьевская ярмарка)³⁶ и позже – к Москве³⁷.

Разнообразные артефакты и свидетельства того времени показывают, что в IX–XV вв. на исторической территории Болгара происходили процессы, в результате которых, с одной стороны, формировался пласт материальной культуры, общей для всех участников событий, а с другой – появлялись смешанные группы населения³⁸. Все это способствовало развитию уникального культурного разнообразия, которое было особой отличительной чертой Болгара.

Менялись эпохи, но сформировавшиеся в Болгаре парадигмы культуры и духовной жизни определили характерные черты веры, обычаев, традиций, социальных и нравственных норм жизни в этом геокультурном регионе на многие годы вперед, вплоть до нашего времени. Трансформируясь и преобразуясь в последующие периоды Золотой Орды и Казанского ханства, во времена Московского царства и Российской империи, они были сохранены в традиционной культуре татарского народа, подвергнуты изучению и осмыслению в профессиональной сфере. В настоящее время Болгарский историко-археологический комплекс является подлинным материальным свидетельством существования Волжской Болгарии периода ее расцвета, представляет собой воплощение градостроительной, культурной и ландшафтно-преобразующей деятельности, а также последующего осмысления ее в духовной культуре, фольклоре, научных исследованиях.

Разнообразие аутентичных объектов и культурного слоя городища не только ярко демонстрирует уникальное положение Болгара в масштабах Восточной Европы, но и открывает огромные возможности для получения новых знаний об исторических процессах на огромном Евразийском континенте.

И в позднейшие периоды истории, после исчезновения с политической карты Волжской Болгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, развитие этого края продолжалось. В начале XVIII в. возникшее как монастырская слобода Успенского монастыря село Болгары существует по сегодняшний день, а его архитектурная стилистика, характерный быт его жителей, несомненно, отражают многовековые историко-культурные особенности этой территории.

Важнейшим фактором сохранения подлинности уникальных объектов болгарского комплекса стало создание историко-архитектурного

музея-заповедника как научно-исследовательского, музейного и реставрационного центра, соединяющего памятники всех исторических эпох, расположенные на данной территории, и созданный административно-хозяйственный механизм как эффективное средство охраны, изучения и использования историко-культурного наследия.

БОЛГАР – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК МУСУЛЬМАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Болгар – уникальное свидетельство становления и развития имеющей мировое значение мусульманской цивилизации. Этот памятник является образцом средневековой исламской культуры эпохи мусульманского ренессанса, единственным примером самого раннего и северного мусульманского анклава мира, связанного с официальным принятием волжскими болгарскими ислама в качестве государственной религии в 922 г. Болгарское городище – место традиционного религиозного поклонения и паломничества тюрко-мусульман Евразии к своим святыням. Проявлением нематериального наследия памятника можно назвать передаваемое из поколения в поколение отношение к Болгару как к месту, обладающему особой духовной аурой. Для татарского народа Болгар олицетворяет духовное единство, сакральный центр, древнюю политическую и религиозную столицу.

Многообразие и непрерывность многовековой культурно-духовной жизни на территориях, связанных с Болгаром общностью исторической судьбы, подтверждается многочисленными фактами почитания памятника, отражения его в письменной культуре и устной традиции татарского народа и других народов Поволжья³⁹. Сохранение и трансляция этой миссии определяют роль Болгара как духовного центра. Связанные с ним события, традиции, идеи в полной мере отражают его всемирную универсальную ценность (рис. 132).

Оживленные торгово-экономические контакты Поволжья и Приуралья со странами Центральной Азии – Хорезмом и государством Саманидов, создали благоприятные возможности для проникновения мусульманских проповедников и возникновения устойчивой уммы. Автор начала X в. Ибн Русте (903 г.) пишет о наличии в поселениях болгар мечетей и медресе⁴⁰. Ибн Фадлан упоминает муэдзина в ставке болгарского правителя Алмуша, принявшего мусульманское имя Джафар ибн Абдаллах, что, вероятно, могло предполагать наличие при нем штата духовенства⁴¹. Официально приняв ислам от посольства Багдадского халифа, болгарский правитель способствовал дипломатическому признанию Волжской Болгарии в качестве мусульманского государства, что резко изменило этноконфессиональную ситуацию в Волго-Уральском регионе, на тысячелетия определив его своеобразие. Принятие ислама в качестве государственной религии стало важнейшим шагом на пути консолидации общества, процессы возвышения государства и внедрение ислама проходили практически одновременно⁴².

Не только в восточных, но и в русских и западноевропейских источниках имя волжских болгар, а затем татар стало прочно ассоциироваться с понятием «мусульманство». Ал-Истахри (930–933 гг.), например, писал: «Булгар – имя города, и они (булгары) мусульмане, в (городе) соборная мечеть; поблизости другой город, называемый Сувар, в нем также соборная мечеть; сообщил мне тот, кто совершал хутбу в них, что количество мужей в обоих городах приблизительно 10 тысяч мужей»⁴³.

Принятие ислама привело к тому, что древнетюркская руническая письменность болгар заменяется арабским шрифтом. Постепенно арабский язык наряду с болгарскими становится языком науки и дипломатической переписки, а фарси (персидский) наряду с языком тюрки (болгарским языком) – языком болгарской поэзии. Однако функции арабского языка этим не ограничивались. Он «был и языком религии, и языком текстов таких утилитарных вещей, как изделия прикладного искусства. Это – арабографичные надписи на замках, зеркала, браслетах и других изделиях художественного металла. Кроме всего, монеты, чеканившиеся и имевшие хождение в Волжской Болгарии, также имели арабоязычные легенды»⁴⁴ (рис. 133).

Ислам придал импульс развитию болгарской науки и культуры в целом, а усиление торговых и экономических связей со странами Востока привело к распространению арабской письменности также и в сфере образования болгар.

Высокий уровень мусульманской городской культуры обусловил активную деятельность просветителей, педагогов, ученых. Сохранились имена ученых, писателей, просвещенных людей, видных богословов, правоведов и медиков, достигших признания во всем мусульманском мире, чье происхождение или деятельность связаны с Волжской Болгарией и Болгаром⁴⁵.

На рубеже XI–XII вв. в городе Биляре жил ученый-историк, главный судья Якуб ибн Нугман – автор книги «История Болгарии», которую высоко оценил арабский путешественник, географ Абу-Хамид аль-Гарнати (аль-Андалуси), посетивший Великий город в 1135 г.⁴⁶

Широко известна деятельность ученого-богослова, шейха Ходжи Ахмеда Болгари, который в XI в. был учителем и наставником султана Махмуда Газневи (971–1030) – крупнейшего представителя династии Газневидов. Он прославился своими философскими и историческими трактатами, среди которых наибольшей известностью пользовались «Ел-Жемигъ» (Всеобъемлющий); «Феваид ел-жевахир» (Полезные сущности); «Тарикаи Быргырия» (Булгарский путь, метод). Во второй половине XI – начале XII в. жил и творил философ и историк Хамид ибн Идрис аль-Болгари, в первой половине XII в. – богослов Сулейман ибн Дауд аль-Саксини Сувары (XI–XII вв.), известный на мусульманском Востоке лекарь Ходжа Болгари (XII в.), фармаколог Таджадин ал-Болгари (XIII в.). В первой половине XIV в. жил известный мусульманский правовед Бурхан-ад-дин Ибрахим аль-Ханафи, автор книги «Основы учения Хосами»⁴⁷.

Сохранились сведения о крупных мероприятиях, связанных с финансированием строительства культовых зданий. Так, Байхаки (XI в.) сообщает о посылке в 415 г. х. (1024/25 г.) правителем болгар денег в область Нишапур для строительства двух мечетей в городах Себзеваре и Хосровджерде и даров для государя Хорасана⁴⁸.

О передвижении через Болгар и проживании в нем религиозных проповедников-суфиев и странствующих монахов-дервишей свидетельствуют некоторые упоминания в письменных источниках, устном творчестве, а также археологические наблюдения, позволяющие интерпретировать некоторые культовые постройки, расположенные на территории городских некрополей, в качестве странноприимного дома «для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам» и здания ханакэ – гостиницы для паломников⁴⁹.

В изложении и переводе К.Ф. Фукса (1776–1846), ученого, врача, этнографа, профессора Казанского университета, до нас дошла татарская рукопись с преданием о прибытии в Болгар трех сподвижников пророка Мухаммеда, чудесном исцелении дочери царя Болгара Айдар-хана и принятии им и его окружением ислама в 12 г. х.⁵⁰ (рис. 134). Несмотря на легендарный сюжет и дату этого события, предание может отражать действительные факты появления в Болгаре исламских проповедников. Ш. Марджани в своем докладе на IV Археологическом съезде в Казани (1877 г.), приводя сведения об этих событиях в изложении муллы Х. Шихабудинова, хотя и подвергает сомнению их подлинность, повествует о том, что у этих проповедников было много последователей (табиинъ) мужчин и женщин⁵¹. Посетивший Болгар М. Рамзи указывает, что «с западной стороны (от Малого минарета. – Авт.) находятся могилы, известные у жителей тех мест как могилы сподвижников (сахабов), посредством которых, по их утверждению, болгары приняли Ислам... Вполне вероятно, что это могилы тех, посредством которых болгары приняли Ислам в упомянутое время»⁵². С.М. Шпилевский, подытоживая сведения Ф.Х. Эрдмана, Кафтанникова, П.П. Свинына, И.Н. Березина и других, опираясь на информацию о древнем кладбище у Малого минарета, полученную от татарских бытописателей, из народных преданий, и собственные наблюдения, сообщает, что здесь особой оградой была отмечена территория, где находились могилы особо почитаемых татарским населением «шейхов» – святых мусульман. Все исследователи отмечают, что эти захоронения были объектом поклонения⁵³.

Ярким свидетельством распространения ислама являются мусульманские могильники и погребальная обрядность. По подсчетам Е.А. Халиковой в 1976 г. (время написания ее монографического исследования, посвященного домонгольским некрополям), на территории Волго-Уральского региона было известно более ста грунтовых болгарских могильников без надгробий. 12 из них – раннеболгарские языческие могильники VIII–X вв., остальные – мусульманские⁵⁴. Кроме того, по данным Р.Г. Фахрутдинова,

зафиксировано 55 болгарских кладбищ с надгробиями и 22 отдельных надгробия второй половины XIII – начала XV в.⁵⁵ Благодаря исследованиям последних лет число известных в регионе мусульманских некрополей возросло⁵⁶. Наличие большого количества этих памятников в домонгольскую эпоху, отличающихся устойчивыми единообразными особенностями обрядовой практики, позволяет ряду исследователей говорить о том, что мусульманский погребальный обряд на территории Волжской Болгарии становится доминирующим с рубежа X–XI вв. до середины XIII в. и приобретает единообразные канонические формы⁵⁷.

Средневековые эпиграфические памятники являются одним из наиболее ярких проявлений исламской культуры второй половины XIII – начала XV в. Учено более 150 намогильных плит с надписями, сохранившихся на территории Болгарского городища⁵⁸. Одним из первых эти надписи в начале 1840-х годов исследовал известный русский ориенталист И.Н. Березин. В его книге «Булгар на Волге» впервые были опубликованы интерпретация и анализ некоторых эпитафий⁵⁹. По мнению исследователей, на территории Болгара существовала местная школа по изготовлению надгробий. Характерными признаками этой школы являются наличие стрельчатой, реже килевидной с плечиками арки в тимпане, заглавной коранической формулы «Он (Аллах) живой, который не умирает, все живущее умрет!», каллиграфическим почерком сульс или куфи⁶⁰ (рис. 135).

С XV в. Болгар превращается в центр религиозного поклонения и паломничества к святым местам. Свидетелем этого во второй половине XVIII в. стала российская императрица Екатерина II, которая посетила Болгар в 1767 г. по пути из Казани в Симбирск. В письме графу Н.И. Панину, а затем великому философу-просветителю Вольтеру она написала, что «татары великое почтение имеют к сему месту и ездят богу молиться в сии развалины»⁶¹.

В 1838 г. выдающиеся русские художники братья Г.Г. и Н.Г. Чернецовы, посетив Болгар, отметили: «[...] место, в котором [...] погребены их пророки; татары почитают их за святых и из отдаленных мест приезжают на поклонение к ним [...] из Уфы, Оренбурга, Казани, [...] Бухарии, и [...] Хивы. В числе молельщиков жители болгарские видели черных (темнокожих): они здесь дня по два и более, привозя иногда с собой нарочно мулл для отправления своих религиозных обрядов»⁶².

Традиция паломничества, с новой силой вспыхнувшая в последние годы, является продолжением и развитием процессов, имеющих глубокие исторические корни в татарской религиозной культуре, основанные на коллективной народной памяти, осознании значения Болгара как древнего религиозного центра.

Таким образом, Болгар и его территория ярко иллюстрируют развитие ислама, его институтов, догматики, правовых школ-мазхабов. Эволюционируя в составе Волжской Болгарии, Золотой Орды, Казанского

ханства, а затем Российского государства, Болгар демонстрирует специфику развития сообщества российских мусульман и характер их отношений с государством.

Наследие Болгара в татарской национальной культуре

Со времен Казанского ханства Болгар приобрел значение выдающегося культового центра, священного места поклонения древним постройкам, которые на долгие времена сохранились в болгаро-татарской устной народной традиции как памятники ислама и болгаро-татарской государственности. Татарский народ помнил, знал и воспевал город Болгар – «Шэхри Болгар» – в своих исторических байтах, легендах, мунаджатах, называя его местом святых – «изгелэр жире»⁶³. Свидетельство тому – яркие картины городской жизни в поэме Кул Гали «Кыйсса-и-Йусуф»⁶⁴, упоминания Болгара в эпосе «Идегей»⁶⁵, народных легендах и преданиях, произведениях татарских поэтов и просветителей Мухаммедьяра (XVI в.)⁶⁶, Мовлы-Коляя (XVII в.)⁶⁷, исторических сочинениях Ш. Марджани (XIX в.)⁶⁸.

Влияние Болгара на сознание многих поколений татар было настолько велико, что обычай добавлять к имени нисбу «аль-Болгари» сохранялся в среде татарской интеллигенции до начала XX в.⁶⁹ До сегодняшнего дня в традиционной культуре казанских татар продолжают бытовать мотивы болгарских орнаментов, традиции хозяйствования и домашней культуры⁷⁰.

Материальное и духовное наследие Болгара, яркая и насыщенная история одного из наиболее значительных городов Волжской Болгарии и Золотой Орды дали сильный толчок для развития татарского изобразительного, театрального и музыкального искусства, художественной литературы и поэзии, национальной культуры в целом.

Мощным импульсом для появления многочисленных произведений татарских историков, прозаиков, поэтов и художников, деятелей музыкальной культуры стал период с начала 1990-х годов. В эти годы в Республике Татарстан в общественном сознании проявился и окреп живой интерес к подлинной, свободной от идеологических стереотипов истории, к культурному наследию, традициям и духовным ценностям народа.

С началом в 2010 г. масштабной и многоплановой работы, проводимой республиканским фондом «Возрождение», легенды и история Болгара послужили основой для создания новых замечательных произведений татарской национальной культуры. Среди наиболее интересных творческих событий последних лет можно отметить постановку в 2013 г. на сцене Татарского академического театра имени Мусы Джалиля балета «Золотая Орда»⁷¹. Другим культурным событием стала постановка в 2013 г. одноактной оперы «Черная палата» (рис. 136). Это произведение было специально подготовлено для исполнения на территории Болгарского городища, в декорациях воссоздающих дворцы и мечети Болгара⁷².

Ярким и плодотворным автором, неоднократно обращавшимся к болгарской тематике, является народный поэт Татарстана Ренат Харис. Его творческие переживания и размышления об историческом прошлом своего народа воплотились в многочисленных поэтических произведениях, поэме «Клятвенная чаша», эссе и либретто. В 2005 г. одна из масштабных работ поэта – балет «Сказание о Йусуфе» на музыку известного казанского композитора Л.З. Любовского – была удостоена Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства. Этот спектакль-притча стал одним из самых успешных проектов Татарского академического театра оперы и балета последнего времени⁷³ (рис. 137).

Получили широкую народную любовь исторические романы Нурихана Фаттаха, Мусажита Хабибуллина, Романа Вахитова, многих других татарских писателей, произведения художников Баки Урманче, Равиля Загидуллина, Канафи Нафикова, Рифката Вахитова, Феринада Халикова и др.

Целостность Болгарского комплекса

Одним из необходимых признаков, определяющих выдающуюся универсальную ценность памятника, является его **целостность**, которая «в соответствии с Руководством по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия представляет собой **меру единства и неповрежденности** объекта природного и/или культурного наследия. Применительно к культурным объектам речь идет прежде всего о физической структуре и ее элементах, а также о контроле за процессами, которые могут оказать на нее негативное воздействие. Понятие целостности также охватывает взаимосвязи, присущие культурным ландшафтам, историческим городам и др.»⁷⁴.

Болгарский историко-археологический комплекс не имеет аналогов в мире как ценное и уникальное свидетельство существования средневековых государств – Волжской Болгарии и Золотой Орды. Его целостность доказана в результате систематических исследований, которые почти непрерывно осуществляются здесь вот уже 150 лет и дают возможность детально реконструировать жизнь древнего города и его округа во всем ее многообразии.

Результаты этих изысканий позволили получить подробные сведения о 30 кирпично-каменных и каменных сооружениях. На 16 из них осуществлены работы по консервации и музеефикации для туристического показа. Остальные объекты были законсервированы. Архитектурно-археологическая информация об этих памятниках сохранилась в виде подробных научных отчетов и публикаций, которые стали основой для программы по музеефикации памятников Болгара до 2019 г. Программа работ предусмотрена до 2019 г. «Она включает в себя не только раскопочные работы, но и предполагает широкое использование современных методов изучения археологического памятника. В частности, используются аэрокосмические

исследования по выявлению новых архитектурных монументальных объектов и по изучению планировочной структуры памятника. Широко применяются неразрушающие культурный слой геофизические методы, позволяющие локализовать архитектурные и производственные сооружения»⁷⁵.

Город Болгар в период своего возникновения размещался на стрелке мыса высокой волжской террасы, был укреплен естественно и искусственно и имел достаточно широкий обзор в сторону Волги. Фортификационные сооружения городища представляют собой несколько линий укреплений, которые строились в разное время. Подлинные остатки оборонительной линии XIV в. сохранились и формируют сегодня целостный историко-культурный ландшафт городища. Укрепленная часть города к середине XIV в. составила 400 га⁷⁶.

97% территории Болгарского городища, входящего в состав комплекса, не затронуто археологическими исследованиями. Его культурный слой, имеющий семь основных горизонтов, в своем основании имеет отложения, относящиеся к середине первого тысячелетия н.э. Это ценнейшее и уникальное археологическое наследие. Современные исследования памятника проводятся с использованием, в том числе, неразрушающих методов и соответствуют международным стандартам.

Болгар – это свидетельство формирования и развития практики государственной и общественной охраны и сохранения памятников культуры в стране и мире. Одним из первых в истории России на государственном уровне императором Петром I в 1722 г. был подписан указ о сохранении и реставрации Большого минарета Соборной мечети. Именно с этого времени берут свое начало охранно-реставрационные работы на памятниках городища⁷⁷.

Подтверждением уникальности Болгарского комплекса стал первый в истории музейного дела России проект создания на территории памятника археологического «музеума», предложенный в 1869 г. на I Археологическом съезде в Москве членом Императорского Казанского экономического общества К.Г. Евлентьевым⁷⁸ (рис. 138).

Практическое решение вопросов сохранения и изучения памятников Болгара началось со второй половины XIX в., когда в эту работу включились государственные и общественные институты в лице Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которому в начале 1880-х годов была передана центральная часть городища, и Императорской Археологической комиссии. «Более или менее крупные ремонтно-реставрационные работы в дореволюционный период проводились на памятниках Болгара в 1884, 1885, 1889, 1896 и 1905 гг.»⁷⁹.

После революции важным шагом стало создание в Татарской республике Отдела по охране памятников при Наркомате просвещения ТАССР, активная деятельность которого привела к тому, что в 1919 г. в Болгаре был создан музей. В 1923 г. Болгарское городище было признано

историко-культурным заповедником местного значения, а в 1926 г. удалось провести на многих памятниках ремонтные работы⁸⁰ (рис. 139–141).

С 1969 г. археологические и архитектурные объекты Болгара и округи объединены в историко-архитектурный музей-заповедник. Статус памятника федерального значения, охраняемого государством, позволил сохранить в хорошем состоянии и полноте все архитектурные объекты и культурные археологические слои, связанные со средневековой жизнью города⁸¹.

Болгар является источником получения новых научных знаний и важным информационным ресурсом. В процессе его исследования отрабатывались различные методические вопросы изучения археологических памятников со сложной топографической и стратиграфической структурой, вмещающих архитектурные и ландшафтные объекты, сочетающих разнообразие историко-культурных компонентов и традиций, а также практические вопросы проведения археологических исследований⁸².

Выдающимся фактом можно считать появление «болгароведения», как самостоятельного научного направления в археологии, сложившегося в первой половине XX в., в первую очередь, на основе систематических археологических исследований Болгарского городища⁸³.

Целостность объекта достигается разработкой системы охранных зон, позволяющих осуществлять контроль и сохранение памятников комплекса в соответствии с выработанными для каждой из зон правилами градостроительной и иной деятельности⁸⁴. Для этой же цели были расширены границы буферной зоны комплекса, в состав которой включены ряд ранних поселений, идентифицируемых на первом речном острове. Для защиты панорамы через р. Волгу границы буферной зоны были расширены в северном направлении. В настоящее время буферная зона комплекса составляет 12 101 га. Это позволяет не только максимально охватить всю территорию Болгарского городища и прилегающих к ней исторических территорий, все их элементы и ценности, уникальные видовые точки и перспективы, но и в дальнейшем исключить здесь крупное многоэтажное строительство и нарушение исторического визуального восприятия объекта.

Таким образом, целостность Болгарского архитектурно-археологического комплекса определяется следующими факторами:

1. Целостным историко-культурным ландшафтом Болгарского городища;
2. Непотревоженным характером культурных отложений памятника и аутентичностью расположенных на территории городища архитектурных объектов, сохраненных в результате длительных усилий государства и профессионального сообщества;
3. Созданием системы исследования объекта, выделенной в самостоятельное научное направление;
4. Разработкой охранных зон, позволяющих контролировать все аспекты сохранения комплекса и окружающего его пространства.

Подлинность Болгарского комплекса

Подлинность является наиболее существенным, определяющим фактором наследия и связанных с ним ценностей. Практическую основу для оценки подлинности объектов культурного наследия создает «Нарский документ о подлинности», разработанный экспертами в области сохранения наследия в г. Нара (Япония) в 1994 г., принятый на XII Генеральной Ассамблее ИКОМОС, состоявшейся в Мехико, в октябре 1999 г.

Согласно этому документу, понимание подлинности – в зависимости от характера культурного наследия, его культурного контекста и эволюции – связано с большим числом источников информации, которые могут содержать сведения о форме и замысле памятника, материалах, из которых он был создан, о его использовании и функции, традициях и технологиях, местоположении и окружении, его духе и выразительности, а также о других внутренних и внешних факторах. Обращение к этим источникам позволяет выявить особые художественные, исторические, социальные и научные параметры культурного наследия в процессе его исследования. Знание, понимание и интерпретация источников информации применительно к характеристикам культурного наследия являются необходимой основой для определения всех сторон подлинности⁸⁵.

Рассматривая с этих позиций объекты, входящие в Болгарский архитектурно-археологический комплекс, следует констатировать, что аутентичный историко-культурный ландшафт, историческая топография, культурный слой, вал и ров Болгарского городища, архитектурные памятники, расположенные на его территории и полученные в процессе исследований коллекции археологических материалов в полной мере отражают более чем 1500-летнюю непрерывную подлинную историю территории Болгара и его окружи. Весьма высоки интерпретационные возможности этих объектов, позволяющие проследить бытование памятника и региона на основе комплексного анализа представленных материалов. Сопоставление и взаимное рассмотрение их в рамках археологической периодизации городища создают возможность получения достоверной картины различных сторон материальной и духовной культуры.

Археологическая периодизация памятника объективно представлена стратиграфической шкалой Болгарского городища, которая была разработана как инструмент исследования, основанный на неразрывной связи с периодизацией истории Волжской Болгарии и Восточной Европы в целом. Ведущая роль в создании этой шкалы принадлежит А.П. Смирнову и Т.А. Хлебниковой. Общая схема, датировка и последовательность слоев были твердо доказаны многолетними археологическими работами⁸⁶ (рис. 142).

Формирование аутентичного историко-культурного ландшафта Болгарского городища происходило в результате сложного сочетания растянутых во времени и краткосрочных природно-климатических и антропогенных

воздействий, включающих различные по своей интенсивности и глубине преобразования окружающей среды, связанные с хозяйственным освоением территории (градостроительным, инженерным, хозяйственно-производственным и др.), разрушением и археологизацией объектов, а также ремонтно-восстановительными, планировочно-организационными мероприятиями, благоустройством территории, которые производились в связи с работами по реставрации и консервации археологических и архитектурных объектов.

Исследования исторической топографии Болгарского городища, основанные на результатах систематических археологических работ, позволяют нам представить особенности развития Болгара, динамику изменения его пространственно-топографической структуры⁸⁷.

Одно из наиболее ранних существенных антропогенных преобразований ландшафта, зафиксированное археологически, могло быть связано со строительством на Коптеловом бугре укрепленного поселения именьковской культуры (V–VII вв.) с кокошниковидным валом и рвом шириной 15 м⁸⁸. А.П. Смирнов и А.М. Ефимова предполагали, что это поселение представляло собой городище-убежище⁸⁹. Следы поселения именьковского времени зафиксированы также на Бабьем бугре, где были исследованы остатки полуземлянки и хозяйственных сооружений с лепной керамикой, которую можно связать с именьковской культурой⁹⁰.

Дальнейшее освоение места связано с появлением в X в. городского поселения с крепостью-цитаделью и застройкой обширной территории его округа, положившего начало городу Болгару. Его рост и развитие сопровождалось расширением площади культурных напластований, несущих остатки многочисленных производств: железоделательных, медеобрабатывающих, кожевенных и др., сначала сосредоточенных в поселках, тяготеющих к укрепленной цитадели, а затем слившихся в единую территорию городского посада. Исследования, проведенные на берегу Волги, в урочище Ага-Базар выявили здесь культурные напластования X–XV вв., позволяющие определить Ага-Базар как ремесленно-торговое поселение, гавань города Болгара⁹¹.

К концу домонгольского периода площадь посада уже втрое превышала площадь первоначального города. В конце XII – начале XIII в. была создана система обороны, окружавшая наиболее густо застроенную часть. Остатки этой фортификации, сохранившиеся до XVIII–XIX вв., получили название «замошный вал»⁹².

Вторая половина XIII – начало XIV в. считаются временем восстановления Болгара после монгольского нашествия. В этот период Болгар, как старый экономический центр Поволжья, стал главным городом Золотой Орды, еще только начинавшей свою градостроительную деятельность⁹³. Административно-политическое значение города в совокупности с экономическим потенциалом региона явилось основанием для его развития

и значительного роста. Раздвинулись границы Болгара, восстановилось и расширилось ремесленное производство, укрепились торговые связи, были начаты монументальное каменное строительство и монетный чекан.

К 30-м годам XIV в. окончательно сложился архитектурный ансамбль городского центра, включающий Соборную мечеть с Большим минаретом, Ханский дворец, Восточный и Северный мавзолеи, позднее известные также под названием «Церковь св. Николая» и «Монастырский погреб»⁹⁴.

Каменное строительство в значительной степени изменило облик города, который в домонгольское время был исключительно деревянным. Теперь его внешний вид стало определять сочетание каменных, кирпичных и деревянных зданий, с доминирующими объемами Соборной мечети, Ханского дворца, городского базара, Черной палаты, вертикалями минаретов, комплексами мавзолеев.

Монументальные здания древнего Болгара обладали ярко выраженным своеобразием. Освоение и использование традиций исламской архитектуры Арабского халифата, Бухары, Хорезма, Дербента, Хазарского каганата, государства Сельджукидов, а также влияние Византии, Армении, Индии, в сочетании с богатейшим культурным наследием доисламских культур позволили выработать архитекторам и строителям города собственные эстетические концепции, развить своеобразные строительные приемы и методы, основанные на местных материалах и обусловленные местными климатическими условиями. Сложился архитектурный декор, опирающийся на исламские духовные традиции и влияния, творчески сочетающий переосмысленные мотивы доисламских верований. Анализируя оформление Малого минарета, Соборной мечети, Черной палаты, Д.К. Валеева говорит о среднеазиатских, хорезмийских традициях монументально-декоративного искусства. По ее мнению, художественные поиски в XIII–XIV вв., как и в домонгольское время, велись более всего в области декоративной орнаментики. Если раньше в декоре был важен «гирих» с подчинением ему всех видов орнаментов, то в этот период преобладают растительные и геометрические мотивы. В каллиграфических надписях чаще имел место стиль вычурного «дивани». Для архитектурного декора также характерно образование из причудливых цветочных сплетений «узлов счастья», среди которых размещаются медальоны. Вся эта изумительная роскошь восточного орнамента и проступает в архитектурном декоре болгарских сооружений, но в более спокойном, более «собранном» виде⁹⁵.

Каменные здания мечетей, минаретов, мавзолеев и бань не только определили облик города Болгара в XIII–XV вв., но также повлияли на архитектуру Казанского ханства, архитектурные традиции которого имели затем преемственное развитие в эпоху присоединения его к России⁹⁶.

После угасания городской жизни воспоминание об архитектуре Болгара сохранилось в татарских народных преданиях, тюрко-татарском эпосе «Идегей», сложившемся в XV–XVI вв.⁹⁷ Руины зданий с окружающим ландшафтом стали к этому времени местом религиозного поклонения.

К юго-западу от Соборной мечети в середине XIV в. находился центральный городской базар, построенный в 1350-х годах⁹⁸, функционировало ювелирное стеклоделательное производство⁹⁹.

К настоящему времени в Болгаре изучены остатки шести общественных бань. Четыре из них были построены в подгорной и заречной части города, на берегах р. Меленки. Две бани известны на верхней площадке городища. Различаясь размерами, планировочными особенностями, материалом и временем строительства, они, тем не менее, имеют ряд общих конструктивных особенностей, позволяющих отнести эти здания к типичным восточным баням – «хаммам»¹⁰⁰.

Юго-восточные районы Болгара представляли собой места, где проживала городская знать. Они были застроены богатыми усадьбами с кирпичными домами, подпольными системами отопления и суфами – лежанками¹⁰¹. После 1361 г. на большей части этой территории возникли городские кладбища, были возведены культовые постройки, из которых сохранилась часть фундаментов мавзолеев-усыпальниц и Малый минарет. Распространение некрополей наблюдается и в южных районах города. Среди монументальных каменных зданий этой части комплекса особое место также принадлежит ритуальным сооружениям – мавзолеям, которые традиционно являлись местами поклонения¹⁰². Некоторые из них появляются уже в конце XIII в.¹⁰³

В западном и северо-западном районах Болгара функционировали многочисленные ремесла – металлургические, гончарные, меднолитейные, ювелирные. Большой концентрацией производственных комплексов отличается район Галанского озера, на берегах которого археологами обнаружены большие запасы сырьевой глины в ямах. Находки здесь керамических горнов и обломков болгарской посуды дают возможность предположить, что на этом месте в период расцвета города было сосредоточено массовое гончарное производство¹⁰⁴.

К югу от городища за валом располагался Малый городок, укрепленный рвами и валами, с парадным, оформленным каменными пилонами въездом с северной стороны и с каменной постройкой в южной части. Название Малый городок впервые зафиксировано в 1712 г. в описи дьяка Михайлова. Считается, что это остатки недостроенного парадного комплекса или караван-сарая. Также существует предположение о его культовом назначении¹⁰⁵.

В северо-западной части к городу примыкала армянская слобода, возникшая на месте болгарского пригородного поселка. Здесь археологами выявлены деревянные жилища и серия погребений. Полученные материалы свидетельствуют о существовании здесь в XIV в. торговой христианской колонии и кладбища. Там же выявлены остатки каменной культовой постройки, получившей название Греческая палата, которая является руинами христианского храма, возможно построенного как прототип церкви св. Богородицы (Сурб Аствацацин) в монастыре Нораванк (Армения)¹⁰⁶.

Таким образом, ко времени своего расцвета Болгар представлял собой сложный городской организм с выраженной структурой, исторически сложившимися центром и периферией, районами размещения производств и торговли, поселками преимущественного проживания городской знати, местами, выделенными для кладбищ, административных служб и т. п. Все это является признаками основ урбанизации, глубокого системного освоения городского пространства.

ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ УПРАВЛЕНИЯ БОЛГАРСКИМ КОМПЛЕКСОМ

Новый этап в истории изучения, сохранения и музеефикации Болгарского городища связан с началом реализации в 2010 г. проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар», который координируется республиканским фондом «Возрождение». Правительством РТ была поставлена задача превратить Болгарское городище в историко-культурный, музейный и духовно-сакральный центр, зримо подчеркивающий выдающуюся универсальную ценность Болгара как объекта мирового историко-культурного значения. С этой целью для Болгарского историко-археологического комплекса в соответствии с требованиями ЮНЕСКО¹⁰⁷ был разработан План управления, основная часть работы по которому была выполнена Институтом социальной политики НИУ ВШЭ. План управления был рассмотрен и утвержден в 2016 г. на 40-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (Стамбул, 10–17 июля)¹⁰⁸.

Базовыми целями Плана управления являются сохранение выдающейся универсальной ценности объекта, создание соответствующих условий для устойчивого развития территории, а также достижение общественного согласия в многоаспектных вопросах сохранения, изучения и использования городища.

Современный пример комплексного развития Болгарского комплекса ярко демонстрирует, что проблемы изучения, сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия в Республике Татарстан сегодня перешли на новый уровень. В эту работу активно включились структуры, ведающие вопросами градостроительства и архитектуры, экономики и промышленного развития, экологии, транспорта, благоустройства, имущественного комплекса, жилищно-коммунального хозяйства, юридических служб, научно-образовательные организации, средства массовой информации и широкие слои общественности, без участия которых невозможна эффективная охрана и всестороннее развитие культурного наследия.

Сегодня Болгарский историко-археологический комплекс находится под защитой федерального и регионального законодательств и правительств. Любые виды работ, за исключением научных исследований и музейной деятельности, на территории музея-заповедника запрещены.

Разработаны и утверждены концепция и план управления Болгарским комплексом до 2019 г. и стратегия управления объектом на 20 лет. Ее подготовка осуществлялась в рамках широких консультаций с различными правительственными и неправительственными структурами, обсуждения с депутатами, местным сообществом, Международным научно-экспертным советом фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан.

Сохранение и изучение Болгарского городища

Системный подход к выявлению, изучению, консервации и музеефикации памятников комплекса является основой сохранения объекта. Установлены требования непрерывного комплексного профилактического обследования и обслуживания памятников архитектуры. Реставрация объектов Болгара рассматривается как вынужденная и исключительная мера, направленная на сохранение и выявление исторических ценностей памятника.

Значительное внимание в решении сложных и многоплановых вопросов реставрации, консервации и музеефикации памятников городища в условиях сурового климата региона и критического перепада температур уделяется современным высокотехнологичным методам сохранения уникальных объектов и культурного слоя комплекса. Одним из примеров этого стало создание топографии сооружений без физической связи с оригиналом памятника методом «двухмерной реставрации». Еще одним эффективным решением является консервация гончарных горнов, остатков каменных общественных бань с устройством защитных покрытий. Эти и другие удачные примеры реставрационной деятельности включены в комплекс охранных мероприятий и составляют перспективное направление плана управления.

Системный подход в реализации программ и проектов по сохранению объектов культурного наследия Болгара, который широко практикуется здесь уже не одно десятилетие, является важным условием обеспечения аутентичности и целостности комплекса. Работы по консервации Соборной мечети и Восточного мавзолея, осуществленные еще в 1960–1970-х годах¹⁰⁹, стали не только важным этапом в сохранении памятников Болгара, но и прекрасным примером применения разнообразных неразрушающих методов реставрации, которые признаны как образцовые специалистами многих европейских стран, а также ИКОМОС.

Важным этапом в деле охраны и сохранения памятников Болгарского комплекса стало уточнение его границ и расширение в 2013 г. его буферной зоны, в которую включены акватория Куйбышевского водохранилища и живописные острова, образовавшиеся в результате затопления территории¹¹⁰.

Всего из 70 известных в XVIII в. каменных сооружений Болгарского городища сохранилось и изучено 30 объектов. Помимо комплексных

исследований остальных памятников комплекса, которые в первую очередь будут направлены на изучение неизвестных страниц истории этих объектов, большое значение придается сохранению культурного ландшафта комплекса в целом. Этот подход позволяет рассматривать всю территорию Болгарского городища как единый культурно-ландшафтный комплекс, включающий археологические и архитектурные памятники именьковского (V–VII вв.), болгарского и золотоордынского времени (X–XV вв.), а также исторические наслоения, связанные с существованием православного монастыря XVIII в., сохранившейся исторической деревни XVIII–XX вв., памятники природы, прибрежный волжский ландшафт.

Управление археологическими исследованиями

В исследовательских программах настоящего времени основной акцент делается на использовании преимущественно неразрушающих методов, в том числе технологий и методик естественнонаучных дисциплин, аэрофотосъемки и обработки космической спутниковой информации. Происходит широкое внедрение современных методов точной полевой фиксации, создание и применение новых методик датирования культурных отложений, объектов и отдельных артефактов. Данный комплекс методов, основанный на междисциплинарном подходе, значительно повышает качество и результаты археологических исследований.

Особая роль в плане управления археологическими ресурсами отводится созданной в Болгарах Международной археологическо-реставрационной базе Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан¹¹¹. Она выполняет функцию как научного, так и социального института, является крупной площадкой для привлечения и обучения специалистов в области изучения и сохранения археологического наследия. Здесь проводятся научные дискуссии, независимая экспертная деятельность. База является местом для работы так называемого Центра превосходства «Археометрия»¹¹², широкого международного сотрудничества, подготовки и реализации образовательных программ. Тут созданы все необходимые организационно-коммуникационные условия для проведения научных конференций и симпозиумов, рабочих семинаров, студенческих практик.

Перспективным направлением в углублении научных исследований на Болгарском комплексе является создание лаборатории экспериментальных археологических исследований. Это позволит широко использовать полученные в ходе археологических раскопок и сопутствующих им работ сведения для реконструкции производственных и технологических процессов, воссоздавать методами графического, скульптурного воспроизведения и технического конструирования исторически достоверные копии и образы предметов, объектов, изображений людей. Результаты этих новейших

технологий откроют новые возможности для популяризации достижений болгарской цивилизации, Болгарского архитектурно-археологического комплекса в музейной сфере и использования полученных изделий и навыков в интерактивной деятельности музея-заповедника.

Обширной научной программе по изучению Болгарского комплекса, как одного из выдающихся центров евразийской цивилизации, требуется высококвалифицированная и всесторонняя экспертиза. Масштабные междисциплинарные исследования объединили сегодня усилия ученых и специалистов Болгарского музея-заповедника, специализированного Центра изучения болгарской цивилизации, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, авторитетных исследователей ведущих научных академических и вузовских центров России и зарубежных стран. Все археологические работы на городище осуществляются на основании выданных федеральным уполномоченным органом открытых листов, а также под контролем Министерства культуры Республики Татарстан.

Программа археологических исследований, разработанная до 2019 г., основной задачей ставит обеспечение целостности культурного слоя, создает стратегию формирования нового этапа в осознании роли и места комплекса в мировой культуре. За последние годы на территории Болгарского городища выявлено и исследовано 17 объектов, в том числе в 2013 г. в ходе плановых работ найдены известные по картографическим источникам мавзолеи у Малого городка и Бабьего бугра. В целом же на территории комплекса исследуются объекты, требующие экстренных мероприятий по их сохранению и дающие возможность расширить информацию о некоторых категориях памятников. В дальнейшем культурный слой Болгарского городища будет рассматриваться как зона археологического резерва и особо ценный объект для будущих поколений.

Управление фондами

В течение более чем столетнего изучения Болгарского городища накопилось огромное количество всевозможных сведений, описаний, научных отчетов, артефактов, которые хранятся в архивах и хранилищах Болгарского музея-заповедника, Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Института археологии РАН, в других научных центрах, музеях, библиотеках Татарстана и России. Это вызывает определенные трудности в максимально полном изучении документов, связанных с историей, архитектурой, духовной культурой Болгара и введении их в широкий научный оборот. Планом управления предусмотрена работа по выявлению, систематизации и объединению историко-археологических материалов в едином хранилище, на базе архива Болгарского музея-заповедника. Собранные материалы будут тщательно каталогизированы, надежно сохранены и станут доступными как для специалистов, так и для общественности.

Собственные фонды Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника впечатляют количеством и многообразием собранных в нем артефактов и документов. По состоянию на 1 января 2013 г. в хранилищах, архивах и запасниках Болгарского комплекса находится более 102 тыс. предметов. Среди них: предметов археологии – более 65 тыс., нумизматических материалов – более 14 тыс., предметов этнографии – более 1,5 тыс., изделий прикладного искусства – более 100, предметов живописи – более 140, графических работ – более 250, скульптур – 13, различных документов – более 19 тыс. Часть находок с территории заповедника хранится в Государственном историческом музее (г. Москва), Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), Национальном музее Республики Татарстан (г. Казань), Национальном музее Финляндии (г. Хельсинки)¹¹³. Всего же в музейных фондах России и зарубежных стран насчитывается более одного миллиона археологических артефактов, связанных с Болгаром.

Управление посетителями и презентация Болгарского комплекса

Как и многие столетия назад, Болгар остается духовной святыней и центром паломничества для мусульман республики, России в целом и татарской диаспоры всего мира. В наши дни Болгарский комплекс приобретает важное значение как место межрегионального культурного центра российских мусульман и площадка международного сотрудничества, является единственным российским музеем-заповедником, представляющим историю ислама в Российской Федерации и мусульманской культуры как части российской цивилизации.

Важной частью современного управления Болгарским комплексом является музеефикация объектов городища и создание на его территории разнообразных по тематическому содержанию музеев, экспозиций и выставок. Стратегия развития музейной и туристической деятельности направлена на широкое представление историко-культурного и духовного потенциала Болгара, актуализацию многообразного наследия этого места, его развития как исторического центра российской мусульманской культуры. В этой связи особенное значение приобретает раскрытие темы значения принятия ислама, демонстрация опыта его толерантного сосуществования с православной культурой, освещение вопросов цивилизационных и межкультурных контактов.

Создана и функционирует главная музейная экспозиция комплекса, в которой раскрыты основные моменты истории и развития болгаро-татарской цивилизации и древнего города¹¹⁴. На территории заповедника, как и за его пределами, организовано еще несколько музейных экспозиций, которые отражают самые существенные и яркие аспекты средневековой и новой истории Болгара. Этот вариативный подход в организации музейного

дела на городище позволяет увеличить время посещения заповедника туристами, избежать чрезмерных нагрузок на отдельные объекты и формирует разнообразное туристическое предложение. Большое внимание уделяется и расширению высокотехнологичных методов музейного показа с использованием самых современных мультимедийных средств.

В период летних полевых археологических работ на городище предусмотрена возможность наблюдения экскурсантами, туристами, паломниками за «живыми» раскопками. Это позволит им не только получить информацию, но и усилит у людей чувство их сопричастности к истории, даст представление о самом процессе археологического исследования, о нелегком труде археологов.

Музейные программы Болгарского комплекса тесно взаимосвязаны с актуальными общественными проблемами образования и патриотического воспитания. Для школьников и студентов осмотр памятников Болгара введен в уроки истории, археологическую практику. Также созданы специальные программы по организации детского туризма, культурно-познавательных походов с целью повышения образовательного уровня молодежи и их активного вовлечения в краеведческое движение.

Важным компонентом туристской структуры Болгарского комплекса является Визит-Центр. Он позволяет получить полную информацию обо всех составляющих регионального туристического продукта – музеях, достопримечательностях, гостиницах, народных промыслах, транспортной инфраструктуре и т. д. Также его важной функцией является обеспечение информационной, научной и краеведческой литературой, туристическими картами, сувенирной продукцией, информационными видео- и аудиоматериалами.

С каждым годом число туристов и паломников, посещающих эти заповедные исторические территории, значительно возрастает. С целью максимально полного сохранения подлинности и целостности Болгарского комплекса была принята специальная программа, и с 2010 г. за границами городища сооружены Белая мечеть, Музей хлеба, а на краю волжской террасы – Памятный знак в честь принятия ислама, Музей болгарской цивилизации, совмещенный с Речным вокзалом и центром приема туристов. Это нестандартное решение позволило значительно снизить нагрузку на архитектурно-археологические памятники, особенно в дни ежегодного празднования годовщины принятия ислама, когда количество посетителей и паломников достигает 50–60 тыс.

Памятный знак

Возведение Памятного знака в Болгаре стало воплощением общественной инициативы и идеи, в основу которой легло осознание того факта, что данная

территория является единственным аутентичным источником, «свидетелем» выдающегося события – принятия ислама волжскими болгарами (рис. 143).

На рубеже XX–XXI вв. был сформулирован общественный запрос об увековечении уникального явления зарождения мусульманской культуры в Поволжье, в самом северном регионе распространения ислама, в виде Памятного знака – монументального сооружения и архитектурного объекта, как визуального воплощения этого события, исторической памяти, культурного достояния и традиций, духовных ценностей татарского народа.

Памятный знак представляет собой восьмигранное здание, стилизованное под древнеболгарскую архитектуру, с круглым куполом из титанита и мусульманским полумесяцем на вершине. В центральном зале, на специальном пьедестале, размещен Коран, изготовленный итальянскими мастерами. Эта уникальная книга в силу высокого уровня художественного исполнения признана Министерством культуры РФ культурной ценностью. Коран, помещенный в Памятном знаке, является самым большим в мире печатным изданием священного писания мусульман, подтвержденным сертификатом Книги рекордов Гиннесса. Длина этой книги 2 м, ширина – 1,5 м, вес – 800 кг. Также в зале размещена объемная карта маршрута посольства аббасидского халифа Аль-Муктадира, выполненная из доломита, ракушечника, мрамора и металла¹¹⁵. Автор работы – скульптор Р. Габбасов.

На цокольном этаже здания расположились картинная галерея, насчитывающая более ста работ татарстанских живописцев, музейно-выставочный комплекс, предназначенный для проведения выставок и конференций. В экспозиции комплекса представлены археологические находки, подлинники и копии письменных источников, нумизматика, предметы ювелирного ремесла, а также образцы изобразительного искусства.

Памятный знак подчеркивает выдающуюся универсальную ценность Болгарского комплекса, является символом духовной значимости этой территории и подтверждением того, что для большинства мусульман России и татарской диаспоры зарубежных стран религиозная значимость Болгара превосходит его археологическую ценность (рис. 143 а, б).

Белая мечеть

Объект расположен за пределами Болгарского комплекса и гармонично вписан в окружающий ландшафт. Мечеть выполнена из белого мрамора, и ее цвет олицетворяет мир и чистоту. Образ Белой мечети – собирательный. Образцами при ее возведении послужили лучшие произведения мировой исламской архитектуры. Общая композиция включила в себя, помимо собственно мечети, медресе и Исламский центр Духовного управления мусульман Республики Татарстан (рис. 144 а, б).

Здание мечети венчают три купола и два стройных минарета, которые выполнены в стиле минаретов Мечети Пророка, находящейся в Медине.

Стены мечети украшены традиционными декоративными элементами – тюльпанами, арабесками, мукарнасами и геометрическими орнаментами. Молельный зал имеет два уровня, цветовая гамма стен и купола – монохромная, в сочетании с деревянными элементами подчеркивает красоту резного декора¹¹⁶.

Образ Белой мечети, опирающийся на узнаваемые мусульманские архитектурные символы, и ее гармоничная визуальная связь с городищем подчеркивают сакрально-религиозную значимость этой исторической территории.

Создание храмового комплекса в Болгаре является крупным событием для мусульманского сообщества Татарстана и России в целом.

До возведения Памятного знака и Белой мечети многочисленные паломники совершали религиозные обряды, связанные с ритуалом намаза, жертвоприношений и др. на территории городища в непосредственной близости от памятников, что оказывало негативное влияние на их целостность и сохранность. Строительство этих объектов в полной мере решило эту застарелую и болезненную проблему – теперь все религиозные обряды совершаются за территорией городища.

Выбор же архитектурных образов Памятного знака и Белой мечети обусловлен в первую очередь существующими памятниками и стремлением сохранить общее гармоничное восприятие Болгарского комплекса.

Музей хлеба

Комплекс расположен за пределами Болгарского городища, рядом с Белой мечетью. Экспозиция Музея хлеба позволяет проследить историю сельского хозяйства в регионе с раннего Средневековья до новейшего времени и дает возможность раскрыть богатое прошлое этой отрасли на территории Татарстана и ее особое место в развитии России (рис. 145 а, б).

В комплексе музея воссоздан весь земледельческо-технологический цикл – от процесса выращивания зерна до выпекания хлеба. Экспозиция музея ярко демонстрирует этнографические особенности быта и хозяйствования болгар и казанских татар, воссоздает своеобразный колорит татарской деревни.

В структуру Музея хлеба, помимо основной экспозиции, входят также усадьба мельника, ветряная и водяная мельницы, амбар, гумно, пекарня, кузница, торговые ряды мастеров народных промыслов. Общая площадь музея составляет около 5 га¹¹⁷.

Музей Болгарской цивилизации

До начала реализации программы по возрождению Болгарского городища на территории комплекса и прилегающей территории не было помещений, отвечающих специальным музейным требованиям. При этом

коллекции музея-заповедника насчитывают более 100 тыс. единиц хранения. Оптимальным выходом в данной ситуации стало создание музейного пространства, не разрушающего историко-культурный ландшафт Болгарского городища. С этой целью в склоне холма созданы необходимые помещения, отвечающие требованиям хранения и показа музейных предметов. Одновременно была решена и серьезная инженерная задача по укреплению холма и предотвращению оползневых процессов, которые угрожали сохранности городища. Строительство музея осуществлено на месте старого речного причала.

Создана новая и во многом уникальная входная зона на территорию заповедника через экспозицию музея. Музей Болгарской цивилизации является оригинальной и высокотехнологичной площадкой для широкой и яркой презентации Болгарского комплекса и его выдающейся универсальной ценности. Музей представляет всю необходимую первичную информацию для посетителей городища перед экскурсионными показами архитектурных и религиозных сооружений непосредственно на территории Болгарского комплекса¹¹⁸ (рис. 146–148 а, б).

Привлечение местного населения и сообщества

Осуществление государственными, научными и музейными структурами республики комплексных мер по интенсивному и широкому привлечению жителей Болгара для обеспечения разнообразных туристических программ и проектов, плодотворная работа Фонда возрождения памятников истории и культуры РТ, активное вовлечение в этот многоплановый процесс жителей Татарстана, Российской Федерации и татар, компактно проживающих в различных странах мира, а также промышленных предприятий и корпоративных структур позволяет успешно решать сложные задачи по развитию Болгарского комплекса.

Ежегодно с 2010 г. издается Памятная книга благотворителей, направляющих денежные средства на сохранение Болгара. На сегодняшний день их число более 22 тыс. человек. Среди них простые граждане – жители городов и сел Татарстана и других регионов страны, выдающиеся деятели науки и культуры, крупные политические, общественные, государственные деятели России, бизнесмены, иностранные граждане.

Современная система управления комплексом предполагает активное участие в этом непростом и многоаспектном процессе местного населения. Были выработаны новые и взаимовыгодные формы взаимодействия с владельцами частных домов. Учитывая, что в южной и восточной части исторического села сохранилась малоценная жилая застройка советского времени, определяющим здесь стал выкуп домов у частных владельцев и предоставление им благоустроенных квартир в жилых домах, построенных за пределами комплекса на территории города. На сегодняшний день

по этой программе из домов, не представляющих историко-культурной ценности и являющихся ветхим фондом, отселено 53 семьи и планируется отселение еще 63 семей из села в г. Болгары.

Иные подходы выработаны в отношении жилых зданий и сооружений, находящихся в личной собственности граждан в западной части села, которые в значительной степени позволяют сохранить его исторический облик XIX – начала XX в. Эта часть сельской застройки будет сохранена и использована как важный элемент этнографического музея. Отреставрированные исторические жилые дома и восстановленные предметы крестьянского подворья позапрошлого века позволят значительно оживить историю этого места, снимут некоторую «монотонность» впечатлений от археологических экспозиций и экспонатов.

Еще одна форма активного привлечения местных жителей к деятельности Болгарского комплекса – это создание экологического музея. Эта форма довольно широко и эффективно используется в мировой музейной практике, но в Российской Федерации не получила пока достаточного внимания. В этом музее жители села будут не только полноценными сотрудниками музея-заповедника, но и живыми участниками музейного процесса, воссоздающими образ жизни крестьянства XIX – начала XX в.

В жилых домах будут расположены мастерские, где будут демонстрироваться традиционные промыслы и производства – ткачество, искусство вышивания, изготовление одежды, обуви, гончарный промысел и др. Здесь любой посетитель сможет приобрести в качестве сувенира понравившиеся ему оригинальные изделия. Вся подготовка к созданию музея такого типа проводится при непосредственном участии жителей села и местных органов муниципальной власти.

Одним из ключевых факторов возрождения Болгара как уникального духовно-сакрального и паломнического центра является участие в этом процессе религиозных сообществ. В рамках долгосрочного управления комплексом под эгидой Духовного управления мусульман Республики Татарстан на базе Белой мечети было одобрено создание Исламского центра, а затем Болгарской исламской академии, которая была открыта 4 сентября 2017 г. Ее главной задачей стали подготовка и выпуск мусульманских богословов, возрождение традиционной школы исламского богословия. В стенах Академии стало возможно получить классическое исламское образование высшего уровня по мировым исламским стандартам без выезда в другие страны¹⁹. Размещение этого учебного заведения в Болгаре, ставшем воплощением исламской традиции на территории нашей страны, позволило наполнить объекты Болгарского комплекса новым актуальным содержанием.

В рамках Исламского центра большая организационная и теолого-методологическая роль была отведена созданию Музея Корана, в котором будут собраны древние и современные печатные, а также рукописные

издания Священной книги мусульман, собранные со всего исламского мира – Северной Африки, Ирана, Индии и Китая, Восточной и Западной Европы. В музее также будет размещена библиотека научной и исламской литературы, лучшие образцы арабской каллиграфии.

В Спасском районе Республики Татарстан, где расположен Болгарский комплекс, значительную группу жителей составляет русское население. Православная культура существует и активно развивается здесь как многовековая традиция, которая вместе с исламом отложила свой неповторимый отпечаток на исторический и культурно-духовный облик региона, во все времена отличавшегося веротерпимостью его жителей. Укрепление традиций межконфессионального диалога выражается в том числе и всемерной поддержкой Свято-Авраамиевской церкви, расположенной на территории населенного пункта Болгар.

Современное управление Болгарским комплексом является значительным вкладом в защиту и сохранение его Выдающейся универсальной ценности, полностью удовлетворяет условиям его целостности и подлинности.

ПАМЯТНИКИ БОЛГАРСКОГО КОМПЛЕКСА

Локальные археологические объекты

Эти памятники, находящиеся на территории Болгарского городища и в его непосредственной близости, характеризуют период, предшествующий строительству города Болгара, и демонстрируют синхронные ему объекты, тяготеющие к городской застройке. Все они позволяют рассматривать жизнь города в сложной системе пространственно-временных связей, формирующих историческую и топографическую обстановку зарождения и существования Болгара в разные исторические эпохи в пределах одного культурного региона, а также проследить влияние, которое оказывается в рамках взаимодействия город – округа для единой культурно-исторической среды.

*Бабий бугор – городище, могильник*¹²⁰

Объект расположен на территории Болгарского городища в северо-западной его части, на небольшом мысу левого коренного берега Волги, длина которого составляет около 30 м. Памятник стал привлекать внимание исследователей еще с XIX столетия. Археологические работы проводились здесь В.Г. Тизенгаузенем (1864)¹²¹, Н.Ф. Высоцким и Н.М. Малиевым (1880)¹²², М.М. Хомяковым (1913)¹²³, А.Ф. Адлером (1920)¹²⁴, А.М. Ефимовой (1947–1948)¹²⁵.

Здесь зафиксирован слой догородского поселения, относящийся к азелинской и именьковской культурам. Азелинские материалы представлены

главным образом керамикой, фиксирующей кратковременное пребывание на этой территории азелинского населения в III–V вв. К именьковской культуре можно отнести жилище-полуземлянку, остатки ям-кладовок, каменного очага, а также многочисленные керамические материалы¹²⁶. Еще в домонгольское время «Бабий Бугор» стал использоваться под кладбище. Оно функционировало все годы существования города, даже когда оказалось в его черте. На сегодняшний день на территории могильника вскрыто 218 погребений, датированных домонгольским и золотоордынским временем¹²⁷. Расположенная здесь братская могила с 19 погребенными связана с какой-то катастрофой в жизни города¹²⁸. Принадлежность могильника дискутируется. Автор раскопок рассматривала его как мусульманский некрополь, принадлежащий рядовому населению Болгара¹²⁹. Е.А. Халикова пришла к выводу, что могильник относится к неболгарской группе населения, выходцам с Подонья или северного Кавказа¹³⁰. И.Р. Газимзянов, привлекая в подтверждение материалы исследований Усть-Иерусалимского могильника в Болгаре, присоединяется к мнению А.П. Смирнова, что кладбище на Бабьем Бугре дало «смешанный болгаро-мордовский комплекс»¹³¹.

В окрестностях Бабьего бугра обнаружены остатки ремесленных мастерских.

Бабий бугор, с которого открывался вид на Волгу, получил свое название и вошел в культурную топографию села в XVIII–XIX вв. как место девичьих и женских гуляний¹³².

Окрестности Бабьего бугра представляют собой участок села Болгары, не утративший в значительной степени исторический облик конца XIX – начала XX в., здесь сохранились кирпичные дома этого периода. Своеобразие этой части села также придает небольшое озеро, получившее название Британкино, расположенное в 325 м от западного вала городища. «Озеро расположено в небольшой котловине, не имеет стока и питается в настоящее время исключительно весенними и дождевыми стоками»¹³³.

Болгарская островная неолитическая стоянка

Объект расположен на останце надлуговой террасы в 4 км к северо-западу от церкви бывшего села Болгары. Здесь собран подъемный материал, состоящий из многочисленных кремневых орудий и двух фрагментов неолитической керамики с накольчатой и гребенчатой орнаментацией. Памятник обследовался разведкой Татарской археологической экспедиции в 1964 г. под руководством А.Х. Халикова¹³⁴.

Болгарское I селище

Расположено в 0,5 км к северу от церкви бывшего села Болгары, на острове. На объекте зафиксирован многочисленный подъемный материал. Среди находок обнаружена разнообразная болгарская керамика, железные

предметы (удила, ножи, зубила, сверло, наконечник стрелы, ключ от замка), находки из цветного металла (замок в виде фигурки животного, бляшки, ручка от котла), а также сердоликовая шестигранная призматическая бусина.

Объект обследовался археологической разведкой Татарской археологической экспедиции в 1966 г.¹³⁵

Болгарское II селище

Памятник расположен на острове к северо-востоку от церкви бывшего села Болгары. Археологический материал собранный здесь состоит из керамики позднеболгарского периода, железных предметов (удила, скобы, пробойник, ключ и др.) и джучидской монеты.

Селище обследовалось П.Н. Старостиным в 1966 г.¹³⁶

Болгарское III селище

Объект расположен в 1,5 км к северо-западу от церкви села Болгары на размываемом останце надлуговой террасы. В ходе исследований на памятнике были найдены болгарская домонгольская керамика и железные изделия.

Селище обследовалось разведкой Татарской археологической экспедицией в 1966 г.¹³⁷

Болгарские IV–V селища (Усть-Иерусалимские поселения I–II)

Поселения расположены в 0,7 км к востоку-северо-востоку от церкви села Болгары и в 0,3 км к западу от поселка Приволжский (Подываново), в устье Малого Иерусалимского оврага, по правому и левому берегам. Мощность культурного слоя здесь составляет от 0,3 до 0,4 м. В раскопах вскрыты остатки нескольких жилых и хозяйственных сооружений. Находки, среди которых имеются и серебряные саманидские дирхемы, позволяют датировать поселения первой половиной X в. Селища исследовались раскопами под руководством П.Н. Старостина в 1986–1993 гг.¹³⁸

«Коптелов бугор»

Мыс между левым коренным берегом Волги и Иерусалимским оврагом на территории Болгарского городища. Название урочища связано с фамилией крестьянина Коптелова, проживавшего на данной территории. Поверхность мыса сложена из суглинков и во многих местах разрушается оползнями, спуском к реке и дорогами в деревню Подываново. В обнажениях около дорог прослеживаются остатки культурного слоя, содержащего древнюю керамику, щебенку и обломки костей животных. На территории «Коптелова

Бугра» зафиксированы все семь слоев основной стратиграфической колонки городища. Археологическими раскопками в 1938 (раскоп 1, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин), 1972 (раскоп XLII, П.Н. Старостин, Т.А. Хлебникова) и в 1979 г. (раскоп LXIX, П.Н. Старостин) зафиксированы остатки догородского слоя, относящегося к именьковской культуре. В 1972 и 1979 гг. изучены также остатки оборонительных сооружений в виде рва и вала, пересекавших мыс и ограждавших городище с напольной стороны. В золотоордынскую эпоху остатки древних укреплений на «Коптеловом Бугре» были сnivelированы, и территория стала использоваться под жилищные и хозяйственные постройки. В коллекционном материале с «Коптелова Бугра» представлены находки, относящиеся к середине I тыс. н. э. и до позднего Средневековья¹³⁹.

Подывановское селище

Расположено в 500 м к западу от поселка Подываново. Археологический материал, обнаруженный здесь, представлен именьковской и болгарской керамикой. Селище найдено в 1966 г. П.Н. Старостиным¹⁴⁰.

«Степное Озеро», III стоянка

Памятник расположен в 300 м к северу от церкви с. Болгары на размытом останце надлуговой террасы. В ходе исследований здесь была собрана керамика срубного и приказанского типов. На объекте были вскрыты соединенные жилища, в одном из которых найден кельт с несомкнутой втулкой. Селище изучалось в 1964 (Татарская археологическая экспедиция), 1972 гг. (Куйбышевская археологическая экспедиция)¹⁴¹.

Степноозерское I селище

Объект расположен в районе озера Степное, находящегося к северо-западу от бывшего с. Болгары на краю надпойменной террасы. На останках поселения обнаружена болгарская керамика, железный шлем.

Селище было исследовано Куйбышевской археологической экспедицией в 1953 г.¹⁴²

Степноозерское IV селище

Памятник расположен к югу от Степноозерского селища III на краю надлуговой террасы. Здесь зафиксированы остатки болгарского поселения. Археологический материал представлен керамикой домонгольского и золотоордынского периодов.

Объект был обследован Куйбышевской археологической экспедицией в 1953 г.¹⁴³

Окрестности озера Галанского

Интересный в археологическом отношении район находится возле пересыхающего в летнее время озера Галанского. Его название происходит от слова «галанки». Так местные жители называли черепки болгарской гончарной посуды, которые в большом количестве находили в этой части городища¹⁴⁴.

Округа Галанского озера и территория к северо-востоку от него представляли собой ремесленный район, связанный с производством керамической посуды, изделий из кости, медных предметов, кузнечным делом и, вероятно, металлургией железа.

Северо-западный, юго-западный и северный берега озера изучались в 1948 (раскоп 16, О.С. Хованская), 1969 (траншея в западной части городища, Н.Д. Аксенова), 1980 и 1982 гг. (раскоп LXX, Г.Ф. Полякова, И.Н. Васильева). Здесь исследователи обнаружили большие запасы сырьевой глины серого и коричневого цвета, складированной в ямах. Находки многочисленных обломков болгарской посуды и горнов для обжига керамики дают возможность предположить, что здесь была гончарная слобода. Гончарное производство функционировало в середине XIV в., в период расцвета города. На берегах озера археологами изучено четыре гончарных мастерских с двухъярусными горнами на круглых и овальных основаниях. Сложные из сырцовых блоков, горны были размещены в специально вырытых котлованах. Ассортимент изделий разнообразен: мастера изготавливали корчаги, кувшины, кумганы, копилки, сфероконусы, водопроводные и дымогарные трубы, напрясла и другие изделия. Посуда покрывалась лощением, украшалась линейным, волнистым, фестончатым или гребенчатым орнаментом. Жилищ обнаружено не было. В 2016 г. исследования гончарного района были продолжены (раскоп ССХVI, А.Г. Ситдинов, С.Г. Бочаров)¹⁴⁵.

На северо-восточном берегу и к северо-востоку от озера признаки медеплавильного и медеобрабатывающего производства исследовались в 1969 (раскоп XXXIV, траншея в западной части, Н.Д. Аксенова), 1978–1979 гг. (раскопы LXI–LXIV, Н.Д. Аксенова, М.Г. Крамаровский, М.Д. Полубояринова, В.И. Ледяйкин), 1980 и 1982 гг. (раскоп LXX, Г.Ф. Полякова, И.Н. Васильева). Здесь предположительно находился дом мастера-медника первой половины – середины XIV в., найдены остатки тигля с капельками меди по стенкам, медные шлаки, обрезки медных пластин, проволоки, обломки бронзовых поделок крышек зеркал. Обнаружены также и развалины производственных печей и ям. Большое количество железного шлака, куски криц, множество железных изделий к северо-востоку от озера могут свидетельствовать о возможном существовании кузнечного ремесла и металлургии¹⁴⁶.

На северном берегу озера были обнаружены остатки косторезного производства: костяных поделок – пластин со сложным геометрическим

орнаментом, накладки рукояток ножей, навершия и многочисленные заготовки¹⁴⁷.

Район вокруг озера представляет собой интересный участок среды средневекового города с сохранившимися остатками производственной деятельности. Обнаруженные археологические материалы позволяют проследить весь процесс гончарного производства от заготовки глины на берегах озера, хранения ее в специальных ямах-хранилищах с деревянным настилом до промешивания и формовки разнообразной продукции на ручном и ножном кругах.

Каменные и кирпичные здания XIII–XIV веков

На территории Болгарского городища в настоящее время выявлено, законсервировано и отреставрировано 30 зданий культового и общественно-светского характера. Среди них мечети, минареты, мавзолеи, представляющие собой усыпальницы различных типов, и административные постройки. В центральной части городища, юго-восточной части, а также в районе Малого городка они составляют сложившиеся архитектурные ансамбли.

Соборная мечеть («Четырехугольник»)

Соборная мечеть представляет собой первое и единственное сохранившееся архитектурное сооружение раннезолотоордынского периода. Это главное здание комплекса, формирующего ансамбль общественного центра Болгара XIII–XIV вв., куда входили ханский дворец, Восточный и Северный мавзолеи, известные также под названием «Церковь св. Николая» и «Монастырский погреб» (рис. 149).

Прямоугольное по плану здание из известняка, размером 32 × 34 м (с учетом угловых объемов – 45 × 46 м) первоначально имело внутри 20 колонн и деревянную четырехскатную кровлю. К главному северному фасаду примыкали арочный портал входа и высокий минарет. Со всех сторон стены храма были оштукатурены и укреплены контрфорсами. С южной стороны размещался михраб, оформленный богатой орнаментальной резьбой. В начале XIV в. Соборная мечеть подверглась масштабной реконструкции, в том числе внутренней перепланировке – молельный зал был разделен на шесть нефов шестью восьмигранными колоннами.

В настоящее время объект представляет собой руины стен, угловых башен, оснований портала и фундаменты колонн и воссозданный в последние годы минарет. Исследовался археологическими раскопками в 1892 (комиссия ОАИЭ при Казанском университете в составе А.А. Штукенберга, Н.А. Фирсова, И.А. Износкова, Ф.Г. Мищенко и И.Н. Смирнова)¹⁴⁸, 1915 (ОАИЭ: Б.Е. Крелленберг, В.Ф. Смолин, М.Г. Худяков под руководством

С.И. Покровского)¹⁴⁹, 1946 (объединенная экспедиция ИИМК, ГИМ, ГМ ТАССР и Казанского филиала АН СССР во главе с А.П. Смирновым, раскоп 10, Н.Ф. Калинин)¹⁵⁰, 1964–1966 гг. (Болгарский отряд ПАЭ под руководством А.П. Смирнова)¹⁵¹.

В 1964–1967 гг. руины Соборной мечети были подвергнуты консервации и фрагментарной реставрации в пределах сохранившейся высоты стен и башен. Работы выполнены силами Казанской специальной научно-реставрационной производственной мастерской под руководством С.С. Айдарова. В результате этих работ поднята консервационная кладка из белого камня, настлан пол и отмостки, сделаны лотки – водоотводы. По трем башням были проведены консервационные мероприятия в виде восстановления утраченной облицовочной кладки из плит. Северо-западная башня как самая руинированная оставлена без изменений, над ней установлен козырек на металлических трубах. Из подлинных блоков собрана одна колонна с капителью, выставлены отдельные сохранившиеся базы колонн¹⁵².

Большой минарет

24-метровый «Большой столп» или Большой минарет имел, по свидетельствам очевидцев и иконографическим документам, значительное сходство с сохранившимся «Малым столпом» или «Малым минаретом». Он был в два раза выше и имел на фасаде резные арабские цитаты из Корана на арабском языке¹⁵³. Петр I, посетив Болгар в 1722 г., приказал верхнюю его часть оковать железными обручами, а казанский вице-губернатор Гурьев покрыл его деревянной кровлей. В 1837 г. благодаря пожертвованиям богатых казанских татар Большой минарет был оштукатурен, а деревянную кровлю заменили на железную. Рухнул в 1841 г.¹⁵⁴ (рис. 150).

В своих заметках профессор Казанского университета И. Березин отмечал: «Ныне большой столб, т.е. минарет уже не существует: его остатки лежат на месте падения. В 1846 г., проездом через болгарскую местность я видел несколько камней с надписью из Алькураана, принадлежавшие... упавшему минарету»¹⁵⁵.

На основании анализа историко-литературных и иконографических материалов XVIII–XIX вв.: А. Михайлова (1712)¹⁵⁶, Н.И. Савинкова и И. Крапивина (1732)¹⁵⁷, В.И. Татищева (1730-е годы)¹⁵⁸, Г.Р. Державина (1761)¹⁵⁹, П.С. Палласа (1768)¹⁶⁰, И. Лепехина (1767)¹⁶¹, Н.И. Кафтанникова (1819)¹⁶², П.П. Свинына (1823)¹⁶³, Ф.Х. Эрдмана (1825)¹⁶⁴, Э. Турнерелли (1837)¹⁶⁵, Г.Г. и Н.Г. Чернецовых (1838)¹⁶⁶, А. Дюрана (1839)¹⁶⁷, И.И. Второва (1840)¹⁶⁸, альбома архитектора А. Шмита¹⁶⁹ был разработан проект воссоздания Большого минарета Соборной мечети, который был реализован в 2000 г.

Это было продиктовано в том числе и религиозными соображениями и производилось в интересах паломников-мусульман, совершающих

традиционное поклонение своим святыням и ежегодно посещающих празднование дня принятия Ислама волжскими болгарами.

Восстановление минарета осуществлялось на подлинном известняковом фундаменте в соответствии с Международной хартией по сохранению и реставрации памятников и достопримечательных мест («Венецианская Хартия»), провозгласившей одним из принципов реставрации уважение «к подлинному материалу и достоверным документам»¹⁷⁰. При восстановлении минарета использовался известняк из Сюкеевского месторождения, расположенного на правом берегу Волги в окрестностях села Сюкеево¹⁷¹. Из этого материала сооружены все архитектурные памятники комплекса.

Восстановление Большого минарета значительно улучшило общее восприятие комплекса, обеспечило целостность и архитектурное единство Соборной мечети, Северного и Восточного мавзолеев по материалу, цвету, тону, структуре, форме и соразмерности. Утрата целостности и единства ансамбля после обрушения Большого минарета в XIX в., которая привела к потере выразительности, диссонирующим смысловым и стилевым несоответствиям с традиционной окружающей обстановкой, была, таким образом, преодолена.

В настоящее время для туристов и паломников доступна смотровая площадка минарета, откуда открывается прекрасный вид на Болгарское городище, его архитектурные памятники и окружающий природный ландшафт.

Северный мавзолей («Монастырский погреб»)

Северный мавзолей расположен в северной части комплекса, напротив северного фасада Соборной мечети. Сооружен в 30-х годах XIV в. (рис. 151).

В начале XVIII в. использовался монахами Успенского монастыря в качестве погребя, поэтому в литературе встречается другое его название: «Монастырский погреб». Здание построено из белого известняка. В облицовке использованы туфовые блоки. В плане представляет прямоугольник со сторонами 13 × 18 м. По мнению С.С. Айдарова, мавзолей, расположенный напротив главного северного фасада Соборной мечети, являлся более значимым и поэтому мог иметь более представительное оформление¹⁷².

Строительство мавзолея связано с завершением второй реконструкции Соборной мечети и благоустройством центральной площади города Болгара. Мавзолей являлся семейной усыпальницей болгарского знатного рода.

Памятник исследовался в 1964 (раскоп III, Т.А. Хлебникова) и 1966 г. (раскоп XIV, Т.А. Хлебникова)¹⁷³. В 1968–1969 гг. был реализован проект консервации и фрагментарной реставрации мавзолея, по которому над ним был создан защитный полусферический купол в виде железобетонной оболочки 10–15 см (облицованный камнем в настоящее время этот купол определяет внешний вид мавзолея). Кроме того, были раскрыты от поздней закладки окна, восстановлена арочно-стрельчатая форма входного проема,

основания пилонов порталного выступа и утраченные очертания нижней части наружных стен¹⁷⁴.

Современное использование памятника – лапидарий (выставка эпитафии XIII–XIV вв.).

Восточный мавзолей («Церковь св. Николая»)

Восточный мавзолей расположен в северной части комплекса, напротив восточного фасада Соборной мечети. Сооружен в 30-х годах XIV в. из белого камня (известняка и туфа) по типу восточных средневековых мусульманских усыпальниц с выносным порталом – мавзолеев-дербе (рис. 152).

В начале XVIII в. был перепланирован в православный храм – церковь Святого Николая.

Мавзолей в плане представляет квадрат с порталным входом с южной стороны. На прямоугольный призматический объем поставлен восьмигранник, переход к которому осуществлен через тромбы. Восьмигранник перекрыт куполом, полусферическим изнутри. По граням восьмигранника сохранились следы декоративных ниш. По периметру стен в определенных местах были встроены глиняные сосуды-голосники. Размеры в плане 10,8 × 10,8 м.

Строительство мавзолея связано с завершением второй реконструкции Соборной мечети и благоустройством центральной площади Болгара. Мавзолей являлся семейной усыпальницей знатного болгарского рода Бурашбеков.

Исследовался археологическими раскопками в 1964–1966 гг. (раскоп II, С.В. Морозова; раскоп XIII, Г.А. Архипов, Т.А. Хлебникова)¹⁷⁵ и в 1991–1993 гг. (раскоп СХІХ, М.М. Кавеев, В.С. Баранов)¹⁷⁶. В 1967–1968 гг. Восточный мавзолей был фрагментарно реставрирован¹⁷⁷. Последние консервационные работы проводились в 2006 г. Элементом музеефикации памятника стало устройство внутри памятника обходной галереи и демонстрация захоронения в археологическом раскопе.

Первоначальный облик обоих памятников в сопоставлении с обширным кругом мемориальных построек стран мусульманского Востока принадлежал к весьма распространенному типу шатровых мавзолеев с выносным порталом. Хронологически и отчасти композиционно близкими аналогиями являются следующие мавзолеи: Байтак в Казахстане (XI–XII вв.). Фахреддина-Рази в Хорезме (XII в.), Юсуфа, сына Кусейира, в Азербайджане (XII в.), безымянный в комплексе мечети Султана Алаеддина в Кании (XIII в.), Сеидов в Амоле (XIII–XIV вв.), безымянный в Куме (XIII–XIV вв.).

Родственные мотивы срезки наружных надтромповых углов четверика Северного и Восточного мавзолеев можно видеть в таких ранних беспортально-шатровых образцах, как мавзолей Гунбад-е-Сурх в Марате (XII в.), Назир-ул-Хак в Амоле (XV–XVI вв.), Гюлистан в Азербайджане (XIII в.), Большой в Ахлате (XIII в.).

В мавзолеях центрального комплекса города Болгара портал выносной: выделен объемным элементом, пристроенным к главному фасаду. Примерно в одно время с возведением данных памятников вынесение портала наблюдается в мавзольном строительстве Средней Азии. Это видно на примере портално-шатровых мавзолеев Хорезма – Наджм-ед-дина Кубра и Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче, построенных при привлечении Кутлук Тимура (1321–1333), и портално-купольных мавзолеев Киргизии – в Касане.

По технике исполнения и фрагментарному сходству он близок к каменным постройкам Закавказья, Крыма, Малой Азии. Родственные мотивы срезки наружных надтрюпных углов четверика можно видеть в беспортально-шатровых образцах – в мавзолее Гюлистан в Азербайджане и Большом Ахлатском мавзолее в древней Армении (вторая половина XIII в.). Последний имеет некоторую общность с нашим памятником и в части декора второго яруса фасада арочными нишками. Портально-шатровых мавзолеев в этих странах мы не встречаем, а порталы в купольных мавзолеях наблюдаем в постройках более позднего времени, чем болгарские памятники. Крымский мавзолей Мухаммед-Шах-бея (вторая половина XIV в.) аналогичен болгарскому не только в планировке и выносном порталном решении входа, но и в расчленении основного объема здания на наружный четверик и восьмерик идентичным срезом углов над трюпами.

Ближайшей аналогией мавзолеев центра Болгара является башкирский мавзолей Кэшэнэ у селения Чишма, что позволяет рассматривать этот памятник, как проявление болгарской архитектурной школы, не лишенной, возможно, и некоторого местного своеобразия¹⁷⁸.

Дом с башнями («Ханский дворец»)

Кирпично-каменное монументальное сооружение с угловыми башнями пилонами. Расположено на краю верхнего плато городища, в 90–100 м к северо-востоку от Соборной мечети, над баней «Красная палата». Памятник исследовался с перерывами в 1994–2011 гг. (раскоп СХХIII, Р.Ф. Шарифуллин)¹⁷⁹. Накопленный в ходе раскопок материал позволяет соотнести время начала его строительства с серединой XIII столетия. На объекте имеется богатый комплекс находок, 30% нумизматической коллекции представлены монетами 1240–1259 гг.

В рамках музеефикации объекта осуществлен проект по превращению территории памятника в музей под открытым небом, целью которого стало сохранение целостности архитектурных остатков здания, демонстрация особенностей раннеордынского монументального строительства, а также образный показ методами художественно-графического воспроизведения и объемного моделирования археологических объектов, артефактов, напластований культурного слоя Болгарского городища. Для выполнения задачи предохранения объекта от осадков и усиления эстетического воздействия

на посетителей над памятником выстроен предохранительный купол, стилистически воспроизводящий особенности легких архитектурных конструкций восточного Средневековья.

Объект включен в туристический показ и экспонируется под навесом из светопрозрачных материалов. Внутреннее пространство памятника, замощенное плинфой, используется как выставочный зал для размещения здесь копий и оригиналов камней с орнаментом из раскопов, фрагментов белокаменных декоративных элементов древних построек (рис. 153).

Черная палата

Черная палата расположена в 400 метрах к югу от комплекса Соборной мечети и на таком же расстоянии к востоку от комплекса Малого городка. Здание, построенное из белого камня в середине XIV в., известно, как и многие из архитектурных построек Болгарского комплекса, по историческим источникам с XVIII в.¹⁸⁰ (рис. 154). Точное его назначение не установлено. Среди предполагаемых версий – дом суда (П.С. Паллас¹⁸¹, Ф.Х. Эрдман¹⁸², П.П. Свиньин¹⁸³, Н.Н. Кафтанников¹⁸⁴, С.С. Айдаров¹⁸⁵), мечеть (И.П. Березин¹⁸⁶, А.П. Смирнов¹⁸⁷), медресе (Н. Савенков¹⁸⁸), странноприимный дом (Ф.Х. Валеев¹⁸⁹, Г.М. Давлетшин¹⁹⁰) или мавзолей (В.В. Егерев¹⁹¹, Э.Д. Зиливинская¹⁹²). Исходя из имеющихся сведений, Черная палата может являться единственным сохранившимся гражданским сооружением XIV в.

Сохранилась центральная ячейка здания, часть более обширного сооружения с боковыми помещениями, расположенными по периметру вокруг нее. Здание изнутри оштукатурено и украшено алебастровой лепниной, состоящей из профилированных тяг, звездчатых розеток, колонок с капителями, сталактитов на троповых скосах.

Археологические исследования у Черной палаты проводились в 1957 (раскоп 46, А.П. Смирнов)¹⁹³, 1966 (раскоп XV, А.С. Воскресенский)¹⁹⁴.

Объект обнаруживает общее сходство с обширным кругом восточных сооружений рассматриваемого времени, наблюдаемое в конструкции центрального подкупольного ядра, нагляднее всего со среднеазиатскими сооружениями, относящимися к середине и второй половине XIV в., а именно сячейкам мавзолеев Тюрябек-ханым в Куны-Ургенче, Ширин-бикаака в ансамбле Шах-и-Зинда. Родство со среднеазиатскими постройками в Черной палате обнаруживается и в приеме строительной техники, в том, что туфовые блоки внутренней и частично наружной облицовки вытесаны по форме и размерам, близким к кирпичным. Сталактитовые переходы осуществлены предварительным напуском трех рядов диагонально заделанных блоков (по размерам близких к кирпичным) в приеме «ячеисто-сталактитового паруса», что отмечается в Средней Азии, в Хазаринской мечети, еще в VIII–IX вв.

Широкое распространение он получил в среднеазиатских постройках XIV в. – мавзолеях Гумбез Манэса, среднем из группы Касана, Хасан-и-Сауруни близ городища Ваенган в Хорезме, Наджмеддина-Кубра в Куния Ургенче, Сейид Алаеддина в Хиве, Хазрети-имам в Шахрисябзе и др. Таким образом, Черная палата по структуре и художественной трактовке центральной ячейки стоит ближе всего к среднеазиатской архитектуре. В этой связи важно отметить, что в архитектуре Средней Азии наружное шатровое (коническое или пирамидальное) покрытие венчает только мавзолеи. Эта закономерность, возможно, распространялась и на постройки других мусульманских стран рассматриваемого времени, в том числе и Волжской Болгарии¹⁹⁵.

Также существует мнение о близости здания малоазийским постройкам XIV–XV вв. и отнесении его к памятникам, возникшим под влиянием закавказско-сельджукской школы¹⁹⁶.

Малый минарет

Малый минарет расположен в 500 метрах к югу от центрального комплекса Соборной мечети, рядом с Ханской усыпальницей. Минарет сооружен во второй половине XIV в. по образцу Большого минарета Соборной мечети. Здание построено из отесанных туфовых и известняковых блоков, представляет собой массивный столп, нижнее кубовидное основание которого, при помощи плоских треугольных скосов плавно переходит в восьмигранный промежуточный ярус, который подобными же, но более мелкими скосами (в данном случае внешними, а не внутренними) переходит в круглое основание вышележащего яруса. Над цилиндрическим, несколько сужающимся кверху стволом минарета располагается невысокий барабан верхнего яруса с конической кровлей по деревянным стропилам. Наверх внутри минарета ведет винтовая каменная лестница в 45 ступеней. С северной стороны нижнего четырехгранного яруса располагается вход в лестничное помещение, с западной стороны на том же уровне – арочная ниша со следами декоративной резьбы по камню и позднейших разрушений и ремонтов. Высота минарета около 10 м без шатрового завершения¹⁹⁷. По общему объемно-композиционному строю Малый минарет относится к местному варианту распространенного типа каменных минаретов, расчлененных на нижний четверик, переходный восьмерик и два верхних цилиндрических яруса. Такие минареты создавались главным образом в северных странах Ближнего Востока, в Закавказье и Крыму. Квадратное основание Малого минарета ориентировано точно по странам света. На юг обращен выход на верхнюю обходную галерею, на запад – ниша. Как было установлено археологическим обследованием А.П. Смирнова, с глухих сторон нижнего яруса к минарету не примыкали какие-либо строения, и он является отдельно стоящим на месте захоронения¹⁹⁸ (рис. 155).

Малый минарет – единственный сохранившийся до наших дней в первоначальном виде средневековый архитектурный болгарский памятник.

Район расположения минарета изучался археологическими раскопками в 1967–1968 гг. (раскопы XVII, XXVII, Н.Д. Аксенова)¹⁹⁹. В 1968–1970 гг. была проведена реставрация памятника²⁰⁰. Для фрагментарной реконструкции орнамента ниши был использован рисунок Д.И. Корсунцева, зафиксировавшего ее при раскрытии от поздней кирпичной закладки в 1920 г.²⁰¹

Ханская усыпальница

Ханская усыпальница расположена в 15 метрах к северу от Малого минарета на территории бывшего кладбища. Здание построено в начале XIV в. из белого известняка, представляет собой небольшую, квадратную в плане, беспортальную купольную постройку, является образцом кубических мавзолеев центрально-купольного типа, распространенных в странах мусульманского Востока. В ней вскрыто 8 погребений в ящиках-табутах, некоторые из которых находились под кирпичными надгробиями (рис. 156).

В середине XIV в. Ханская усыпальница была реконструирована и превратилась в целый комплекс объектов, включающий, кроме ее самой, еще три здания: «Восточный», «Западный большой» и «Западный малый» мавзолей²⁰².

Археологическое исследование памятника проводилось в 1914 г. (С. Покровский, М.Г. Худяков и Б. Крелленберг)²⁰³ и в 1968–1969 гг. (раскоп XXVI, Ю.А. Краснов; раскоп XXIX, Н.Д. Аксенова)²⁰⁴.

В 1968–1971, 1990, 2006 гг. были сделаны консервация и фрагментарная реставрация памятника. «На Ханской усыпальнице были восстановлены почти целиком утраченные южная и восточная стены с оконными проемами, входной проем северной стены, сферический купол, основания стен западного и восточного пристроев, основание отдельно стоящего западного сооружения с арочной нишей и топочным отверстием перед внутренним круглым очертанием бывшей полусферической печи и прочие, менее значительные элементы»²⁰⁵.

Малый городок

Малый городок расположен на южной оконечности Болгарского городища, за его пределами, к западу от южных въездных ворот города XIV в., в 2 км от берега р. Волга.

Это небольшая, вытянутая с севера на юг и огороженная невысоким валом и неглубоким рвом территория. Внутри Малого городка находится прямоугольной формы площадь с каменными зданиями, также огороженная валом и рвом. Внешние размеры: 290 м – восточная сторона, 330 м – западная, 300 м – северная, 150 м – южная. Второй пояс – внутренний. Валом

и рвом отгораживает внутри Малого городка прямоугольной формы площадь с каменными зданиями²⁰⁶. По обмерам П.Н. Ефимова в 1919 г., общая протяженность внутренней оборонительной линии составляла 320 м, внешней – 839 м²⁰⁷.

Композиционным центром ансамбля служили монументальные двухбашенные ворота с широким – более 4,0 метров проездом с северной стороны комплекса, обращенной к городскому валу. Башни-пилоны, симметрично фланкировали проезд и имели в плане форму прямоугольников (8,0 × 9,0 м). Внутри башен вели узкие проходы из проезда, причем из наружной (до створок ворот) его части. Западная башня внутри монолитной толщи имела винтовую лестницу, восточная представляла собой зальное помещение со сводчатым перекрытием. Сооружение построено из белого известняка. В плане обе башни – близкие квадрату прямоугольники, приблизительно равные по размеру (около 8 × 9 м). Западная башня имеет внутри винтовую лестницу, от которой сохранились четыре нижние ступени и площадка пятой. Цоколь здания был образован кладкой сохранившейся на один ряд высоты и был выполнен крупными quadroобразными блоками песчаника. Цоколь выступал на высоту 0,50 м над дневной поверхностью. Вся кладка обмазывалась белым известковым раствором толщиной около 0,05 м, и этим же раствором проливался верх фундамента, выстланный плиткой и присыпанный по верху песком. Основной массив башен сложен монолитом полубутового типа. Сначала выкладывался ряд фасадной кладки с подбором камней и перевязкой их по вертикали. Затем внутрь кладки производилась засыпка мелкого битого камня и булыжника, которое заливалось известковым раствором толщиной 0,03–0,05 м. Внутренняя забутовка сохранилась на высоту от 0,90 до 2,20 м. Фундамент здания исследован на глубину 2,10 м²⁰⁸.

Вторая монументальная постройка Малого городка («Южное здание»), также встроенная в линию рва, примерно посередине его так, что не выходит передней стеной за его границу, располагалась с противоположной – южной стороны внутренней площадки. Сохранилась в основном его подземная часть, основание. Это прямоугольная постройка, имеющая размеры сторон 18,9 м – юг, 19,10 м – север, 13,15 м – восток, 13,05 м – запад, вытянутая по направлению рва с востока на запад. Внутри здание было разделено легкой перегородкой на два помещения. Исследования показали, что его строительство не было завершено. Кладки верхней части фундамента и стены выполнены не регулярно, из бутового камня с перевязкой внешних углов здания. Камень – туф, слоистый песчаник иногда известняк. Средний размер камней 0,20 × 0,30 м. Кладка фундамента сохранилась на высоту до шести – семи рядов кладки (1,20 м). Кладка стен сохранилась на высоту от двух до трех рядов кладки (0,30–1,10 м). Назначение здания неизвестно²⁰⁹ (рис. 157).

Третье по счету каменное сооружение представлено небольшой квадратной (5,20 × 5,30 м) постройкой с широким (2,70 м) входным проемом

с восточной стороны. Здание располагалось между двумя поясами обороны, напротив северо-восточного угла внутренней площадки. Вдоль боковых стен помещения имелись каменные суфы-скамейки, а в стене напротив входа – ниша михраба, маркированная снаружи здания контрфорсом. Перед нишей расчищены остатки небольшого водоема с водоотводным каналом. Таким образом, это остатки небольшого помещения, предназначенного для совершения омовений – важной составляющей большинства средневековых восточных ритуалов религиозного или светского, церемониального характера. Сохранность здания не равномерна, от двух до пяти рядов кладки. Кладка стен двухлицевая трехслойная иррегулярная сложена из камней известняка и песчаника на глиняном растворе. Сохранилась на высоту от 0,30 до 0,90 см²¹⁰.

Все изученные сооружения Малого городка возводились в технике бутаковой каменной кладки на алебастровом растворе с подборкой лицевых поверхностей камней с последующим оштукатуриванием. Есть следы вторичного использования строительных материалов из более ранних разобранных построек Болгара. Археологи-исследователи отмечают, что работы по возведению ансамбля явно велись по единому плану и продолжались недолго – один сезон. Находки, полученные при раскопках, крайне скудны, что также свидетельствует о кратковременности их накопления, но достаточны для того чтобы уверенно датировать этот период серединой XIV в.²¹¹

Все три здания фрагментарно отреставрированы.

Название Малый городок впервые зафиксировано в 1712 г. в описи дьяка Михайлова. Объект неоднократно упоминался разными авторами при описании Болгарского городища²¹².

Единого мнения о назначении Малого городка у исследователей нет, так как возведение его было прервано, возможно, из-за захвата города Булак-Тимуром в 1361 г. Считается, что это остатки недостроенного репрезентативного, парадного комплекса или караван-сарая. Рассматриваются также варианты его фортификационного и культового назначения²¹³.

Памятник археологически исследовался в 1893 (И.Н. Смирнов, А.И. Александров)²¹⁴, 1946 (раскоп 11, О.С. Хованская)²¹⁵, в 1981–1984 гг. (раскоп LXXIX, Т.А. Хлебникова, Л.А. Беляев; LXXX, LXXXVII, Л.А. Беляев)²¹⁶. С 2011 г. археологические работы на Малом городке продолжены²¹⁷.

Греческая палата (руины)

Памятник расположен на территории урочища «Армянская колония» в 150–200 м к западу от укреплений Болгарского городища, на нижней террасе левого берега Волги и на 3 км тянется полосой (шириной в 50 м от берега) в направлении урочища «Ага-Базар»²¹⁸ (рис. 158).

Раскопками выявлены деревянные жилища и серия погребений. Анализ полученных материалов свидетельствует о существовании здесь в XIV в.

торговой христианской колонии и кладбища. Здесь же выявлены остатки каменной культовой постройки, получившей название Греческая палата, которая является руинами христианского храма. Здание построено в XIV в. из тщательно отесанных известняковых блоков. Возможный его прототип – Церковь Св. Богородицы (Сурб Аствацацин) в монастыре Норавак (Армения), строительство которой было окончено в 1339 г.²¹⁹

В середине XX в. палата сохранилась на уровне фундамента и одного-двух рядов кладки каменных стен. Здание прямоугольное в плане, размерами 16,4 × 12,6 м. Вытянуто с запада на восток, и не имеет алтарного выступа в восточной стене – характерного элемента одноэтажных христианских храмов²²⁰.

Здание археологически исследовалось в 1916 (В.Ф. Смолин)²²¹ и в 1945–1947 гг. (раскопы 7–8, А.П. Смирнов, А.М. Ефимова)²²².

В настоящий момент объект законсервирован.

Армянская колония и Греческая палата в Болгаре являются свидетельством прочных и обширных международных связей Волжской Болгарии.

Рыночная площадь (Центральный базар)

Объект расположен в 100–150 м к юго-западу от Соборной мечети на территории бывших землевладений жителей села Болгары Бушевых и Курсиных. Представляет собой археологизированные остатки монументального здания, состоящие из фундаментального рва подквадратной конфигурации шириной до 1,2 м и глубиной около 1 м и размещенных внутри этого «каре» сырцовых конструкций.

Является несомненным светский характер сооружения. Находки позволяют уверенно говорить о его торговом назначении. Здесь обнаружены многочисленные весовые гирьки, чашечки и другие детали весов, товарные пломбы, пробирные камни со следами золота на поверхности, слиток серебра и золота, большое количество медных и серебряных монет. Судя по датам монет, возведение этого монументального сооружения можно отнести к 1340–1350-м годам, а разрушение – ко второй половине 1360-х или 1370-м годам.

Обнаруженная постройка по размерам (34 × 37 м) сопоставима с Соборной мечетью. Стены здания были кирпичными и покоились на белокаменном фундаменте. Кирпич укладывался на глиняном растворе. В отдельных случаях использовался известковый раствор и алебастр. Наибольшая ширина кладки могла составлять четыре кирпича.

Расположение здания в центральной части города XIV в. позволяет рассматривать его в качестве главного крытого базара Болгара. Внутри располагались пристенные ряды лавок, разделенные внутренними перегородками из дерева на ленточных цоколях из сырцового кирпича и балочными перекрытиями.

Кроме того, базар включал еще четыре павильона 10,6 × 9 м, стены которых также покоились на ленточных цоколях из сырцового кирпича. Эти павильоны, видимо, тоже предназначались для размещения лавок или торговых площадок. Внутри каждого из них располагались меньшие (примерно 4 × 3 м) прямоугольные помещения, имевшие точно такие же сырцовые цоколи. Возможно, они служили кладовыми для товара, не выставленного на продажу²²³.

Архитектурные особенности сооружения характерны для построек нижеволжских золотоордынских городов, а также среднеазиатских и иранских строений XIV–XV вв.²²⁴

Исследования здания проведены в 1989–1993, 2000 (раскопы CIV, CV, CVIII, CIX, CXIII, CXV, CXVIII, М.Д. Полубояринова, Г.Ф. Полякова, Н.А. Кокорина)²²⁵, 2011 (раскоп CLXII, В.С. Баранов, В.Ю. Коваль)²²⁶, 2012 (раскоп CLXXVI, В.С. Баранов; раскоп CLXXIX, В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев)²²⁷, 2013–2016 гг. (раскопы CXCII, CLXXIX, В.Ю. Коваль, Д.Ю. Бадеев)²²⁸ (рис. 159).

Мавзолеи

Мавзолеи (руины)

Среди монументальных каменных построек Болгарского историко-археологического комплекса особое место принадлежит ритуальным сооружениям – мавзолеям. Кроме Восточного и Северного мавзолеев, Ханской усыпальницы, на территории Болгарского городища, южнее центральной части, в юго-восточном районе в округе Малого минарета и в южных районах расположены еще 9 мавзолеев, сохранившихся на уровне фундаментов, и 4 мавзолея, скрытых под холмами.

Мавзолеи построены из известняка преимущественно в середине XIV – начале XV в. Захоронения в них свидетельствуют о том, что это погребения знатных, особо почитаемых лиц. Все погребения совершены по мусульманскому обряду и сходны с погребениями городских кладбищ.

Мавзолей № 1

Объект находится в 150 м к юго-востоку от Малого минарета, построен в последние десятилетия XIV в. От здания сохранился котлован ленточного фундамента, отдельные незначительные участки кладки и большое количество строительного мусора. Размер постройки 6,60 × 7,00 м. Толщина стен от 0,90 до 1,00 м. К южной стене примыкал портал длиной 2,50 м и шириной 2,0 м, от которого зафиксированы остатки кладок пилонов. Траншея ленточного фундамента забита туфовой щебенкой с обломками гончарной керамики и залита известковым раствором. На такой

вымостке велась трехслойная двухлицевая кладка из разномерных не обработанных камней известняка и туфа, на известковом растворе. В раствор была добавлена мелкотолченная керамика, из-за чего он приобрел розовый цвет. Глубина фундамента 0,80 м. В слое найдены куски штукатурки. Пол сооружения – земляной. В мавзолее было совершено одно захоронение по мусульманскому обряду²²⁹.

Памятник археологически исследовался в 1970–1971 гг. (раскоп XXXVII, Н.Д. Аксенова)²³⁰.

В 1971 г. проведена консервация остатков мавзолея с применением подлинных камней из раскопа. В 2012 г. кладка отремонтирована, дополнена одним рядом консервационной кладки, проведена сигнационная линия, разделяющая разновременные ряды кладки. Для защиты от разрушения корневой системой растений вокруг здания выполнена отмостка и засыпка гранитным щебнем центральной части²³¹.

Мавзолей № 2

Расположен в 350 м к юго-востоку от Малого минарета и в 110 м. от мавзолея № 1. Время строительства – последние десятилетия XIV в. От постройки сохранился котлован ленточного глиняного фундамента, отдельные незначительные участки кладки фундамента и стен, локальные участки пола и отмостки, а также плитки резного ганча и куски штукатурки. Сооружение квадратное в плане. Размер постройки 9,60 × 9,60 м. Глубина фундамента и толщина стен – 1,00 м. К северной стене примыкали два пилона основы арочного портала длиной 2,0 м и шириной 3,0 м. Пол портала был на одном уровне с полом здания и выполнен слоем известкового строительного раствора толщиной 0,12 м. Внутри помещения пол был выстлан деревянными досками. Вокруг стен сооружения прослежена вымостка из щебенки, залитой известковым строительным раствором. Кладка стен трехслойная двухлицевая на известковом растворе. Для лицевых кладок использовались крупные блоки известняка. Внутри сооружение было тщательно оштукатурено. В мавзолее было совершено 7 погребений по мусульманскому обряду²³².

Объект исследовался в 1976–1977 гг. (раскоп LIV, Н.Д. Аксенова)²³³.

Консервация остатков мавзолея проведена в 1977, 2012 гг.²³⁴

Мавзолей № 3

Памятник находится в 250 м восточнее Малого минарета и относится ко второй половине XIV в. От постройки сохранился котлован ленточного фундамента, отдельные незначительные участки кладки фундамента и пилона, а также куски строительного раствора и мелкие камни известняка. Мавзолей прямоугольный в плане. Размер постройки 5,50 × 5,30 м. Ширина

стен фундамента от 0,70 до 1,00 м. Глубина фундамента 0,80 м. К северной стене примыкал портал длиной 2,00 м и шириной 1,70 м. Кладка фундамента выполнена из мелких камней туфа и известняка. Для ее заливки использован строительный известковый раствор, очень хрупкий и не качественный. В мавзолее было совершено 4 захоронения по мусульманскому обряду²³⁵.

Мавзолей № 3 исследовался в 1981 г. (раскоп LXXVII, Н.Д. Аксенова)²³⁶.

Консервация остатков мавзолея проведена в 1981, 2012 гг.²³⁷

Мавзолей № 4

Расположен в 600 м к юго-востоку от Малого минарета и в 230 м от мавзолея № 1. Время строительства – вторая половина XIV – начало XV в. От постройки сохранился котлован ленточного фундамента и строительный мусор – известняковая крошка и известняковый щебень. Сооружение квадратное в плане. Размер котлована постройки 8,60 × 8,60 м. Ширина стен от 0,70 до 0,90 м. Сохранившаяся глубина котлована 0,10–0,12 м. Дно котлована не доходит до материка и впущено в позднеордынский слой. Следы входного проема не зафиксированы. Предположительно он находился в северной стене, так как это было единственное место не занятое погребениями. В мавзолее было совершено 11 погребений. Три из них детские, четыре погребения полностью или частично нарушены при захоронении следующих покойников²³⁸.

Объект исследовался в 1981 г. (раскоп LXXVI, Н.Д. Аксенова)²³⁹.

Консервация остатков мавзолея проведена в 1981, 2012 гг.²⁴⁰

Мавзолей № 5 (двухкамерный)

Памятник второй половины XIV в. находится на южной окраине города в 300 м севернее южных городских ворот. Здание возведено на возвышенности, окруженной низиной. От мавзолея остался незначительный холмик строительного мусора и ленточный котлован. Мавзолей прямоугольный в плане. Размер постройки 14,0 × 8,0 м. Ширина стен от 1,20 до 1,30 м. Вход с южной стороны. Зафиксированы котлованы фундамента под арочный пилон входа. Портал длиной 2,00 м и шириной 2,50 м.

Внутреннее пространство состояло из двух помещений. Первое размером 6,0 × 6,0 м и второе – 5,0 × 5,0 м. В большем помещении было совершено восемь захоронений, а в меньшем – четыре. Котлован под фундамент постройки заполнялся кусками битого известняка и заливался известковым раствором. Найдены отдельные обломки тесаных блоков известняка и следы штукатурки²⁴¹.

Объект исследовался в 1983–1985 гг. (раскоп LXXXVIII, Н.Д. Аксенова)²⁴².

Консервация остатков мавзолея проведена в 1985, 2012 гг.²⁴³

Мавзолей № 6

Здание расположено в центральной части Болгара в 150 м к югу от городского центра и построено в середине XIV в. Его остатки, сохранившиеся до момента исследования, маловыразительны. Они представляют собой котлован, образовавшийся в результате разборки фундамента мавзолея в XIX в. с целью добычи камня.

Основным критерием для реконструкции сооружения стали археологические наблюдения над котлованом и распространением строительного мусора. Размер котлована постройки 8,60 × 8,60 м. Сооружение квадратное в плане 4,00 × 4,12 м. Ширина стен от 0,70 до 0,90 м. Глубина фундаментной траншеи составила около 1,40 м. Вход в постройку скорее всего оформляли выступы – пилоны, расположенные в южной части постройки. Ширина этих выступов 1,20–1,25 м. Расстояние между ними 1,50 м. Судя по заполнению поздних хозяйственных ям, стены были возведены из известняка и туфа на известковом растворе. Находки кусков алебаstra дают возможность предположить, что стены постройки были оштукатурены²⁴⁴.

Мавзолей исследовался в 1976–1977 гг. (раскопы LIII, LVI, Г.Ф. Полякова)²⁴⁵.

Консервация остатков мавзолея проведена в 1977, 2012 гг. Выполнена трехслойная кладка, аналогичная болгарской: лицевые стороны из обработанных больших камней, середина забутована мелким камнем с проливкой их раствором²⁴⁶.

Южный мавзолей

Мавзолей расположен в отдалении от основных памятников Болгара, на относительно плоском рельефе. Выявлен в 2012 г. во время археологических исследований невысокого холма, находящегося в южной части Болгарского городища, недалеко от южного проезда. Здание, построенное из белого камня в конце XIV в., известно по историческим описаниям с XVIII в.²⁴⁷

Мавзолей прямоугольной формы 10,2 × 9,7 м. Опираясь на аналогии известных погребальных сооружений Болгара и данные, полученные в ходе археологических работ, исследователи памятника с осторожностью предполагают, что внешний его облик представлял собой классическую конструкцию, традиционную для этого места и времени – восьмерик на четверике, перекрытый шатровым куполом, под которым располагался внутренний полукруглый купол. Вход был расположен с северной стороны

и маркируется двумя мощными каменными пилонами длиной 2,7 м. Внутри здание было восьмигранным. Основание фундамента мавзолея представляет собой ряд грубо обработанных камней вытянутой формы размерами 45–50 × 20–30 см, плотно стоящих друг к другу под наклоном. Камни поставлены всухую без использования раствора. Внутри мавзолея, в его южной части, зафиксировано девять захоронений в грунтовых могильных ямах прямоугольной формы. Три захоронения оказались нарушены грабительской ямой. Все умершие находились в гробах ящичного типа, сколоченных из толстых и широких досок или плах²⁴⁸.

Вокруг мавзолея существовало открытое кладбище. Исследовано 90 погребений. В ходе археологических исследований установлено, что основную их часть составляет исламизированное население городища, захороненное с соблюдением мусульманского погребального обряда. Но здесь же отмечены и случаи отклонения от этих традиций – присутствуют признаки частичной кремации умерших. В северо-западном углу памятника найден белокаменный намогильный камень с килевидным завершением и рельефной арабской надписью²⁴⁹.

Мавзолей исследовался в 2012 г. (раскоп CLXXIV, И.И. Елкина, А.В. Лазукин)²⁵⁰ (рис. 160).

В связи с тем, что остатки мавзолея в основном представляют забутовку с плохо сохранившейся кладкой, на данном объекте принято решение вести консервацию путем просыпки остатков стен щебнем и проливкой его раствором для закрепления и защиты от растаскивания. Наиболее хорошо сохранившаяся кладка в портале была укреплена и законсервирована путем устройства ряда консервационной кладки из известковых блоков серого цвета. Консервационная кладка стен аналогична родной кладке портала²⁵¹.

Бани

К настоящему времени в Болгаре изучены полностью остатки шести построек общественных бань. Имея много общих конструктивных черт, они тем не менее различаются расположением, размерами, планировочными особенностями, материалом и временем строительства.

Известные бани Болгара, за исключением бани № 1с анфиладным расположением помещений, представляют собой типичные восточные бани – хаммам. Планировочная структура таких сооружений выглядит следующим образом: прямоугольный (чаще квадратный) объем, с вписанным в него крестообразным залом, между сторонами которого устроены квадратные кабины-мыльни, представляет собой основу постройки и имеет подпольную систему обогрева. С двух противоположных сторон к нему, как правило, пристраивались служебные и вспомогательные помещения. Служебная часть предназначалась для тепло- и водоснабжения центральных помещений. Вспомогательные комнаты, иногда отделенные от мылен

промежуточным тамбурным помещением, предназначались для переодевания и отдыха посетителей. Вариантами этого классического типа, причем весьма близкими, и являются болгарские бани, что роднит их с подобными же единовременными сооружениями Нижнего Поволжья, Азербайджана и Средней Азии²⁵².

Все известные постройки центральных районов Волжской Болгарии с подпольным отоплением, как золотоордынского, так и домонгольского периодов, имеют отопление в виде системы жаропроводящих подпольных каналов с вертикальными тяговыми дымоходами. Эта система принудительной циркуляции дыма и жара также характерна для большинства восточных хаммам²⁵³.

Красная палата (руины)

Красная палата – остатки древней бани, условно названной так по красному цвету покраски внутренних стен. Расположена у подножия коренной волжской террасы, на левом берегу р. Меленки (в настоящее время берег Куйбышевского водохранилища), к северу от архитектурного комплекса городского центра. Построена в XIV в., окончательно разрушена в 30-х годах XV в. В конце XIX в. была частично разрушена местными крестьянами. От здания, вытянутого с запада на восток почти на 32 метра (включая и пилястры входной арки), при ширине до 24,0 м, сохранились фундаменты и основание стен, системы подпольного отопления, водопровода и канализации, каменные чаши водоемов и другие детали. Стены бани на время исследований сохранились на высоту от 0,20–0,35 м до 2,45–3,00 м, на уровне 1,90 м отмечены кирпичные карнизы. Кладка стен трехслойная двухлицевая иррегулярная из разномерных камней известняка на известковом растворе. Толщина стен от 0,80 до 1,00 м. Дверные проемы выложены кирпичом размером 0,20 × 0,20 м при толщине до 0,06 м. По внутренней поверхности кладки стен были оштукатурены в несколько слоев известковым раствором с добавлением цемьянки и имеющего красно-розовый оттенок. Пол предбанника был выложен плитками известняка на известковом растворе с песчаной подсыпкой в нижней части²⁵⁴ (рис. 161).

Постройка Красной палаты свидетельствует о хорошо развитой строительной технике волжских болгар и высоком уровне благоустройства центральной части Болгара. Судя по размерам и богатству оформления помещений, Красная палата являлась общественной баней, обслуживавшей более или менее зажиточные слои населения²⁵⁵.

Обследована впервые членами Общества археологии в 1899 г. Исследована в 1938–1940 гг. (раскоп 4, А.П. Смирнов, Н.Ф. Калинин, А.М. Ефимова)²⁵⁶. В настоящее время законсервирована: засыпана грунтом и огорожена от реки дамбой.

Восточная палата («Ханские палаты или баня») (руины)

Восточная палата («Ханские палаты или бани») – кирпично-каменное здание общественной бани. Здание было построено во второй половине XIII в., и, судя по нумизматическому материалу, просуществовало до 30–40-х годов XIV в.²⁵⁷ Объект известен по историческим описаниям с XVIII в.²⁵⁸

Баня расположена примерно в 200 м к юго-востоку от Соборной мечети. В здании прослеживается внутреннее устройство помещений, следы инженерного обеспечения: системы подпольного отопления, дымоходов, водоснабжения, канализации. Сооружение носит следы сильного разрушения, вызванного заготовкой камня из древних развалин в конце XIX в. Отдельные участки кладки разобраны вплоть до фундамента. Общий план здания напоминает Красную и особенно Белую палату. Здание является остатками самой крупной и наиболее ранней общественной бани Болгара.

Сооружение ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Общий размер 39,0 × 19,0 м. Контур постройки состоит из трех прямоугольных в плане и различных по размеру помещений. Центральное помещение (размеры 24,5 × 19,0 м) включало в себя второй отапливаемый предбанник, центральный зал (крестообразный в плане) и четыре банных комнаты. Западное помещение (размеры 14,0 × 10,0 м) представляло собой первый отапливаемый предбанник с суфой. Конструкция суфы состояла из печи – тандыра и двух каналов для теплого воздуха, выложенных сырцовыми кирпичами и зафиксированных у северной и западной стен первого предбанника. Западное помещение (первый предбанник) примыкало к юго-западной стене центральной части. Третий самостоятельный объем объекта – восточное помещение (размером 4,5 × 11,0 м) включал в себя отопительную печь с тремя воздухоотводными каналами и примыкал с востока к северо-восточной стене центрального здания бани²⁵⁹.

Восточная палата археологически исследовалась в 1984–1989 гг. (раскопы ХС, ХСІ, ХСІV, ХСV, М.Д. Полубаяринова, Р.Ф. Шарифуллин); 1988, 1990, 1993 гг. (раскопы СII, СХ, СХХI, Р.Ф. Шарифуллин)²⁶⁰.

В 1996 г. была проведена консервация остатков здания с применением подлинных камней из раскопа. В 2011 г. консервационная кладка была отремонтирована и поднята на несколько рядов, по возможности убран цементный раствор. С целью большей информативности объекта были устроены отопительные каналы и обозначена печь, примыкающая к ним. В целях защиты от разрушения корнями растений вокруг здания выполнена отмостка, внутри устроены полы из плитки и белого камня, часть полов в основном помывочном помещении осталась открытой для возможности демонстрации отопительных каналов²⁶¹ (рис. 162).

Белая палата

Общественная баня «Белая палата» расположена в 250 метрах к юго-востоку от Черной палаты. Здание было построено в 30–40-х годах

XIV в., функционировало до 60-х годов XIV в.²⁶² Хорошо известно по историческим описаниям, художественным изображениям с XVIII в.²⁶³

Здание размером в плане 33 × 17 м состоит из нескольких разновеликих прямоугольных объемов. Крестообразное по форме, с центральным купольным залом, оно несет следы внутреннего оформления: остатки центрального моечного отделения с бассейном и фонтаном, расположенными по углам номерами.

Стены бани сложены из разномерных камней известняка на плотном качественном известковом растворе с облицовкой квадратными блоками по наружной стороне, забутовкой в толще кладки и рядовой бутовой кладкой с известковой штукатуркой внутренних поверхностей стен. Кладка стен трехслойная двухлицевая с достаточно четким соблюдением каменных рядов. Толщина кладки колеблется в диапазоне от 0,85 до 1,15 м. Мощность фундаментов до 1,4 м. Отмечается единичное использование тесаных блоков при кладке внешних углов строения и дверных проемов.

Прослеживается система подпольного отопления, водопровода и канализации.

Баня отапливалась двумя печами. Печи круглые в плане имели диаметр 2,0 м, были перекрыты купольными сводами, реконструируемая высота одного из которых около 1,4 м. Печь и воздухоотводные каналы выполнены из плит песчаника среднего размера. Устье второй печи было выложено с арочным перекрытием высотой 0,8 м и имеет ступенчатый спуск в предпечную яму (глубина 1,6 м) от уровня пода печи. Спуск в предпечную яму выполнен из тесаных блоков известняка²⁶⁴.

Белая палата – образец болгарских зданий XIV в., построенных по типу восточных бань, распространенных в Средние века в Средней Азии, Крыму и Закавказье²⁶⁵. Памятник свидетельствует о хорошо развитой строительной технике болгар и высоком уровне благоустройства города.

Впервые исследовалось раскопками в 1887 г.²⁶⁶ Повторно археологическое изучение Белой палаты было проведено в 1979–1983 гг. (раскопы LXVII, LXXI, LXXV, Т.А. Хлебникова, Р.Ф. Шарифуллин)²⁶⁷.

Консервационно-реставрационные работы проводились в первой половине XVIII столетия и в последнее десятилетие XX в. В 1990-х годах была проведена консервация остатков здания с применением подлинных камней из раскопа. В 2011 г. консервационная кладка была отремонтирована, по возможности убран цементный раствор, подняты несколько рядов консервационной кладки. Для защиты от растений вокруг здания выполнена отмостка, которая ступенями спускается к южной стороне. В основном помывочном помещении осталась открытой система отопительных каналов для их демонстрации²⁶⁸ (рис. 163).

Памятники села Болгары

Успенская церковь

Церковь «Во Имя Успения Богоматери» расположена в историческом центре городища, в ее северной части, около Соборной мечети. Вертикали

храмовой части и колокольни доминируют среди болгарских памятников и просматриваются издали, являясь своеобразным ориентиром в окружающем природном ландшафте (рис. 164а).

Построена в 1732–1734 гг. на средства казанского купца И.А. Михляева. Позднее к ней были пристроены трапезная и придел Кирилла Белозерского. При строительстве церкви для фундаментов были использованы камни от руин болгарских памятников, а в цокольной части уложены болгарские надгробные памятники с арабскими и армянскими надгробиями, представляющими большую научную ценность. В 1841 г. колокольня храма была повреждена в результате падения Большого минарета. В этом же году она была разобрана, а в 1862 г. отстроена заново.

Первоначально Успенская церковь являлась монастырской. После закрытия Болгарского Успенского монастыря, стала приходским храмом села Болгары – Успенское²⁶⁹.

Являясь типичным памятником архитектуры провинциального барокко, храм представляет интерес как элемент исторически сложившегося комплекса.

В 1965, 1977, 1982–1983, 2006–2009 гг. на памятнике проведены реставрационные работы. В 1970-х–2000-х годах в его стенах был расположен археологический музей, а затем краеведческая экспозиция Болгарского заповедника (рис. 164б).

Село Болгары

Существующее поселение возникло как слобода основанного в начале XVIII в. Успенского монастыря. В середине XVIII в. в монастырской слободе проживало 120 человек. Население было русским, но здесь селили и татар, принявших христианство. В 1764 г. монастырь был упразднен, а с. Болгары стало государственным. Его жители относились к категории монастырских, с 1764 г. – экономических, а позднее – государственных крестьян. В XIX – начале XX в. жители села продолжали заниматься преимущественно земледелием, разведением скота, пчеловодством, рыболовством, садоводством, кирпичным, кузнечным, плотничным и малярным промыслами. В начале XX в. в селе действовали Успенская церковь, старообрядческая молельня, земская школа, открытая в 1886 г. Из производственных и торговых объектов известны: 8 ветряных мельниц, 3 кузницы, 9 кирпичных заводов, 4 крупобирки, 7 мелочных лавок. В этот период земельный надел сельской общины составлял 6013,1 десятины. До 1920 г. село входило в Трех-Озерскую волость Спасского уезда Казанской губернии. С 1920 г. находилось в составе Спасского кантона ТАССР. С 1930 г. – в Спасском (1935–1991 гг. – Куйбышевском) районе. В 1972 г. село включено в состав г. Куйбышев. В 1954–1956 гг. в связи с затоплением при строительстве Куйбышевской ГЭС его подгорная часть была полностью перенесена на

верхнюю площадку коренной волжской террасы (рис. 165). В 1950-е годы вошло в состав совхоза «Приволжский». В 2012 г. в связи с проведением археологических раскопок жители села частично переселены в г. Болгар²⁷⁰.

В настоящее время в части, размещенной на верхней площадке волжской террасы, село сохранило облик сельского поселения с традиционной усадебной одноэтажной застройкой. До последнего времени мало изменений претерпела первоначальная планировка села с порядным расположением дворов, ориентированных в первую очередь вдоль склона коренной волжской террасы, и размещением своеобразного центра поселения в районе расположения Успенской церкви. Часть застройки с характерными краснокирпичными строениями по стилистическим признакам относится к XIX – началу XX в.

Культурный и природный ландшафт

Культурный и природный ландшафт Болгарского городища и его округа на протяжении тысячелетия сохраняется в неизменном виде, несмотря на целый ряд отрицательных антропогенных воздействий (затопление части территории в середине XX в., давление современной городской застройки и пр.). Болгарское городище до настоящего времени сохраняет свое территориальное оформление, границы в виде оборонительных сооружений вала и рва. Также неизменными до наших дней остаются границы с. Болгары, основанного в XVIII в.

Ограничение распашки и хозяйственной деятельности позволило в целом сохранить особенности микрорельефа местности, сформировавшегося в процессе археологизации города Болгара с его ложбинами, возвышенностями, естественными водоемами, родниковой и овражной сетью. Связь этих деталей рельефа с конкретными объектами археологического наследия позволяет наполнить их историческим и культурным содержанием.

Сохранение экологически ценных природных объектов Болгарского комплекса в виде ареалов редких растений – дрока красильного, ковыля и молодой дубравы позволяет в рамках комплекса создать неповторимое сочетание природных реликтовых зон и антропогенно измененного ландшафта, включающего архитектурные, природные и археологизированные объекты, имеющие прежде всего историко-культурное содержание.

Иерусалимский овраг

Иерусалимский овраг существует с древности²⁷¹. В настоящее время подразделяется на Большой и Малый. Эта часть природного ландшафта территории комплекса представляет собой важную деталь, определяющую в значительной мере формы и способы застройки Болгара, являясь естественным элементом окружающей среды, ограничивающим

и направляющим развитие городской территории, становясь природным фактором для городского районирования. В догородской период площадки террас, образованные в овражной зоне и борта оврагов – это места сосредоточения древнейшего населения на территории памятника – представителей именьковской культуры, а затем раннеболгарских поселений (рис. 166). Овраг с древнейших времен и на всем протяжении существования средневекового города входил в систему его обороны, выполнял функции водосбережения (плотина, исследованная в устье Малого Иерусалимского оврага, позволяла регулировать весенние стоки и решать проблемы водоснабжения города).

Колодец Габдрахмана

(«Габдрахман сахабэ коесы») – комплекс, расположенный на северо-восточной окраине Болгарского городища, на берегу Куйбышевского водохранилища, на историческом месте существования источника и колодца. По легендарной традиции объект увязывается с именем мусульманского проповедника, сподвижника (сахаба) пророка Мухаммада, жившего на территории Волжской Болгарии после принятия болгарами Ислама. По местному преданию, один из первых мусульман, пришедших на волжский берег, сахаб Габдрахман ударил в этом месте посохом в землю, и открылся родник. Вода оказалась целебной и помогла излечить больную ханскую дочь. Хан уверовал в проповедь Габдрахмана и принял ислам.

Второе название этого места – «Капитанский колодец» – в честь одного из исследователей болгарских древностей второй половины XVIII в. капитана Н.П. Рычкова²⁷².

Объект является местом круглогодичного посещения мусульманскими паломниками.

* * *

Как и много веков назад Болгар продолжает ярко светить на небосклоне болгаро-татарской истории. Его блестящее прошлое, созданные здесь уникальные материальные, культурные, духовные ценности, необычайно емко демонстрируют огромный потенциал народов, испокон веков населявших берега Волги и Камы (рис. 167).

Болгарский комплекс сегодня – это активно формирующийся научный, духовно-религиозный и туристический центр Татарстана и России в целом, открывающий широкие возможности для культурно-познавательного, паломнического, экологического, событийного, научного и конгресс-туризма. Его выдающаяся многовековая история, застывшая в камне памятников архитектуры, разнообразный природный ландшафт, активно развивающаяся современная инфраструктура создают новый, устремленный в будущее образ Великого города.

- ¹ Подробно историографию вопроса см.: *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища: Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1987. С. 32–88; *Мухаметшин Д.Г., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф.* Итоги и задачи исследования Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья: 60 лет археологического изучения. Итоги и перспективы: тез. научн. конф. Болгар, 1998. С. 4–11; *Шарифуллин Р.Ф.* Археология Болгара в 1981–2009 годах // Город Болгар: Жилища и жилая застройка / отв. ред. А.Г. Ситдииков. М., 2016. С. 246–259; *Персова С.Г.* Из истории изучения Болгарского городища (XVIII в.) // Вестн. Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 2-2. С. 106–110; *Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Персова С.Г.* Болгарское городище в сведениях исследователей XIX в. // Вестн. Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 4-1. С. 16–20 и др.
- ² *Фахрутдинов Р.Г.* Болгар в письменных источниках // Город Болгар: Очерки истории и культуры. С. 8–31; *Он же.* История города Болгар в письменных источниках // Великий Болгар. Москва; Казань, 2013. С. 50–67; *Он же.* Bolgar in 10th–11th centuries // Great Bolgar. Kazan, 2015. P. 46–54; *Izmailov I.L.* Bolgar in the Golden Horde period (second half of 13th–first half of 15th centuries) // Ibid. P. 55–63.
- ³ *Валеев Р.М.* Болгар – объект всемирного наследия // Великий Болгар. С. 378–383; *Салихов Р.Р., Ситдииков А.Г.* Город Болгар: культурное и духовное возрождение // Там же. С. 384–389; *Sidikov A.G., Izmailov I.L.* Bolgar Town in Culture and History // Great Bolgar. P. 12–25; *Валеев Р.М.* Великий Болгар в мусульманском и мировом историко-культурном наследии. Казань, 2015; *Фахрутдинов Р.Г.* Город Болгар в истории и культуре татарского народа // Город Болгар: Культура, искусство, торговля / отв. ред. П.Н. Старостин. М., 2008. С. 5–26; *Он же.* Неизгладимая память прошлого // Великий Болгар. С. 398 – 401; *Он же.* Imperishable Memory of the Past // Great Bolgar. P. 394–397.
- ⁴ Квебекская декларация о сохранении духа места. ИКОМОС. Принята в Квебеке, в 2008 г.; *Антонова Н.Е.* «Дух места» как предмет охраны // Academia: Архитектура и Строительство. 2015. № 1. С. 30.
- ⁵ *Старостин П.Н.* Предболгарские памятники на территории Болгарского городища // Город Болгар: Очерки истории и культуры. С. 89–98; *Он же.* История Волго-Камья в древности // Великий Болгар. С. 40–49; *Он же.* Ancient History of the Volga-Kama Region // Great Bolgar. P. 40–45.
- ⁶ *Антонова Н.Е.* «Дух места» как предмет охраны... С. 30.
- ⁷ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / пер. и коммент. [А.П. Ковалевского], под ред. И.Ю. Крачковского. М., Л., 1939; *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- ⁸ *Анвар Хайри.* Повествование о путешествии Ахмеда Ибн Фадлана, написанное во время поездки в 921–922 годах в Булгарское государство. Казань, 2012. На тат. и рус. яз.; *Ibn Fadlan and the Land of Darkness: Arab Travellers in the Far North.* Penguin Classics, 2012; Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара = *Ibn Fadlan's Journey: Volga Route from Baghdad to Bulghar* / Каталог выставки. Гос. Эрмитаж [Центр «Эрмитаж – Казань»]. М., 2016.
- ⁹ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 2001. С. 72.
- ¹⁰ *Калуцков В.Н., Шульгин П.М.* Природный ландшафт Болгарского городища // Великий Болгар. С. 31–32.
- ¹¹ *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары: Путеводитель по Булгарскому историко-архитектурному заповеднику. Казань, 1983.
- ¹² Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX веков). Казань, 1998. С. 236.

- ¹³ *Старостин П.Н.* Предболгарские памятники... С. 89–98.
- ¹⁴ Свод памятников археологии Республики Татарстан: В 3 т. / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань, 2007. Т. 3. С. 318–353.
- ¹⁵ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища... С. 45.
- ¹⁶ *Валеев Р.М.* Болгар – объект всемирного наследия... С. 382.
- ¹⁷ *Смирнов А.П.* Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. XIX. С. 205–206, 208; *Еггерев В.В.* Архитектура города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 390–391; *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников... С. 31–33, 37–38, 54, 65–66; *Зиливинская Э.Д.* Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 44–67.
- ¹⁸ *Валеев Р.М.* Болгар – объект всемирного наследия... С. 382.
- ¹⁹ *Айдаров С.С., Забирова Ф.М.* О реконструкции и консервации комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья: (Археологическое изучение центра Билярского городища) / отв. ред. А.Х. Халиков. Казань, 1979. С. 46–61.
- ²⁰ *Забирова Ф.М.* Болгарское городище в контексте регионального историко-культурного ландшафта // Великий Болгар. С. 364–370.
- ²¹ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища... С. 32–88.
- ²² *Абдуллин Х.М.* Болгарский селитряный завод по историческим, архивным и картографическим материалам // Поволжская археология. 2017. № 4. С. 112–125; *Мухаммадеев А.Р.* Проблемы изучения и сохранения историко-археологических памятников Болгар на страницах печати начала 1920-х гг. // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 282 – 287.
- ²³ *Забирова Ф.М.* Болгарское городище в контексте регионального историко-культурного ландшафта... С. 366–367.
- ²⁴ Там же. С. 367.
- ²⁵ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников... С. 5–149.
- ²⁶ *Федоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. С. 157–159.
- ²⁷ Там же. С. 160–184.
- ²⁸ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища... С. 65.
- ²⁹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу... С. 78–83.
- ³⁰ *Штукенберг А.А.* Древняя курганная могила около деревни Балымер в Спасском уезде Казанской губернии // ИОАИЭ. Казань, 1892. Т. X, вып. II. С. 155–160; *Смолин В.Ф.* Раскопки «Шолома» в сел. Балымерах Спасского кантона Татарской Республики в 1925 году: (Краткий обзор) // ИОАИЭ. Казань, 1926. Т. 33, вып. 2–3. С. 113–130.
- ³¹ *Смирнов А.П.* Волжские булгары... С. 24.
- ³² *Измайлов И.Л.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000. С. 70–86.
- ³³ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу... С. 71, 74.
- ³⁴ Цит. по: *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 103.
- ³⁵ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 35.
- ³⁶ *Шумилкин С.М.* Архитектура Макарьевской ярмарки // Записки краеведов. Горький, 1979. С. 113–123.
- ³⁷ *Тверская Д.И.* Москва второй половины XVII века – центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.
- ³⁸ Одним из свидетельств данных процессов может служить неполнивая керамика Болгара, с одной стороны, демонстрирующая наличие доминирующей посуды общеповолжского типа, являвшейся основной продукцией керамических мастерских города, с другой – показывающая разнообразие традиционной керамики, носителями которой являлись различные этнокультурные группы городского населения. Подробно см.: *Хлебникова Т.А.* Неполнивая посуда Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленного производства / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1988. С. 7–102.

- ³⁹ *Дмитриев А.* Древний Булгар и татарские о нем предания. Казань, 1889; *Ветры Великих Болгар.* Казань, 1993; *Софронова И.В.* Отображение образа Волжской Булгарии в чувашском и татарском фольклорах // *Вестн. ЧГУ им. И.Я. Яковлева.* 2012. № 1 (73), ч. 2. С. 174–179.
- ⁴⁰ *Хвольсон Д.А.* Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн Даста. СПб., 1869.
- ⁴¹ Путешествие Ибн Фадлана на Волгу... С. 69–70.
- ⁴² *Измайлов И.Л.* Становление Волжской Булгарии: от племени к государству // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2012. № 2. С. 233.
- ⁴³ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 37.
- ⁴⁴ *Хакимзянов Ф.С., Измайлов И.Л.* Язык и письменность в городе Болгаре // *Великий Болгар.* С. 314.
- ⁴⁵ Свод кратких сведений о писателях, ученых, просвещенных людях, чья деятельность была связана с Болгаром см.: *Давлетишин Г.М.* Духовная культура населения города Болгара // *Город Болгар: Культура, искусство, торговля.* С. 250–257.
- ⁴⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / публ. и коммент. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971.
- ⁴⁷ *Давлетишин Г.М.* Духовная культура... С. 251–253.
- ⁴⁸ *Байхаки Абу-л-Фазл.* История Мас'уда (1030–1041) / пер. с перс., введ., коммент. и прил. А.К. Арендса. 2-е изд. М., 1969.
- ⁴⁹ Предположение об использовании здания Черной палаты в качестве ханакэ – странноприимного дома для странствующих суфиев см.: *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство народов Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. С. 140.; *Давлетишин Г.М.* Духовная культура... С. 227. Н.Д. Аксенова, проводившая исследование Большого западного мавзолея, входившего в комплекс зданий Ханской усыпальницы, делает вывод, что «здание строилось как поминальная мечеть или странноприимный дом для паломников-мусульман, приходивших для поклонения святым могилам». Об этом см.: *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара // *Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство.* С. 210; О традиции паломничества в Болгар в татарском устном народном творчестве см.: *Давлетишин Г.М.* Духовная культура... С. 226; *Мехэмэдьяр.* Нуры содур. Казан, 1997. С. 175, 303.
- ⁵⁰ *Фукс К.Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Казань, 1844; Краткая история города Казани. Казань, 1905. Репринтное воспроизведение: Казань, 1991. С. 99–102.
- ⁵¹ *Багаудинов Ш.* Очерк истории Болгарского и Казанского царств // *Тр. IV археологического съезда в Казани.* Казань, 1877. Т. 1. С. 42.
- ⁵² *Мурад Рамзи.* Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи' казан ва булгар ва мулюк ат-татар. Т. I / научн. ред., авт. вступ. статьи и коммент. С.И. Хамидуллин. Уфа, 2017. С. 235.
- ⁵³ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 218–219.
- ⁵⁴ *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986. С. 23–24.
- ⁵⁵ *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 29, 36, 45.
- ⁵⁶ В этой связи, следует упомянуть исследование в Болгаре Усть-Иерусалимского могильника и ряда других некрополей домонгольского и золотоордынского времени. Подробно см.: *Газимзянов И.Р.* Раскопки погребальных комплексов Волжской Булгарии и Казанского ханства // *Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии: Изучение и сохранение историко-культурного наследия / под ред. А.А. Бурханова.* Казань, 2001. Вып. 2. С. 129–134.

- ⁵⁷ *Измайлов И.Л.* Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа // *Поволжская археология*. 2016. № 2. С. 83. Об иной точке зрения, предполагающей сохранение элементов доисламских верований, см.: *Руденко К.А.* Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // *Народы и религии Евразии*. 2013. Т. 6, № 6. С. 98; *Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л.* Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // *Филология и культура*. 2013. № 1. С. 214–221.
- ⁵⁸ *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Болгара // *Город Болгар: Очерки истории и культуры*. С. 143.
- ⁵⁹ *Березин И.Н.* Булгар на Волге. Казань, 1853.
- ⁶⁰ *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Болгара... С. 155–156.
- ⁶¹ Письмо Екатерины II к Н.И. Панину от 3 июня 1767 г. // *Сб. РИО*. СПб., 1872. Т. 10.
- ⁶² *Чернецов Г.Г., Чернецов Г.Н.* Путешествие по Волге. М., 1970. С. 99.
- ⁶³ *Ветры Великих Болгар...* С. 19–21.
- ⁶⁴ *Күл Гали.* Кысса- и Йусуф : Поэма. Казань, 1989.
- ⁶⁵ *Идегей: Татарский народный эпос.* Казань, 1990.
- ⁶⁶ *Мехэммэдьяр:* Нуры судур. Казан, 1997.
- ⁶⁷ *Мәүлә Колый.* Хикмәтләр. Казан, 2001. С. 15–17 б.
- ⁶⁸ *Мэргжани Ш.* Местафадел-эхбар фи эхвали Казан в Болгар. Казан, 1885. Т. 1.
- ⁶⁹ *Сафиуллина-Аль Анси Р.Р.* Татарская книжная традиция XIX – начала XX века: рукописная и старопечатная книга // *Филология и культура*. 2013. № 1. С. 163–164. О политическом аспекте использования низбы Ал-Болгари см.: *Шнирельман В.* От конфессионального к этническому: болгарская идея в национальном самосознании казанских татар в XX веке // *Вестник Евразии*. 1998. № 1–2. С. 135.
- ⁷⁰ *Халиков Н.А.* Традиционное хозяйство // *Татары*. М, 2001. С. 162–193.
- ⁷¹ *Федорченко О.* «Золотая Орда» на Нуриевском фестивале: татарский балет во всех смыслах // <https://www.business-gazeta.ru/article/133116>.
- ⁷² Премьера оперы-легенды «Черная палата» // <http://music-gazeta.com/article/6061/>.
- ⁷³ Президент Татарстана: балет «Сказание о Йусуфе» – событие в жизни страны // https://tvkultura.ru/article/show/article_id/50529/.
- ⁷⁴ <http://kgiop.gov.spb.ru/nasledie/glassarij-vsemirnogo-naslediya/>.
- ⁷⁵ *Валеев Р.М.* Научно-исследовательские подходы в процессе возрождения и популяризации древнего Болгара // *Вестн. Казанского гос. ун-та культуры и искусств*. 2013. № 3. С. 48–51.
- ⁷⁶ *Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. С. 87.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 9: Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 93. Л. 362.
- ⁷⁸ *Евлентьев К.Г.* Об учреждении Археологического Музеума в Болгаре // *Труды 1-го Археологического съезда в Москве*. 1869. М., 1871. Т. 1. С. 89–95; *Медников М.М.* Константин Григорьевич Евлентьев // *Псков*. 2005. № 22. С. 206; *Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Махмутов Р.З.* Создание Болгарского музея-заповедника // *Великий Болгар*. С. 357.
- ⁷⁹ *Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Махмутов Р.З.* Создание Болгарского музея-заповедника... С. 357.
- ⁸⁰ Там же. С. 358; *Корнилов П.Е.* Ремонт в Болгарах в 1926 г. // *Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР*. Казань, 1927. Вып. 1.
- ⁸¹ *Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Махмутов Р.З.* Создание Болгарского музея-заповедника.... С. 358–359.
- ⁸² Об использовании опыта раскопок А.П. Смирновым поселений Волжской Булгарии см: *Авдусин Д.А.* Полевая археология. М., 1980. С. 172.
- ⁸³ *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии. Казань, 2014. С. 22.
- ⁸⁴ *Забирова Ф.М.* Болгарское городище в контексте регионального историко-культурного ландшафта... С. 372.

- ⁸⁵ http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/1994%201999_%20%20%20.pdf/download.
- ⁸⁶ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища... С. 45–46.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Старостин П.Н.* Предболгарские памятники на территории Болгарского городища... С. 94.
- ⁸⁹ *Смирнов А.П.* Основные этапы истории города Болгара и его историческая топография // МИА. М., 1954. № 42. С. 308; *Ефимова А.М.* Догородские поселения на территории Болгарского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1970. С. 15.
- ⁹⁰ *Старостин П.Н.* Предболгарские памятники на территории Болгарского городища... С. 91.
- ⁹¹ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Казань, 1985. Ч. I. С. 30–31.
- ⁹² *Шпилевский С.М.* Древние города... С. 571–582.
- ⁹³ По мнению Г.А. Федорова-Давыдова: «Использование старых городов и их доминирование в городской жизни Золотой Орды относится, судя по монетам, ко всей второй половине XIII в.»; *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 16.
- ⁹⁴ Согласно археологическому заключению в конце 30-х годов XIV в. была построена вымостка площади между зданиями Соборной мечети, Восточного и Северного мавзолеев, что можно считать завершением работ по возведению центрального архитектурного комплекса Болгара. См.: *Воскресенский А.С., Смирнов А.П.* Археологическое исследование Соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1. С. 257.
- ⁹⁵ *Валеева Д.К.* Искусство города Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. С. 155–156.
- ⁹⁶ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников... С. 72.
- ⁹⁷ Идегей: Татарский народный эпос... С. 160.
- «Вот Булгар перед ним встает, –
Он Булгара не узнает:
В честь победы не видит ворот;
Из Корана священный стих
Золотом вытеснен был на них.
Там, где стоял минарет двойной, –
Пыль под разрушенную стеной.
Глеют уголья, всюду зола:
Жизнь как будто здесь не была.
В этой дикой, внезапной глуши
Ни единой не видно души.
Был недавно Булгар таков, –
Шестьдесят мечетей сошлись:
Верх– блистание жемчугов,
Камень породы редкостной – низ
Будто из-под железных бровей
Минареты раскрыли глаза.
Вот подъехал к ним Идегей.
Уничтожила их гроза!
- ⁹⁸ *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. М., 2015. Вып. 237. С. 188.
- ⁹⁹ *Кокорина Н.А.* Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха Средневековья: (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): Мат-лы II Всерос. конф. «Поволжье в Средние века» 25–28 сентября 2003 года. Казань – Яльчик. Казань, 2005. С. 109–132.
- ¹⁰⁰ *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. С. 256–257.

- ¹⁰¹ Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета // СА. 1973. № 4. С. 218–226.
- ¹⁰² Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 200–216; *Елкина И.И.* Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 131–144.
- ¹⁰³ Исследования одного из мавзолеев в юго-западной части городища показали, что его постройка относится к последнему десятилетию XIII или самому началу XIV в. Подробно см.: *Волков И.В., Лопан О.В.* Комплексные исследования Института Наследия на средневековых городищах Юга России // Журнал Института наследия. 2017. № 3. С. 8–9.
- ¹⁰⁴ *Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // МИА. М., 1954. № 42. С. 356.
- ¹⁰⁵ *Беляев Л.А.* Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. С. 261–294; *Он же.* Малый городок // Великий Болгар. С. 262–269.
- ¹⁰⁶ *Смирнов А.П.* Армянская колония города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 330–359.
- ¹⁰⁷ Управление объектами всемирного культурного наследия – ЮНЕСКО / ИККРОМ / ИКО-МОС / МСОП, 2013 г.
- ¹⁰⁸ ВШЭ разработала план управления для объекта Всемирного культурного наследия. <https://www.hse.ru/expertise/news/187029510.html>; *Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Рудольф Б., Персова С.Г., Шульгин П.М.* Болгарский историко-археологический комплекс Т. 2: Управление объектами Всемирного культурного и природного наследия: Болгарский историко-археологический комплекс. Культурный ландшафт Болгарского историко-археологического комплекса. Казань, 2016.
- ¹⁰⁹ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 8–38.
- ¹¹⁰ Задачи управления буферной зоной в плане управления Болгарским историко-археологическим комплексом. <https://www.hse.ru/org/projects/169816878>.
- ¹¹¹ *Ситдииков А.Г.* Международный Центр археологических исследований в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 248–253.
- ¹¹² <https://kpfu.ru/imoi/nauchno-issledovatel'skaya-rabota/centr-prevoshodstva-arheometriya>.
- ¹¹³ Фонды БГИАМЗ <http://www.bolgar.info/about2.php>.
- ¹¹⁴ *Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 253–261.
- ¹¹⁵ Памятный знак. <http://bolgar.mobi/ru/poi/6/>.
- ¹¹⁶ Белая мечеть. <http://bolgar.mobi/ru/poi/212/>.
- ¹¹⁷ Музей хлеба. <http://bolgar.mobi/ru/poi/204/>.
- ¹¹⁸ Музей Болгарской цивилизации. <http://bolgar.mobi/ru/poi/3/>; *Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации... С. 248–253.
- ¹¹⁹ http://www.info-islam.ru/publ/podborki/bulgarskaja_islamskaja_akademija/44-1-0-39522.
- ¹²⁰ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 32. № 167; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 320. № 2755; *Старостин П.Н.* Памятники именновской культуры // САИ. М., 1967. Вып. Д 1-32. С. 37, № 145.
- ¹²¹ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища... С. 32.; ИИМК. Ф. 1. 1864. Д. 15. Л. 5–6.
- ¹²² Протоколы ИОАИЭ за 1880–1881 // ИОАИЭ. Казань, 1885. Т. IV. С. 45, 46.
- ¹²³ *Хомяков М.М.* Отчет о раскопках в Болгарах летом 1913 года // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. XXIX, вып. 4. С. 30–31.
- ¹²⁴ Казанский музейный вестник. Казань, 1920. С. 55.
- ¹²⁵ *Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем Бугре городища Болгары // МИА. М., 1960. № 80. С. 169–194; *Она же.* Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М., 1974. С. 24–30.
- ¹²⁶ *Ефимова А.М.* Догородские поселения на территории городища... С. 14–15; *Старостин П.Н.* Предболгарские памятники на территории Болгарского городища... С. 91–92.

- ¹²⁷ *Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем Бугре городища Болгары... С. 174–181; *Она же.* Кладбище на окраине посада города Болгара... С. 25–29; *Яблонский Л.Т.* Некрополи Болгара // *Город Болгар: Очерки истории и культуры.* С. 125.
- ¹²⁸ *Ефимова А.М.* Могильник на Бабьем Бугре городища Болгары... С. 186.
- ¹²⁹ *Ефимова А.М.* Кладбище на окраине посада города Болгара... С. 29.
- ¹³⁰ *Халикова Е.А.* О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // *Вопросы средневековой и древней археологии Восточной Европы.* М., 1978. С. 210.
- ¹³¹ *Газимзянов И.Р.* Еще раз о могильнике «Бабий бугор» // *Вопросы древней истории Волго-Камья.* Казань, 2001. С. 132–137; *Смирнов А.П.* Об этническом составе Волжской Булгарии // *Новое в археологии.* М., 1972. С. 304.
- ¹³² *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары: Путеводитель... С. 41–42.
- ¹³³ *Смирнов А.П.* Отчет об исследовании городища Великие Булгары в 1945 г. // БГИАЗ. Док. фонд № 25–1. Л. 50.
- ¹³⁴ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 37. № 183; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 321. № 2766.
- ¹³⁵ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 36. № 181; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 323, № 2768.
- ¹³⁶ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 36. № 180; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 323. № 2769.
- ¹³⁷ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 36. № 182; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 323. № 2770.
- ¹³⁸ Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 323. № 2771; *Старостин П.Н.* Раннее поселение на правом берегу Малого Иерусалимского оврага в Болгарах // *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения.* Казань, 1993. С. 53–63; *Она же.* Остатки древнего Болгара у Малого Иерусалимского оврага // *Средневековая археология евразийских степей: Материалы Учредительного съезда Международного конгресса.* Казань, 2007. Т. II. С. 140–144.
- ¹³⁹ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 32–33. № 171; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 330–331. № 2851; *Смирнов А.П.* Основные этапы истории города Болгара // *МИА.* М., 1954. № 42. С. 308; *Ефимова А.М.* Догородские поселения на территории городища... С. 15; *Старостин П.Н.* Памятники именковской культуры... С. 37, № 146; *Она же.* Предболгарские памятники на территории Болгарского городища... С. 92–95.
- ¹⁴⁰ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 36. № 174; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 339. № 2944.
- ¹⁴¹ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 37. № 188; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 346. № 3031.
- ¹⁴² Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 37. № 189; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 346. № 3032.
- ¹⁴³ Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Ч. 1. С. 37. № 192; Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 346. № 3033.
- ¹⁴⁴ *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары... С. 48.
- ¹⁴⁵ *Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // *МИА.* М., 1954. № 42. С. 356; *Васильева И.Н.* О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // *Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов.* М., 1988. С. 124–125; *Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г., Иожица Д.В., Куклина А.А., Яворская Л.В.* Раскоп ССХVI // *Археологические исследования 2016 г.* Казань, 2016. С. 13–15.
- ¹⁴⁶ *Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища... С. 74–75.
- ¹⁴⁷ *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары... С. 49–50.
- ¹⁴⁸ *Штукенберг А.А.* Экскурсии, раскопки, случайные находки: Раскопки «Четырехугольника» в с. Болгарах // *ИОАИЭ.* Казань, 1892. Т. X. С. 447, 448; ОАК за 1892 год. СПб.,

1894. С. 67–69; *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. С. 150–151.
- ¹⁴⁹ *Смолин В.Ф.* Отчет об археологических раскопках в июне 1915 г. // ИОАИЭ. Казань, 1919. Т. XXX, вып. 1. С. 67–73; *Крелленберг Б.Е.* Раскопки Четырехугольника в Болгарах в 1915 г. // Там же. С. 89–95; *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети... С. 151–154.
- ¹⁵⁰ *Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П.* Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. М., 1947. Вып. 21. С. 102–111; *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети... С. 154–158.
- ¹⁵¹ *Воскресенский А.С., Смирнов А.П.* Археологическое исследование Соборной мечети (Четырехугольника) в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1. С. 244–257; подробно отчеты и литературу см.: *Полякова Г.Ф.* Археологическое исследование Соборной мечети... С. 174.
- ¹⁵² *Айдаров С.С.* Методические основы консервации архитектурно-археологических памятников в Великих Болгарах // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 36–38; *Он же.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 67–69; *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары... С. 24–26.
- ¹⁵³ *Свиньин П.* Плавание по Волге в Казань и к развалинам Болгар в 1823 г. // Отечественные записки. СПб., 1824. № 48. С. 8–9.
- ¹⁵⁴ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 203–204.
- ¹⁵⁵ *Березин И.Н.* Булгар на Волге. Казань, 1853. С. 18, 19.
- ¹⁵⁶ *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской, Вятской. М., 1871. С. 9.
- ¹⁵⁷ НА РТ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 1; *Персова С.Г.* Из истории изучения Болгарского городища (XVIII в.) // Вестн. Казанского гос. ун-та культуры и искусств. 2015. № 2-2. С. 106–111.
- ¹⁵⁸ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М, 1768. Кн. 1, ч. 1. С. 268.
- ¹⁵⁹ *Державин Г.Р.* Записки: 1743–1812 гг.: Полный текст. М., 2000. С. 14–15.
- ¹⁶⁰ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1771. Ч. I. С. 186, 187.
- ¹⁶¹ *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг. СПб., 1795. Ч. 1. С. 270.
- ¹⁶² *Кафтаников Н.Н.* Болгары или развалины столицы сего города // Заволжский муравей. Казань, 1832. Ч. II, № 11, 16; Ч. III, № 19. С. 43–45, 49.
- ¹⁶³ *Свиньин П.* Плавание по Волге в Казань и к развалинам Болгар в 1823 г... С. 190–192.
- ¹⁶⁴ *Эрдман Ф.* Ознакомительное путешествие по России. Рига; Лейпциг, 1822–1826. Табл. 2, 3, фиг. b (На нем. яз.)
- ¹⁶⁵ *Ардашев И. А.* Развалины Болгар и древние Болгары по описанию англичанина Э.П. Турнерелли. Казань, 1901. С. 18–21.
- ¹⁶⁶ *Чернецов Г.Г., Чернецов Г.Н.* Путешествие по Волге. С. 96.
- ¹⁶⁷ *Гончарова Н.В.* Образы русских городов XIX в. на литографиях Андре Дюрана // Вестн. Томского гос. ун-та: Культурология и искусствоведение. 2014. № 2. С. 35.
- ¹⁶⁸ *Второв И.И.* Памятники древности в Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1840. Ч. XXXVII, № 8. С. 82, 83.
- ¹⁶⁹ *Шмит А.* Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. М., 1832.
- ¹⁷⁰ Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) http://icomos-spb.ru/component/joomdoc/1964_%20.pdf/download.
- ¹⁷¹ Сюкеевское месторождение расположено на правом берегу реки Волги, имеет длину более 10 км и ширину 5–5,5 км. Является уникальным и обладает большими природными ресурсами, такими как гипс, доломит, кирпичные глины, известковые туфы, самородная

- сера, битумы и др. Гипс залегает в нижней части высокого берега в виде трех мощных пластов. Битуминозные породы и битуминозные доломиты являются хорошим материалом для производства асфальта. В битумах присутствует никель и ванадий. В XIX в. здесь добывали мрамор. Из него сделаны хирургические столы в клинике Казанского университета. http://kamskoye-ustye.tatarstan.ru/turism_suc.htm.
- ¹⁷² *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 42.
- ¹⁷³ *Хлебникова Т.А.* Археологические исследования мавзолеев города «Великие Болгары» в 1966 г. // Поволжье в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1970. С. 62–67; *Баранов В.С., Кавеев М.М.* Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. С. 176–180.
- ¹⁷⁴ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 69.
- ¹⁷⁵ *Хлебникова Т.А.* Археологические исследования мавзолеев города «Великие Болгары» в 1966 г.... С. 57–62.
- ¹⁷⁶ *Баранов В.С., Кавеев М.М.* Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища... С. 184–194.
- ¹⁷⁷ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 69.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 37, 38.
- ¹⁷⁹ *Шарифуллин Р.Ф.* Исследование крупной кирпично-каменной постройки в Болгаре в 1994–2011 гг.: (предварительные результаты) // История и культура средневековых народов Степной Евразии: Мат-лы II Междунар. Конгр. средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012. С. 184–185.
- ¹⁸⁰ *Михайлов А.* Выписки с межевых книг на землю Успенского монастыря 1712 года. См.: *Невоструев К.И.* О городищах древнего Волжско-Булгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской и Вятской // Тр. I Археологического съезда. М., 1871. Т. 2. С. 526–595.
- ¹⁸¹ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1771. Ч. I. С. 189.
- ¹⁸² *Эрдман Ф.Х.* Ознакомительное путешествие по России. 1825. На нем.яз.
- ¹⁸³ *Свиньин П.* Плавание по Волге в Казань и к развалинам Болгар в 1823 г.... С. 198, 199.
- ¹⁸⁴ *Кафтаников Н.Н.* Болгары или развалины столицы сего города... С. 55, 56, 58–60.
- ¹⁸⁵ *Айдаров С.С.* Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 62–64.
- ¹⁸⁶ *Березин И.* Булгар на Волге // Учен. зап. Казанского ун-та. 1852. С. 86–89.
- ¹⁸⁷ *Смирнов А.П.* Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1954. Вып. XIX. С. 208; *Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Новые данные по истории города Болгара // СА. 1969. № 1. С. 215.
- ¹⁸⁸ *Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Новые данные об архитектуре Волжских Болгар // СА. 1967. № 3. С. 281.
- ¹⁸⁹ *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство народов Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.
- ¹⁹⁰ *Давлетшин Г.М.* Духовная культура населения города Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. С. 227.
- ¹⁹¹ *Еггев В.В.* Архитектура города Болгара // МИА. М., 1958. № 6. С. 366.
- ¹⁹² *Зиливинская Э.Д.* Черная палата в Болгаре: к вопросу об истоках архитектурной формы // Научные вед. Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13, вып. 19. С. 56–61.

- ¹⁹³ Акчурина З.А., Воскресенская Л.П., Смирнов А.П. Работы на городище Великие Болгары в 1957 г. // Поволжье в средние века / отв. ред. А.П. Смирнов. М., 1970. С. 11–12.
- ¹⁹⁴ Воскресенский А.С., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные об архитектуре Волжских Болгар... С. 281–285.
- ¹⁹⁵ Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 65–66.
- ¹⁹⁶ Зиливинская Э.Д. Черная палата в Болгаре: к вопросу об истоках архитектурной формы... С. 60.
- ¹⁹⁷ Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 51.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 53–54.
- ¹⁹⁹ Краснов Ю.А., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Новые данные по истории города Болгара // СА. 1969. № 1. С. 215–218; Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета // СА. 1973. № 4. С. 218–226.
- ²⁰⁰ Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 133. Рис. 57.
- ²⁰¹ Там же. С. 130. Рис. 54б.
- ²⁰² Там же. С. 42–51.
- ²⁰³ Покровский С.И., Худяков М.Г., Крелленберг Б.Е. Отчет о раскопках в Болгарах в июле 1914 г. // ИОАИЭ. Казань, 1915. Т. XXIX, вып. 5/6. С. 197–230; Смолин В.Ф. Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // Там же. 1917. Т. XXX, вып. 1. С. 67–73.
- ²⁰⁴ Аксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Раскопки городища Великие Болгары // АО. М., 1969. С. 171–173; Краснов Ю.А. Отчет о работе на раскопе XXVI в 1968 г. // АИА АН. Р-1. Д. 3647; Аксенова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 г., раскопы XXIX, XXXI, XXXIII // Там же. Д. 3821; Аксенова Н.Д., Смирнов А.П. Скульптурная голова с городища Великие Болгары // СА. 1973. № 3. С. 245–249; Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 200–205.
- ²⁰⁵ Айдаров С.С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара... С. 69.
- ²⁰⁶ Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 335. № 2903.
- ²⁰⁷ Краснов Ю.А. Оборонительные сооружения города Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. С. 110.
- ²⁰⁸ Беляев Л.А. Малый городок – архитектурный ансамбль XIV в. Казань, 1990. С. 2–5; *Он же*. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века... С. 272–273.
- ²⁰⁹ Беляев Л.А. Малый городок – архитектурный ансамбль XIV в. С. 6, 8; *Он же*. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века. С. 264–270.
- ²¹⁰ Беляев Л.А. Малый городок – архитектурный ансамбль XIV в. С. 5–6; *Он же*. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века. С. 281–283.
- ²¹¹ Беляев Л.А. Малый городок – архитектурный ансамбль XIV в. С. 8, 9.
- ²¹² Михайлов А. Выписки с межевых книг на землю Успенского монастыря 1712 года. С. 526–595; Шпилевский С.М. Древние города. С. 229; Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926; Башикиров А.С. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929. С. 20–23.
- ²¹³ Беляев Л.А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века. С. 287–289.
- ²¹⁴ Извлечение из отчета о раскопках в Казанской губ. // ОАК за 1893 год. СПб., 1895. С. 95–101.

- ²¹⁵ *Хованская О.С.* Оборонительная система города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 327–328.
- ²¹⁶ *Беляев Л.А.* Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века. С. 261–294.
- ²¹⁷ Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2012. С. 10; Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2013. С. 11; *Ёлкина И.И., Лазукин А.В., Беляев Л.А.* Раскопы СХСVII, СХСVIIIа и СХСVIIIб // Археологические исследования 2013 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2014. С. 22–24; *Ёлкина И.И., Лазукин А.В.* Раскоп ССХIII // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2014. С. 25. Подробно по этому вопросу см. статью А.Г. Ситдикова и Р.Р. Валиева в данной книге.
- ²¹⁸ Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. 3. С. 319, 320. № 2754.
- ²¹⁹ *Смирнов А.П.* Армянская колония города Болгара // МИА. М., 1958. № 61. С. 342.
- ²²⁰ Там же. С. 338–339.
- ²²¹ *Смолин В.Ф.* По развалинам древнего Болгара. Казань, 1926.
- ²²² *Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П.* Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. 1947. Вып. XXI. С. 103.
- ²²³ *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 191–192.
- ²²⁴ *Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 170.
- ²²⁵ *Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф.* Исследование торгово-ремесленного квартала в Болгаре (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа: Тез. Докл. научной конф., посвященной 25-летию БГИАЗ / отв. ред. Д.Г. Мухаметшин. Болгар, 1994. С. 22–23.
- ²²⁶ Археологические исследования 2011 г.: Болгар и Свияжск... С. 9; *Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре... С. 158–172.
- ²²⁷ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск... С. 12.
- ²²⁸ *Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю.* Раскопы CLXXIX (участки Г–К) и СХСII // Археологические исследования 2013 г. С. 8–11; *Они же.* Раскопы CLXXIX (участки Л, М, Н) и СХСII (участки Б, В, Г) // Археологические исследования 2014 г. С. 9–12; *Они же.* Раскопы CLXXIX (участки О–У) и СХСII (участки Д, Е) // Археологические исследования 2015 г. С. 7–12; *Они же.* Раскопы CLXXIX (участки Ф–Ч) и СХСII (участки Ж–К) // Археологические исследования 2016 г. С. 7–12.
- ²²⁹ *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 205, 206.
- ²³⁰ *Аксенова Н.Д.* Отчет об археологических работах на Болгарском городище в 1970–71 гг. Раскоп XXXVII // АИА АН. Р-1. Д. 4081; *Она же.* К итогам археологических работ 1970–72 гг. в юго-восточной части городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии восточной Европы. М., 1978. С. 211–215; *Аксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А.* Работы в Болгарах // АО, 1971. М., 1972. С. 232–233.
- ²³¹ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Мавзолей № 1 в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²³² *Аксенова Н.Д.* Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 206–208.
- ²³³ *Аксенова Н.Д.* Отчет об археологических работах на Болгарском городище в 1976–1977 гг. на раскопе LIV // АИА АН. Р-1. Д. 6415, 6802.
- ²³⁴ Характер консервационных работ, проведенных на мавзолее № 2 и др. подобных объектах, аналогичен с работами в мавзолее № 1: Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Мавзолей № 2 в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.

- ²³⁵ Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 208–210.
- ²³⁶ Аксенова Н.Д. Отчет о работе на Болгарском городище в 1981 г.: Раскоп LXXVII // АИА АН. Р-1. Д. 8575.
- ²³⁷ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Мавзолей № 3 в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²³⁸ Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 210–212.
- ²³⁹ Аксенова Н.Д. Отчет о работе на Болгарском городище в 1981 г.: Раскоп LXXVI // АИА АН. Р-1. Д. 8575.
- ²⁴⁰ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Мавзолей № 4 в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²⁴¹ Аксенова Н.Д. Археологическое изучение мавзолеев юго-восточной и южной частей города Болгара... С. 212, 213.
- ²⁴² Аксенова Н.Д. Отчеты о работе на Болгарском городище в 1983–85 гг.: Раскоп LXXXVII // АИА АН. Р-1. Д. 9600.
- ²⁴³ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Мавзолей № 5 (двухкамерный) в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²⁴⁴ Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища... С. 195–197.
- ²⁴⁵ Полякова Г.Ф. Отчет о раскопках Болгарского городища в 1976 г. // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 53-1; Она же. Отчет о работе на Болгарском городище в 1977 г. (раскоп LVI) // Док. фонд БГИАЗ. Инв. № 57-1. С. 9–60.
- ²⁴⁶ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Мавзолей № 6 в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²⁴⁷ Наиболее наглядно объект показан на плане Н.Ф. Калинина 1932–1942 гг. № 41 с пометкой: «Холмик метра 1½. Окружность 85 шагов. Каменный. Очень интересный». См.: Калинин Н.Ф. План Болгарского городища с деталями археологических наблюдений 1932–1942 гг. // НФ МАРТ ИА АН Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
- ²⁴⁸ Елкина И.И. Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища: (Раскоп CLXXIV) // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 131–144.
- ²⁴⁹ Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища: (Раскоп CLXXIV 2012 г.) // Там же. С. 145–164.
- ²⁵⁰ Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск... С. 7.
- ²⁵¹ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Южный Мавзолей в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²⁵² Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Монументальное строительство, архитектура, благоустройство / отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М., 2001. С. 256–257.
- ²⁵³ Там же. С. 257. Исключение составляют бани, исследованные на территории Краснослюдковского I городища и Мохши – Наровчата. См.: Семькин Ю.А. Исследование бани на I Краснослюдковском городище // Археологические исследования в Поволжье / отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара, 1993. С. 219–229; Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166–179; Зиливинская Э.Д. Еще раз о банях города Мохши // Из истории области: Очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II. С. 129–138.
- ²⁵⁴ Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр. ГИМ. М., 1951. Вып. XIX. С. 210–222, табл. XIII–XVII; Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани // КСИИМК. М., 1946. Вып. XIII. С. 26–32; Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА. М., 1954. № 42. С. 407–414.
- ²⁵⁵ Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение... С. 219.
- ²⁵⁶ Смирнов А.П. Отчет о раскопках в селе Болгары Куйбышевского района ТАССР в 1938 году // Док. фонд БГИАЗ. № 22; Она же. Краткий отчет о работе Болгарской

- экспедиции Государственного исторического музея за 1939 год // Док. фонд БГИАЗ. № 23–2; *Он же*. Краткий отчет Куйбышевской археологической экспедиции о работе на городище «Великие Болгары». 1940 г. // Док. фонд БГИАЗ. № 34–1.
- ²⁵⁷ *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение... С. 249.
- ²⁵⁸ Подробно см.: *Он же*: Бани Болгара и их изучение... С. 218; *Казаринов В.А.* Развалины древних зданий при селе «Болгарах» Спасского уезда Казанской губернии // ИЮАИЭ. Казань, 1888. Т. VI, вып. 2. С. 32.
- ²⁵⁹ *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение... С. 249–256.
- ²⁶⁰ Отчет о раскопках Болгарского городища в 1985 г. // Док. фонд БГИАЗ. № 88 – 1; Отчет по раскопам ХCV, ХCVIII, ХСІХ. 1986 г. // Док. фонд БГИАЗ. № 90 – 1; Отчет о работах на Болгарском городище в 1987 году // Док. фонд БГИАЗ. № 91 – 1; Отчет о работах на Болгарском городище в 1988 году // Док. фонд БГИАЗ. № 92 – 1; Отчет о работах на Болгарском городище в 1989 году // Док. фонд БГИАЗ. № 93 – 1; Отчет о работах на Болгарском городище в 1990 году // Док. фонд БГИАЗ. № 94 – 1 и др.
- ²⁶¹ Научно-реставрационное обоснование по объекту культурного наследия Восточная Палата в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²⁶² *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение... С. 236.
- ²⁶³ Подробно см.: *Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение... С. 217–218, рис. 124–134.
- ²⁶⁴ *Он же*. Бани Болгара и их изучение... С. 235–249.
- ²⁶⁵ Там же. С. 257.
- ²⁶⁶ *Казаринов В.А.* Развалины древних зданий при селе «Болгарах» Спасского уезда Казанской губернии // ИЮАИЭ. Казань, 1888. Т. VI, вып. 2.
- ²⁶⁷ См. статьи Т.А. Хлебниковой и Р.Ф. Шарифуллина в кн.: АО, 1979–1983. М., 1980–1984; отчеты этих же авторов по раскопам LXVII, LXXI, LXXV см.: АИА АН. Р-1. № 7525, 8556, 9807, 9600.
- ²⁶⁸ Научно-реставрационное обоснование по объекту археологии Белая палата в древнем городе Болгар. Казань; Болгар, 2013.
- ²⁶⁹ Республика Татарстан: Православные памятники (середина XVI – начало XX века). Казань, 1998. С. 236. № 274.
- ²⁷⁰ Энциклопедия города Болгар и Спасского района. Болгары: Спасская энциклопедия, 2014. С. 72–73.
- ²⁷¹ Происхождение названия оврага, по мнению некоторых исследователей, относится к XVIII в., см.: *Айдаров С.С., Аксенова Н.Д.* Великие Булгары... С. 13. Однако на плане Болгарского городища и села Болгары конца XVIII – начала XIX в. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21708.) овраг носит название «Безымянный», см.: *Abdullin K.M.* Bolgar Town on Maps and Plans of 18th–19th centuries // Great Bolgar. P. 81.
- ²⁷² Габдрахман сахабэ коесы (Колодец Габдрахмана) // Энциклопедия города Болгар и Спасского района / гл. ред. Г.С. Сабирзянов. Болгары, 2014. С. 103.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К статье *И.Л. Измайлова* «История Болгара по письменным источникам»

Рис. 1. Копия листа «Мешхедской рукописи», сделанная для виртуального киоска Музея Болгарской цивилизации

Рис. 2. А.П. Ковалевский (1895–1969)

Рис. 3. Путь посольства Ибн Фадлана на Волгу в 922 г.

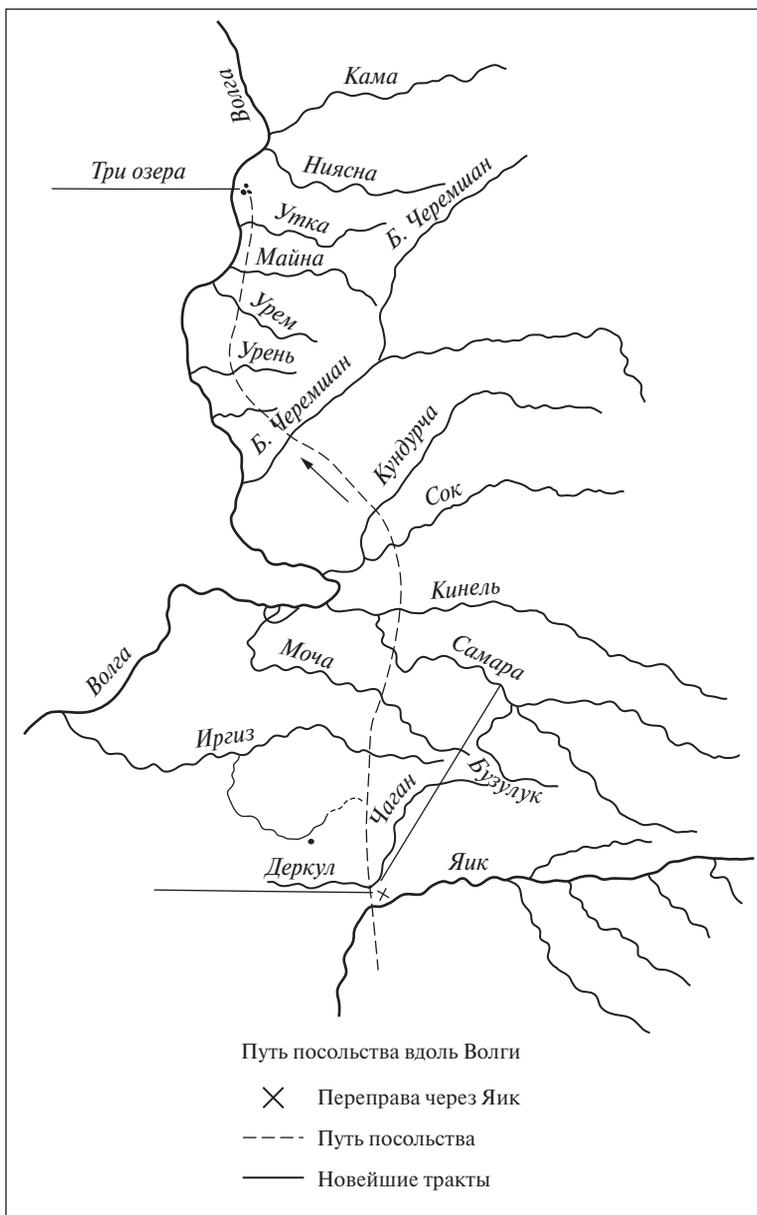

Рис. 4. Реконструкция волжского отрезка пути посольства Ибн Фадлана (по А.П. Ковалевскому)

Рис. 5. Карта мира, предположительно, по ал-Балхи (850–934 (или 951) гг.)

Рис. 6. Карта мира по ал-Истахри (около 850–934 гг.)

Рис. 7. Александр Македонский сооружает крепостную стену у границ мира, дабы обезопасить Ойкумену от варварских народов – йаджудж и маджудж (библейские Гог и Магор). По миниатюре из «Шахнаме». Иран, XIV в.

Рис. 8. Д.А. Хвольсон
(1819–1911)

Рис. 9. А.Я. Гаркави
(1839–1919)

Рис. 10. В.В. Бартольд
(1869–1930)

Рис. 11. А.С. Фиркович
(1787–1874)

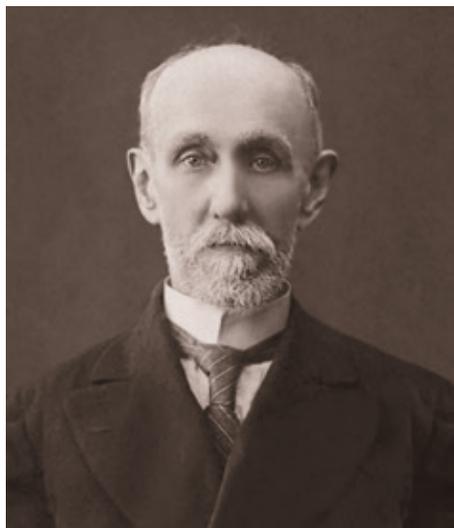

Рис. 12. П.К. Коковцев
(1861–1942)

Рис. 13. Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмед
ал-Бируни (973–1050)

Рис. 14. Карта расселения тюркских племен по представлениям
Махмуда ал-Кашгари (1029–1101 или 1126)

Рис. 15. Карта Мухаммада ал-Идриси (1100–1165)

Рис. 16. Марко Поло (1254–1324)

Рис. 17. Гийом де Рубрук
(ок. 1220 – ок. 1293)

Рис. 18. Восточный фасад Соборной мечети в Болгаре с техническим разрезом, демонстрирующим внутреннее устройство молельного зала с колоннами и винтовую лестницу для подъема на Большой минарет

Рис. 19. Интерьер Соборной мечети: вид на южную стену с михрабной нишей (в центре между колоннами) и минбаром (справа)

Рис. 20. Западные въездные ворота Болгара (по А.М. Губайдуллину)

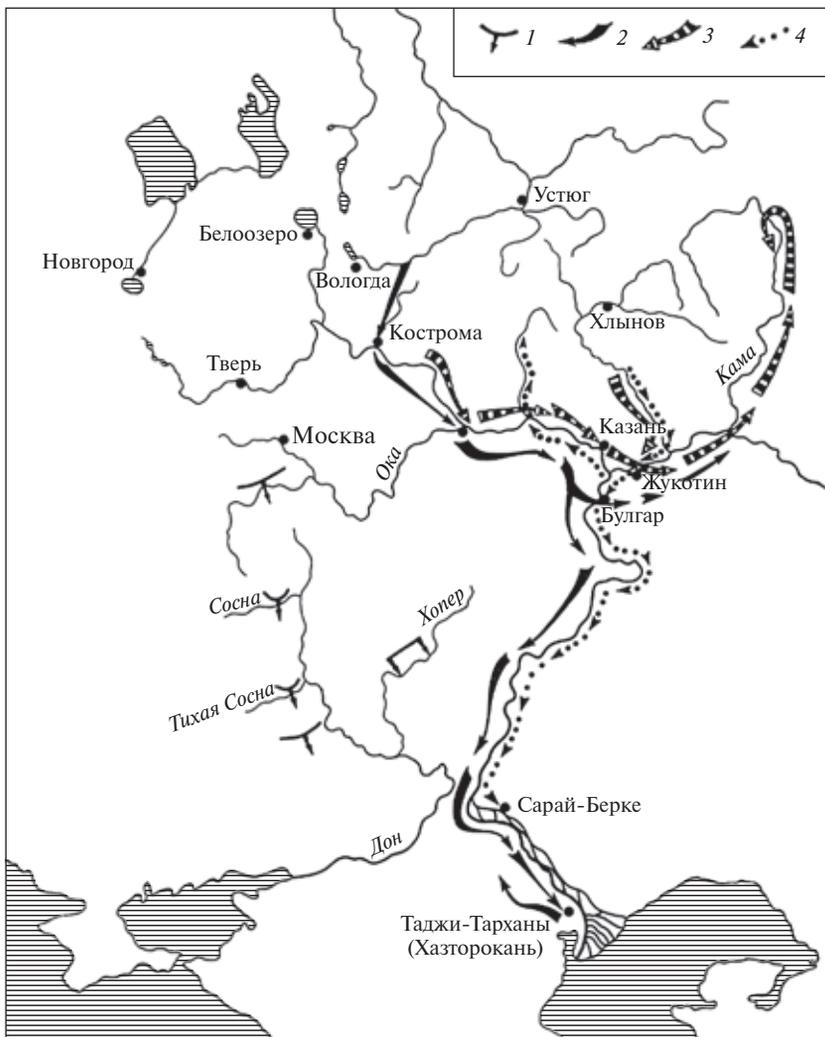

Рис. 21. Походы ушкуйников
 1 – заставы и разъезды, 2, 4 – походы на Среднюю и Нижнюю Волгу,
 3 – походы на Каму и Вятку

Рис. 22. Нападение новгородских ушкуйников на город.
По миниатюре из Никоновской летописи. XVI в.

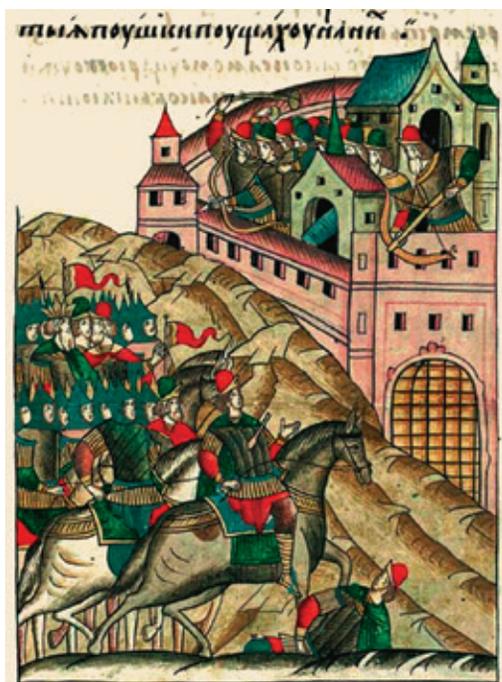

Рис. 23. Тохтамыш под Москвой.
По миниатюре из Лицевого летописного свода. XVI в.

К статье *И.М. Нестеренко, А.Г. Ситдикова*
«История изучения и сохранения города Болгара»

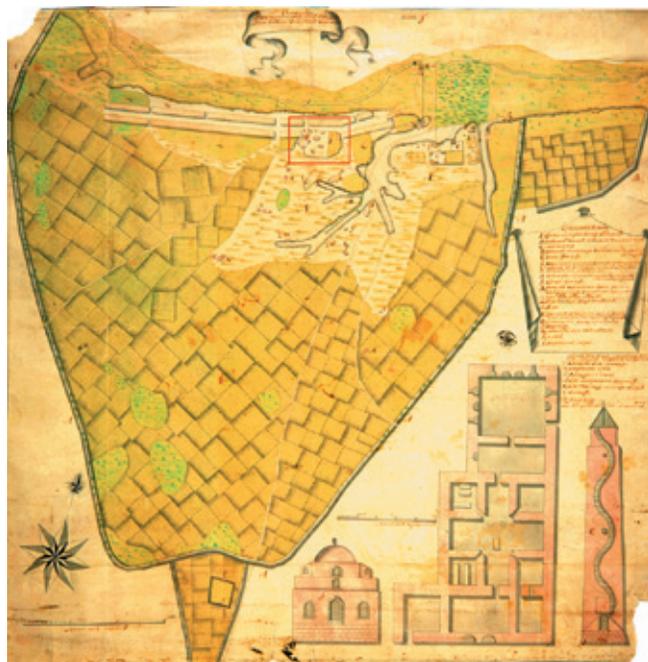

Рис. 24. «План экономическому селу Болгары, что внутри земляного вала», на котором показано Болгарское городище и основные архитектурные строения города Болгара, сохранившиеся на время проведения чертежных работ. Первая четверть XIX в. Крупным планом выделена территория Болгарского Успенского монастыря XVIII в.

Рис. 25. Д.Г. Мессершмидт
(1685–1735)

Рис. 26. Приезд Петра I в Болгары в 1722 году
на картине М.К. Мавровской

Рис. 27. В.Н. Татищев
(1686–1750)

Рис. 28. Г.Р. Державин
(1743–1816)

Рис. 29. Галера «Тверь» на картине А.К. Бегрова, 1879 г.

Рис. 30. И.И. Лепехин
(1740–1802)

Рис. 31. Н.Я. Озерецковский
(1750–1827)

Рис. 32. П.С. Паллас
(1741–1811)

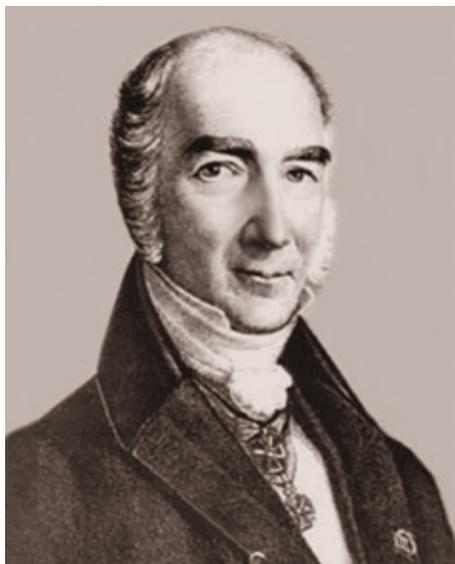

Рис. 33. Ф.Х. (Иоганн-Фридрих)
Эрдман (1778–1846)

Рис. 34. Х.Д. Френ
(1782–1851)

Рис. 35. Н.П. Румянцев
(1754–1826)

Рис. 36. П.П. Свинин
(1787–1839)

Рис. 37. Н.И. Второв
(1818–1865)

Рис. 38. Александр фон Гумбольдт
(1769–1859)

Рис. 39. Э. Турнерелли
(1813–1896)

Рис. 40. И.Н. Березин
(1818–1996)

Рис. 41. А. Дюран
(1807–1867)

Рис. 42. В.Г. Тизенгаузен
(1825–1902)

Рис. 43. К.И. Невоструев
(1816–1872)

Рис. 44. С.М. Шпилевский
(1833–1907)

Рис. 45. А.Ф. Лихачев
(1832–1890)

Рис. 46. А.С. Уваров
(1825–1884/1885)

Рис. 47. В.В. Радлов
(1837–1918)

Рис. 48. Л.К. Ивановский
(1845–1892)

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ.

Муллы Шихабъ-уд-дина Биги-уд-дина (*).

(Чтано въ заседаніи 13 августа. См. Протокол. стр. СVII).

Во имя Бога Всемилостиваго, Всемилосерднаго.

Хвала Богу, Владыкѣ міровъ, и молитва и принятіе Его Пророку Мухамеду и всему дому его.

Послѣ этого говорить нуждающійся въ помилованіи своего прощающаго Господа Шихабъ-уд-динъ сынъ Багау-д-дина, сына Субхана, сына Абдуль-Керима, изъ Мерджана, да сохранить его Богъ. Это есть историческій очеркъ и повѣсть о событіяхъ Казани и Волгара, которыя я извлекъ изъ разныхъ сочиненій и мелкихъ статей, собранныхъ жителями этой страны и составленныхъ татарскими и тюркскими жителями не владеющими ученостью. Нѣкоторые свѣдѣнія я почерпнулъ и изъ ученыхъ сочиненій, посвященныхъ жизни народоу. И сочинилъ я эту статью въ нѣкоторые часы досуга, днемъ и ночью, во время мѣсяца Рамазана 1278 года послѣ Гиджры того, въ комъ полное совершенство и совершенное достоинство.

Столицею страны Даншти-Кыпчака былъ городъ Болгарь, извѣстный съ древнихъ временъ, короткими словами описываемый въ книгахъ арабскихъ и сочиненіяхъ мусульманскихъ, и по народнымъ преданіямъ основанный Александромъ Македонскимъ.

Въ словарѣ Камуса сравнивается слово Болгарь по произношенію со словомъ куртакъ (بلغر -булгарь - قرطاق -куртакъ), но въ народѣ употребляется بلغار (булгарь).

Мулла Абдурахимъ сынъ Усмана изъ Отуль-Имяна говорить въ своемъ сочиненіи, что Александръ Македонскій, когда отправился на восточную войну, закопалъ въ пещерѣ припасы и на возвратномъ пути на этомъ же мѣстѣ основалъ городъ и назвалъ его именемъ, сложившимъ изъ словъ персидскаго и арабскаго *Буни-*

(*) Редакція помѣщаетъ эту статью ученаго казанскаго муллы, какъ образецъ историческихъ взглядовъ, существующихъ между учеными, въ мусульманскомъ смыслѣ, Татарами. Для оправданія ея оригинальныхъ выраженій, вслѣдъ за переводомъ, помѣщается для ориенталистовъ и подлинникъ сочиненія почтеннаго муллы. Переводъ съ татарскаго, по порученію предварительнаго комитета, сдѣланъ первоначально В. В. Радловымъ, который и читалъ его на Сѣздѣ въ извлеченіи. Въ настоящее время переводъ этотъ пересмотрѣнъ и дополненъ.

Рис. 49. Первый лист публикации доклада Ш. Марджани
в трудах Археологического съезда в Казани.
Перевод доклада на русский язык

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ

الحمد لله رب العالمين والصلوة والسلام على خير خلقه محمد وآله اجمعين (اما بعد فيقول العبد الفقير الى عفوره الغافر شهاب الدين بن بهاء الدين بن سبعان بن عبد الكريم الرجائي سلمه الله هذه عمالة تواريخ وغلالة اخبار متعلقة بالحوال قران وبلغار انتخبها من مجامع شتى ونسخ ركيكة جمعها سوادج اهل تلك الديار وحملها غفل مشايخ الترك والتتار مع توشحات بسيرة اختلسها من تصانيف علماء هم اطلاع على ايام الناس واعتبار وركبتها هذا التركيب بقطع من الليل وانأت من نهار ذلك في شهر رمضان سنة ثمان وسبعين ومأتين والى من هجرة من له كمال العز وتام الشرف قديم الايام دن معروف ومذكور وعلى سبيل الاجمال والاختصار كتب عربيته وتواريخ اسلامه اياها مسطور وافواه عوامه اسكندر ماقيدوني بناسي ديماكله مشهور اقليم دشت قججاني دار الملكى شهر بلغردور قاموس اللغفة قرطوق وزنده ضبط قيلوب والعامه تقوله بلغار ديمش ملاعبد الرحيم بن عثمان الاوتوز ايماني بعض مجامعك ايتادور اسكندر ماقيدوني شرق غزاسنه توجه ايلدكك بعض ادواتى برغاره دفن ايلش ومين رجوعك شول محله بر شهر بنا ايلايوب فارسى وعربى ايكي كلمه دن تركيب ايدوب اسنى بن غار قويمش بمعنى اصل الغار وبعد ايام تحريفه ياكه تعريب له بلغار بولدى وبعض لر وجه تسميه سنده اهالى بلداه مذكوره چرم بلغار صناعتينه مهارت لرندن مسكن لارى اولان شهر لارى بلغار اسميله نسيبه اولندى ديور اما چنكز ظهورى وبو بلاده تغلبى بعدنده احدات ايلدن شهر ومزبورننگ اولادينه دار الملك معتبر بلد سراى دوركه آنى باتو خان بن جوجى خان بن چنكزخان احدات وبنا قيلوب بر نجه مدت عقبيننگ دار الملكى بولدى وبو شهر سراى بناسى ٧٥١ سنه هجرية حدودنده واقع بولدى ودخى من مشاهر البلدان فى هذا الاقليم شهر قران دور كيم مذكور بانو خان اولادندان سنة ثمان واربعين وسبعماية حدودنده برى بنا قيلش وجه تسميه سى ياكه نهر قران ساحلنده واقع بولاقدن ياكه مذكور شهرننگ بانى سى قران اسلى بولاقندان بو اسمله نسيبه ايدش اوله وبعض لر اصلده بغين معجمه غزان دور چونكه بو شهرى بانى ايران واذريجان پادشاهى اولاد هلاكو خاندن سلطان محمود غزان خان بن ارغون خان بن ابغا خان بن هلاكو خان بن تولى خان بن چنكز خان دور ديشلر تيهور كوركان فتنه سى انقساسى بعدنده شهر قراننى ينه تجديدا محمد خان بنا قيلدى سنة اربعين وثمانماية هجرية حدودنده ديرلار والعهدة على الراوى والله اعلم بالصواب بو فقير ايتادر بلغار وقران اهالى سى ننگ تواريخ و ايام الناس غه عدم رغبت وقلة اهتمام ومعرفتلرندان بو ملك كا متعلق اخبار اكثرى واهى ونخميندور واوتوز ايماني ذكر

(١)

7*

Рис. 50. Первый лист публикации доклада Ш. Марджани
в трудах Археологического съезда в Казани.
Арабиграфичный подлинник на татарском

Рис. 51. Н.Ф. Высоцкий
(1843–1922)

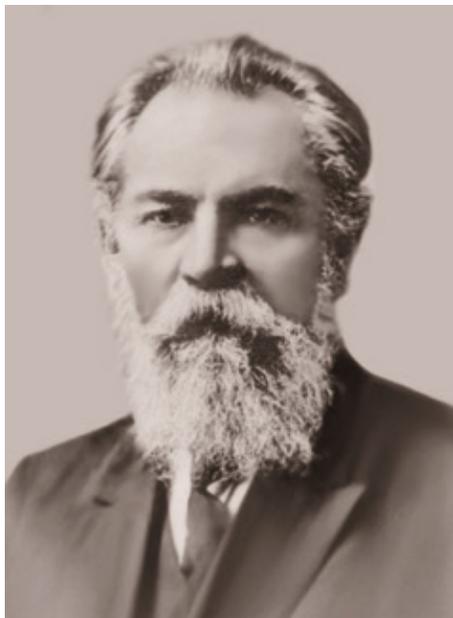

Рис. 52. П.И. Кротов
(1852–1914)

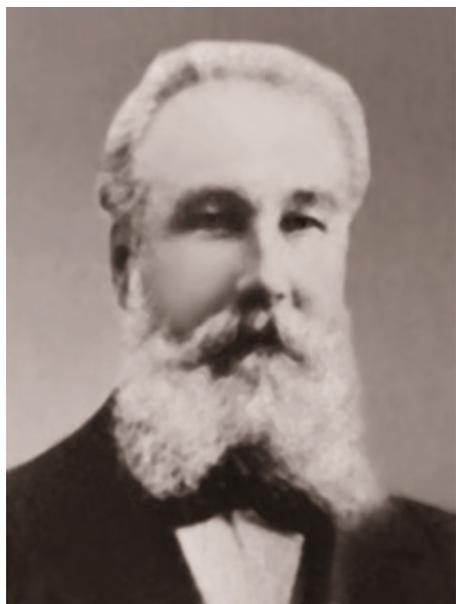

Рис. 53. И.А. Износков
(1835–1917)

Рис. 54. И.Н. Смирнов
(1856–1904)

Рис. 55. П.А. Пономарев
(1847–1919)

Рис. 56. В.Ф. Смолин
(1890–1932)

Рис. 57. М.Г. Худяков
(1894–1936)

Рис. 58. А.А. Штукеберг
(1844–1905)

Рис. 59. Н.Н. Фирсов
(1864–1934)

Рис. 60. А.С. Башкиров
(1885–1963)

Рис. 61. П.М. Дульский
(1879–1956)

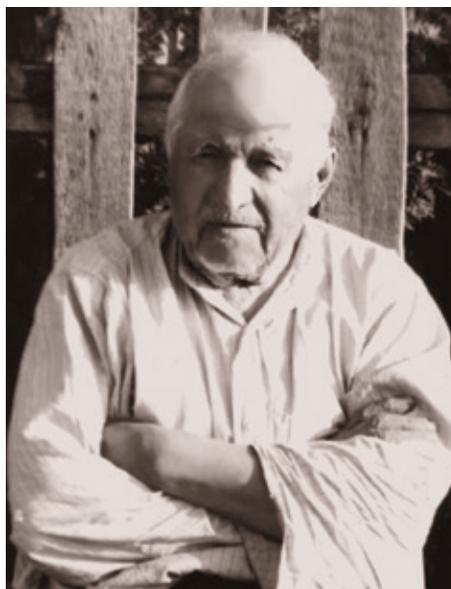

Рис. 62. В.М. Королев (1885–1972) –
хранитель древностей Болгара.
Фото 1965 г.

Рис. 63. Панорама села Болгары – Успенское. Вид с Малего минарета
Фото А.С. Башкирова, 2–3 июня 1912 г.

Рис 64. Состояние памятников Болгара в начале XX в. Руины Соборной мечети.
Вид с западной стороны. Фото А.С. Башкирова. 1912 г.

Рис. 67. На раскопках в Болгаре. Участники Куйбышевской археологической экспедиции во время воскресного обхода.
Слева направо: З.А. Акчурина, А.П. Смирнов (с блокнотом в руках), Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская. Фото 1946 г.

Рис. 68. Члены Поволжской археологической экспедиции в день отъезда.
Справа налево: В.И. Ледайкин, А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова, Ю.А. Краснов (седьмой), П.Н. Конев (десятый), А.Г. Петренко (одиннадцатая). Фото. 1968 г.

Рис. 69. Г.А. Федоров-Давыдов
(1931–2000)

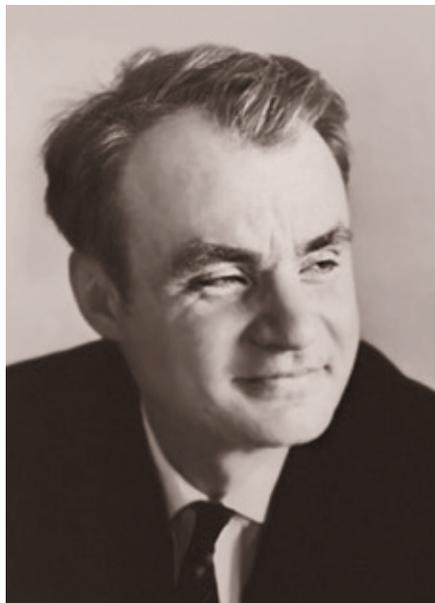

Рис. 70. В.В. Путин, Р.Н. Минниханов и М.Ш. Шаймиев в Болгаре
28 августа 2012 г. во время осмотра Соборной мечети в центральной части
Болгарского городища (фото М. Козловского)

К статье *Х.М. Абдуллина* «Охрана археологических и архитектурных памятников Болгарского городища в XIX веке»

Рис. 71. Император Николай I
(1796–1855)

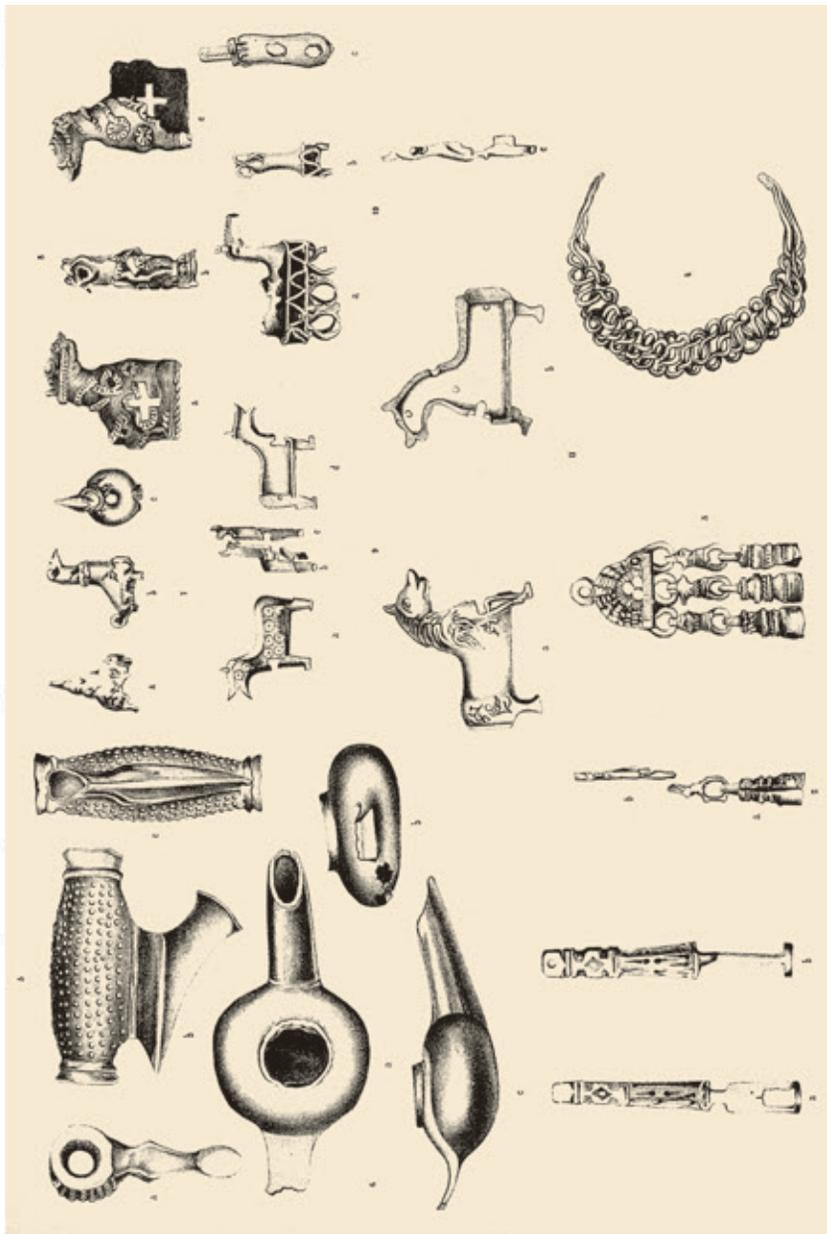
Рис. 72. В.С. Ланской
(1754–1831)

Рис. 73. Казанский губернский
прокурор Г.И. Солнцев
(1786–1866)

Рис. 74. А.А. Закревский
(1783–1865)

ДРЕВНІЯ ВЕЩИ ИЗЪ С. БОЛГАРЪ.

Рис. 75. Древние вещи из Болгара. Лист X из Атласа IV археологического съезда в Казани

Циркулярно.

М. В. Д.
КАЗАНСКАГО
ГУБЕРНАТОРА.

КАНЦЕЛЯРІЯ.

15 Юля 1884 года.

№ 40.

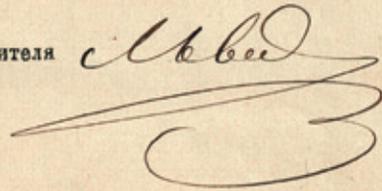
Г.г. Уѣзднымъ Исправникамъ.

Предписываю Вашему Высокоблагородію
наблюсти за точнымъ и непремѣннымъ ис-
полненіемъ во вѣренномъ Вамъ уѣздѣ цир-
куляра, отъ 20 Августа 1882 года за № 130,
и ни подъ какимъ видомъ не допускать клудо-
искательствъ и неизбежнаго отъ того разру-
шенія памятниковъ древности, а непремѣнно
доставлять мнѣ всѣ находимые предметы дре-
вности.

Подписаль: И. д. Губернатора,
Вице-Губернаторъ Хитрово.

Скрѣпиль:
Правитель Канцеляріи Орловъ.

Вѣрно: И. д. Помощника Правителя

14.

Рис. 76. Предписание казанского вице-губернатора Хитрово уездным исправникам о недопустимости клудоискательства. 1884 г.

Общества Археологии, Утопии и
Этнографии при Император-
ского Высшего Император-
ского и Императорской
Археологической Комиссии. -

Подписал: Вице-Император,
Уд. Вице-Императора

Про: Управителю.

Взнос: Платить

Рис. 78. Предписание Спасскому уездному исправнику о недопустимости несанкционированных раскопок на территории Болгарского городища 1914 г. (Оборотная сторона)

К статье *Р.Р. Валиева, А.Г. Ситдикова*
 «Археологическое изучение Болгара в 2010–2015 гг.»

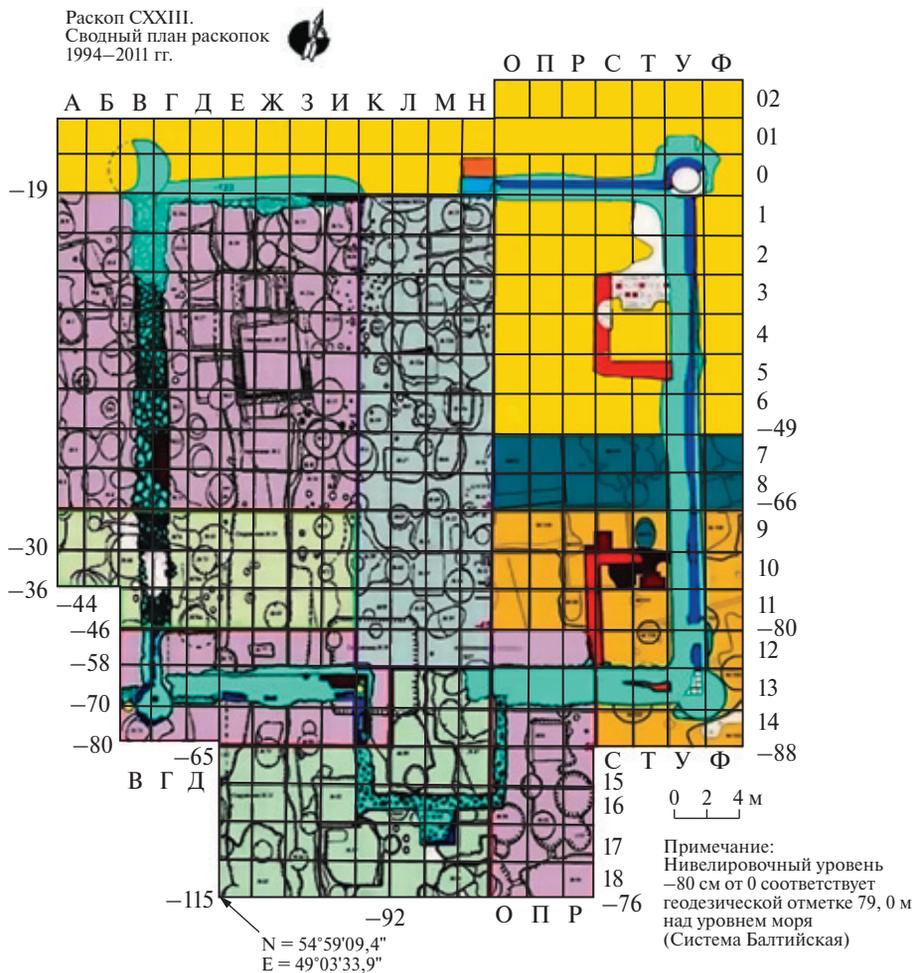

Рис. 79. Сводный план раскопа СХХIII 1994–2011 гг.
 (по Р.Ф. Шарифуллину)

Рис. 80. Схема расположения раскопов CLXXIX и СХСII, совмещенная с планом монументального сооружения «Городской базар» середины XIV в. (по В.Ю. Ковалю и Д.Ю. Бадееву)

Рис. 81. Руины бани № 2 в процессе музейфикации

Рис. 82. Защитный павильон над баней № 2

Рис. 83. Каменная постройка 40–60-х годов XIV в.,
получившая название «Здание с башней»
(по А.Г. Ситдикову, И.В. Волкову и О.В. Лопан)

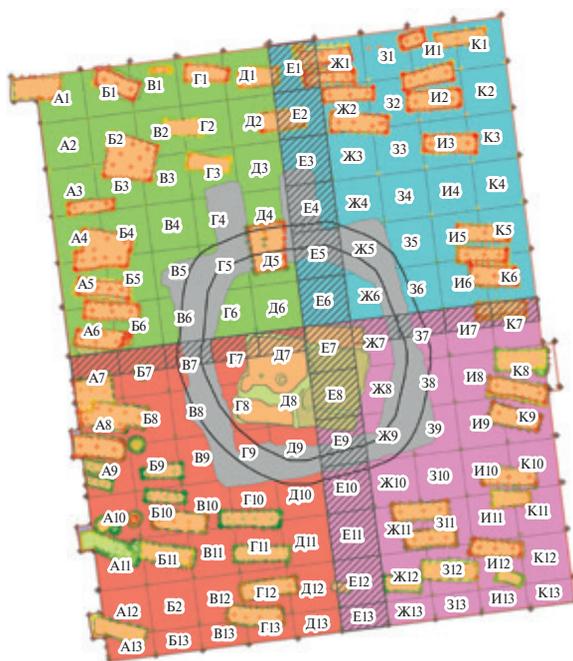

Рис. 84. Общий план раскопа CLXXIV с руинами
южного мавзолея и погребениями некрополя
(по И.И. Елкиной и А.В. Лазукину)

Рис. 85. Цифровая космосъемка юго-западной окраины Болгарского городища с раскопами ССИ, ССИІ, ССИІІ (по А.Г. Ситдикову, И.В. Волкову и О.В. Лопан)

Рис. 86. План Малого городка с объектами исследований 2013 и 2015 гг. (по И.И. Елкиной и А.В. Лазукину)

Рис. 87. Горн для обжига керамической посуды XIV в.
на раскопе CLXXXII (по Т.Р. Губайдуллину и Р.Р. Валиеву)

Рис. 88. Кувшин с дегтем
из раскопок на месте
строительства Памятного
знака. Раскоп CLVI.
(Исследователь
М.В. Сивицкий)

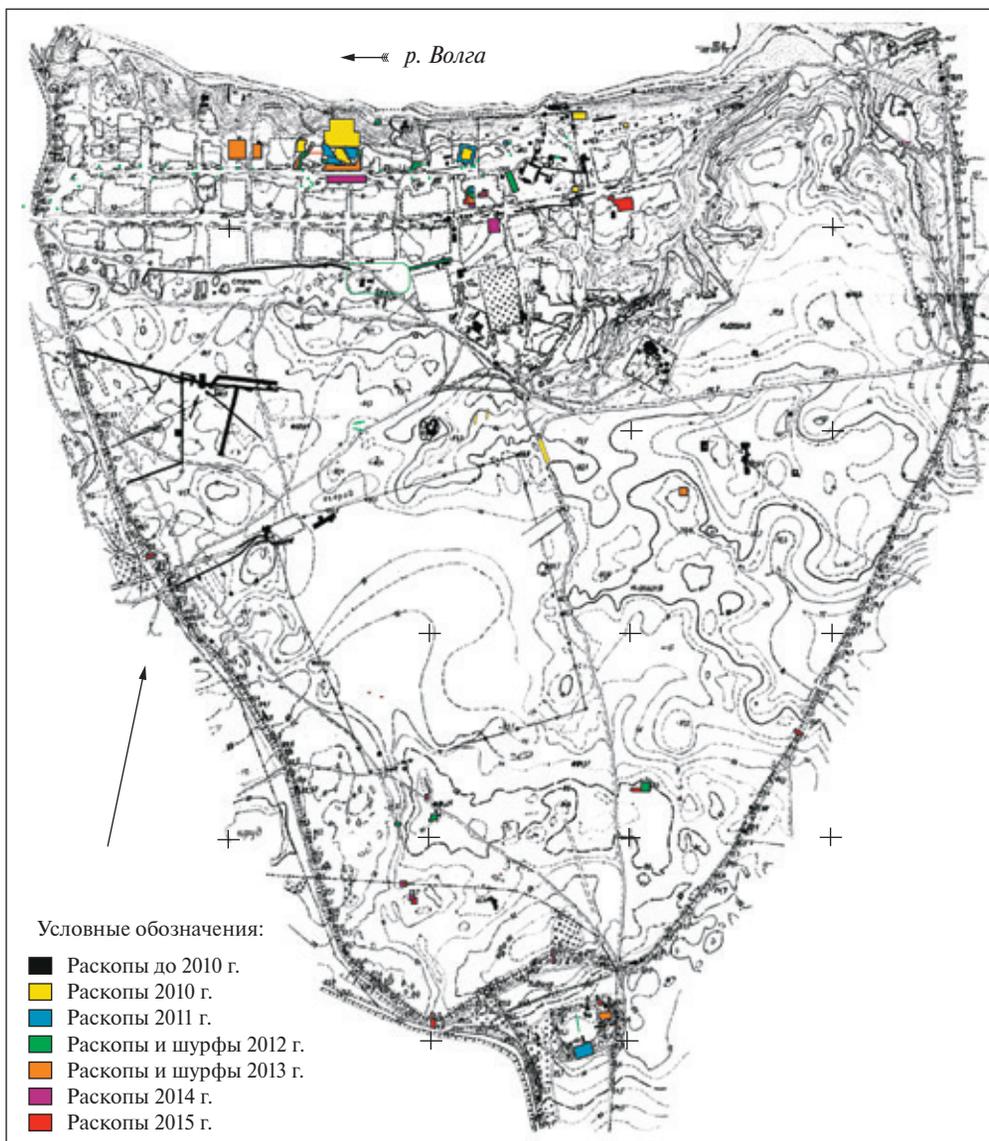

Рис. 89. План Болгарского городища с раскопами 2010–2015 гг.

К статье *С.Г. Персовой, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова*
«История Болгарского музея-заповедника»

Рис. 90. Склад надгробий и архитектурных деталей в Черной палате: снимок 1894 г.

Рис. 91. Склад надгробий и архитектурных деталей в Черной палате: фото А.С. Башкирова, 1912 г.

Рис. 92. И.Э. Грабарь
(1871–1960)

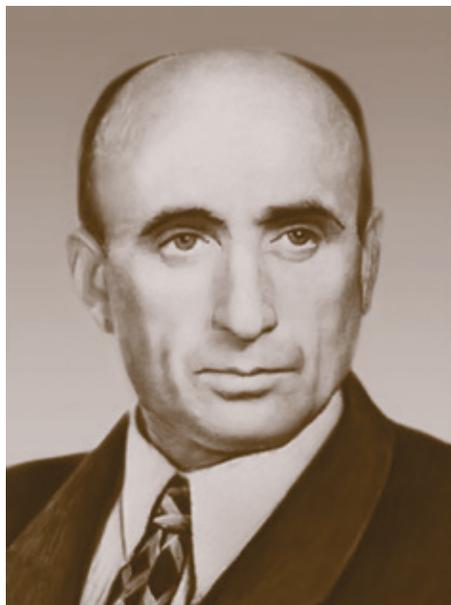

Рис. 93. А.П. Смирнов
(1899–1974)

Рис. 94. Л.А. Давид
(1914–1994)

РСФСР

Копия.

МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ

Совет Министров Татарской АССР

№ 14 " IX 1967 г.

№ 01-924/14

г. Москва

Министерство культуры РСФСР рассмотрело Постановление Совета Министров Татарской АССР " Об организации на базе Болгарского городища государственного архитектурно-археологического и исторического заповедника республиканского (РСФСР) значения", поддерживает его и считает, что создание заповедника на базе крупнейшего памятника архитектуры и археологии является важной гарантией его сохранности и глубокого изучения, широкой пропаганды и показа в общеобразовательных и воспитательных целях.

Вместе с тем, Министерство культуры РСФСР считает, что на первой стадии организации заповедника, необходимо провести ряд мероприятий по подготовке архитектурных и археологических памятников и музейному показу, разработке положений и охранных зон заповедника. В связи с этим целесообразно в 1968 году на базе Болгарского городища организовать филиал республиканского краеведческого музея с последующим переводом его в самостоятельный архитектурно-археологический заповедник республиканского (РСФСР) значения. Утверждению отеческих эскизов филиала может быть произведено Министерством культуры РСФСР в пределах выделенных бюджетных ассигнований Татарской АССР на 1968 год.

Министр культуры
РСФСР

И. Кузнецов

Рис. 95. Решение Министерства культуры РСФСР об организации в 1968 г. на базе Болгарского городища филиала республиканского краеведческого музея с последующим переводом его в самостоятельный архитектурно-археологический заповедник республиканского (РСФСР) значения

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совета Министров Татарской АССР

Казань, Кремль

от 14 апреля 1969 г.

№ 222

Об открытии в Татарской АССР на базе
Болгарского городища Государственного
историко- архитектурного заповедника

Во исполнение постановления Совета Министров РСФСР от 9 февраля 1968 г. № 77 " О практике руководства Советом Министров Татарской АССР культурным строительством в республике" Совет Министров Татарской АССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Открыть с 1 июля 1969 г. на базе Болгарского городища Государственный историко- архитектурный заповедник.
2. Просить Министерство культуры РСФСР утвердить штатное расписание Болгарского Государственного историко- архитектурного заповедника.

Председатель Совета
Министров Татарской АССР

Г.Усманов

Представляющий Делами
Совета Министров ТАССР

Г.Янкия

Рис. 96. Постановление Совмина ТАССР об открытии на базе Болгарского городища Государственного историко-архитектурного заповедника. № 222 от 14 апреля 1969 г.

Рис. 97. Д.Г. Мухаметшин
(род. 1946)

Рис. 98. Н.Д. Аксенова
(род. 1928)

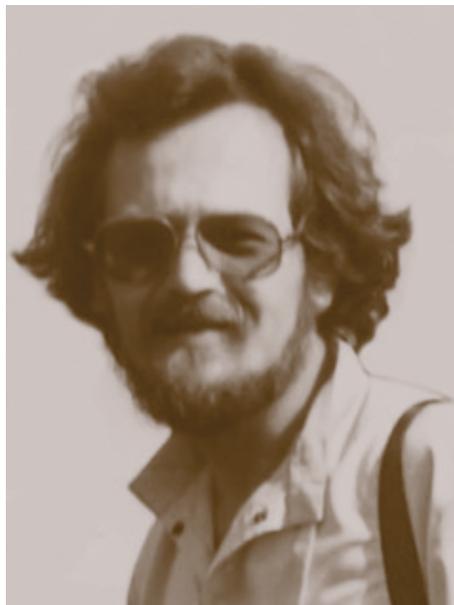

Рис. 99. М.М. Кавеев
(1954–2008)

Рис. 100. Археологическая выставка
в здании Успенской церкви. 1980-е годы

Рис. 101. Скульптура болгарского воина
в экспозиции БГИАМЗ.
Автор Н.И. Адылов

Рис. 102. Намаз на Соборной мечети в рамках торжеств, посвященных 1100-летию официального принятия ислама в Волжской Болгарии. 1989 г.

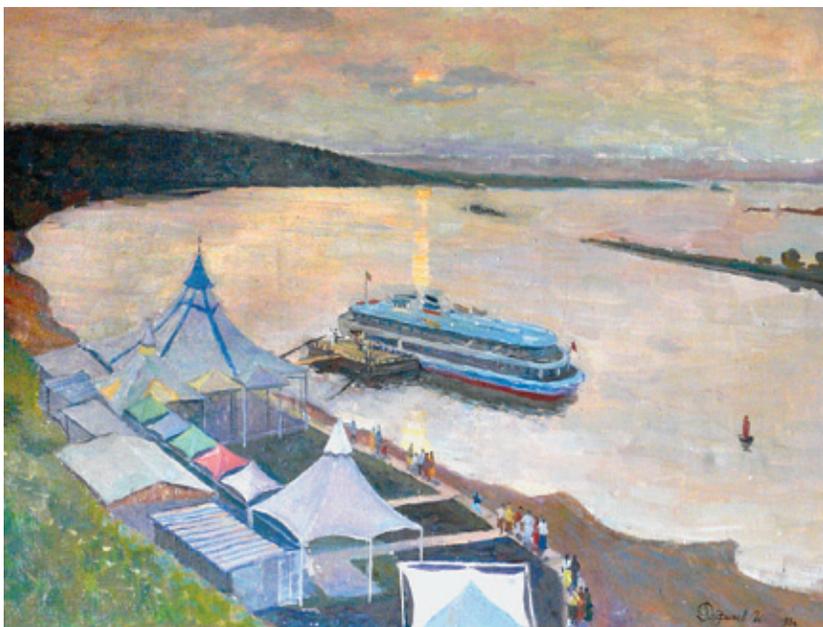

Рис. 103. Пристань в Болгарах.1993 г. Автор И. Рафиков

К статье В.Н. Калуцкова, О.Е. Штеле, П.М. Шульгина
«Природный ландшафт Болгарского городища»

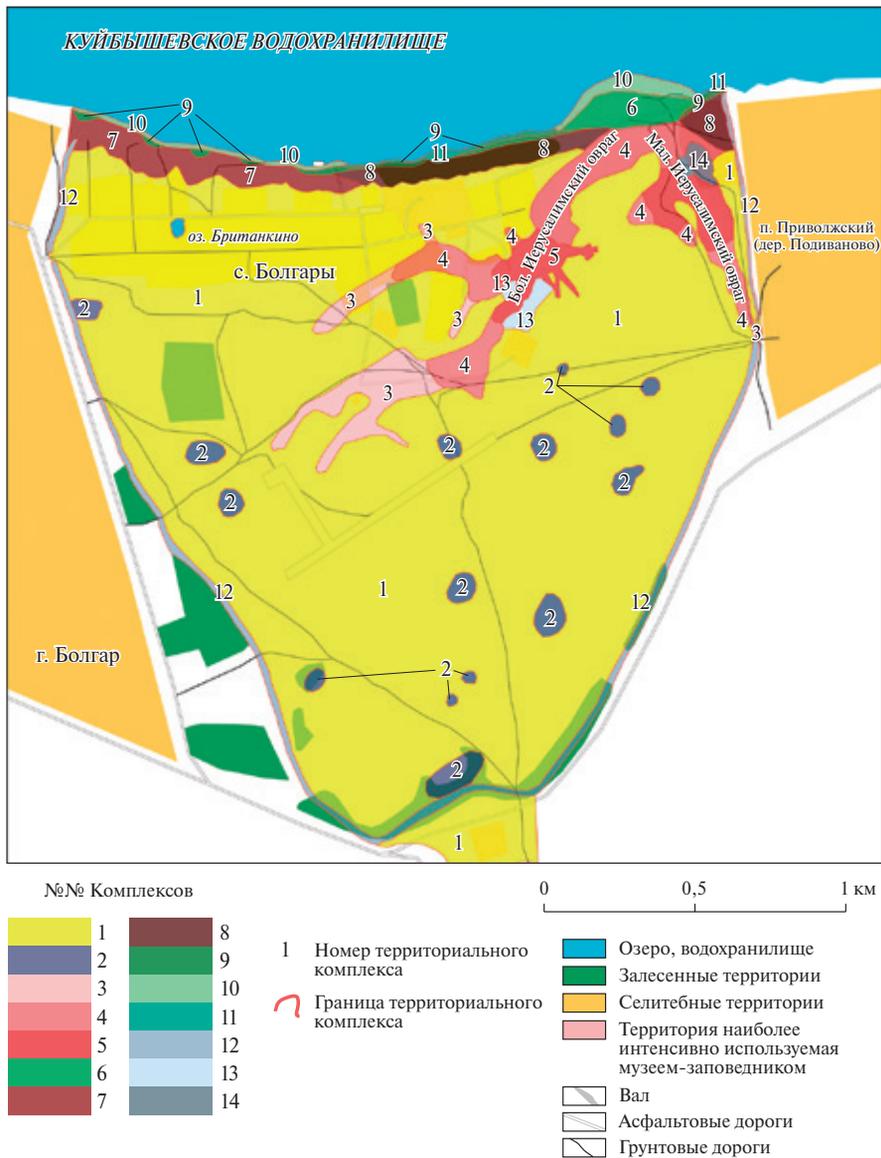

Рис. 104. Природные ландшафты Болгарского городища
(авторы В.Н. Калуцков, А.И. Глухов, составитель А.И. Глухов)

Условные обозначения	Природные и культурные территориальные комплексы	Местоположение территориальных комплексов на территории музея-заповедника
Природные территориальные комплексы		
1	Основная поверхность второй надпойменной террасы Волги, сложенной супесями и песками, под лугово-степной растительностью, местами под посадками березы, сосны, американского клена и коренными дубовыми лесами; частично занятой исторической деревней Болгары	Повсеместно, за исключением северной части
2	Суффозионные западины с сезонными озерами с лугово-степной растительностью и местами с влажнотравьем	Повсеместно, за исключением северной части
3	Лощины с лугово-степной растительностью	Центральная и северо-восточная части музея-заповедника
4	Балки, трапециевидные, с лугово-степной растительностью и сорнотравьем	Центральная и северо-восточная части музея-заповедника
5	Овраги, V-образные, задернованные	Центральная и северо-восточная части музея-заповедника
6	Конус выноса оврагов Большого и Малого Иерусалимского, задернованный с лугово-степной растительностью	Северо-восток
7	Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, местами незадернованные и осыпные, с оползнями и оплывинами в нижних частях, под луговой растительностью и сорнотравьем	Северо-западная часть музея-заповедника
8	Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, оползневые, под вторичной лесной растительностью, лугово-степной растительностью и сорнотравьем	Северная часть музея-заповедника
9	Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и суглинками, под лугово-степной растительностью	Северная часть музея-заповедника
10	Пляжи водохранилища, песчаные, периодически затопляемые	Северо-западная часть музея-заповедника
11	Пляжи водохранилища (бечевник), суглинистые, с влажнотравно-тростниковой растительностью	Северная часть музея-заповедника
Культурные территориальные комплексы		
12	Комплекс древних земляных валов и рвов с лугово-степной и местами лесной растительностью	По периметру всего музея-заповедника
13	Ареал древнего «ямного рельефа» (антропогенного бедленда) по бортам оврага Большой Иерусалимский с луговой и сорной растительностью	Центральная часть музея-заповедника
14	Песчаный карьер, рекультивированный, с посадками сосны и лугово-степной растительностью	Северо-восточная часть музея-заповедника

Рис. 104. Легенда к карте «Природные ландшафты Болгарского городища» (окончание)

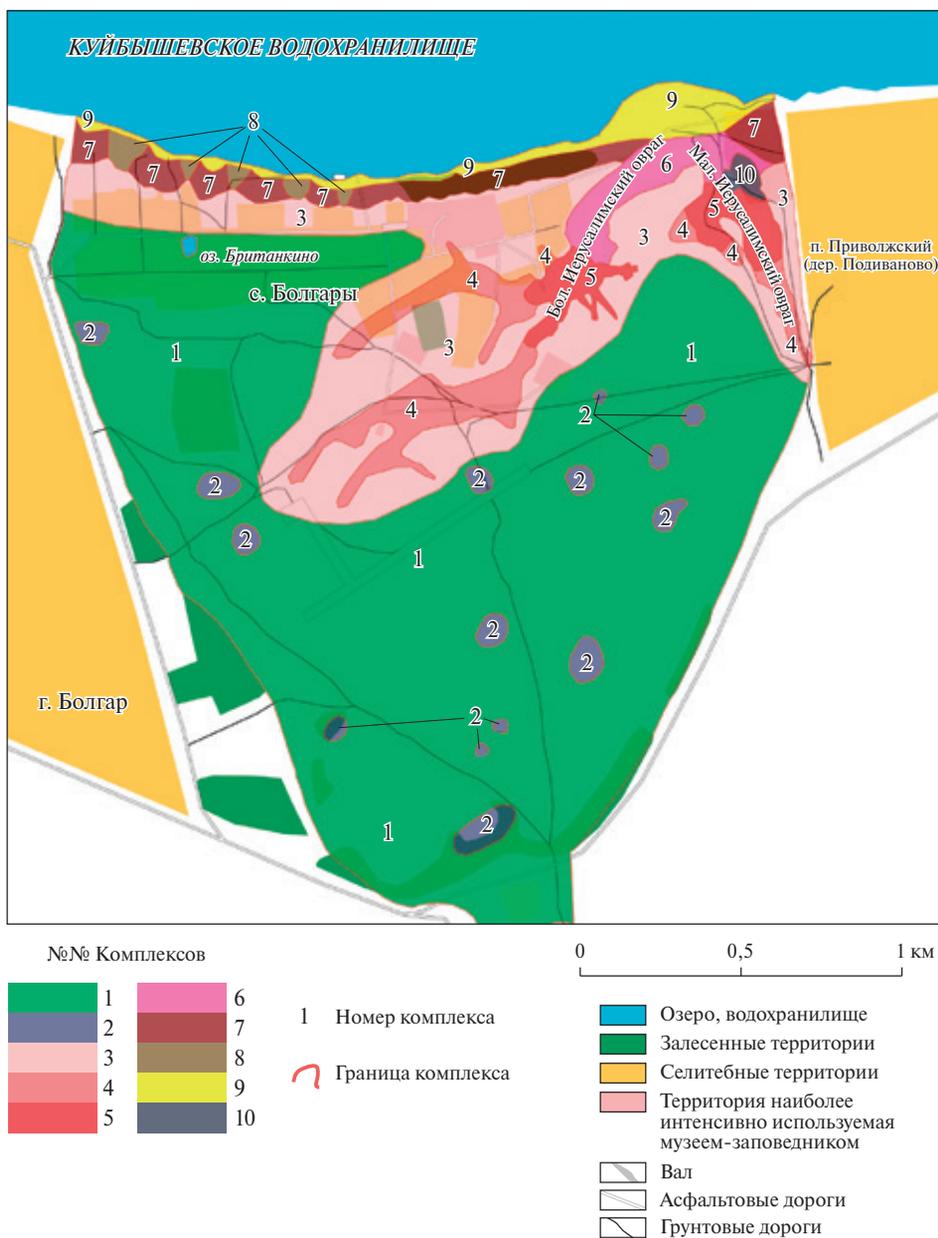

Рис. 105. Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского городища (автор В.Н. Калуцков, составитель А.И. Глухов)

Условные обозначения	Опасные и неблагоприятные природные процессы	Локализация
1	Потенциальная ветровая эрозия и возможные суффозионные просадки грунта	Основная поверхность второй надпойменной террасы Волги
2	Сезонное подтопление	Суффозионные западины (степные блюдца)
3	Потенциальная ветровая эрозия и опасность развития новых эрозионных врезов	Присетьюевые склоны основной поверхности второй надпойменной террасы Волги
4	Опасность дальнейшего развития эрозионных форм (лощин и балок) в овраги	Лощины и балки
5	Опасность дальнейшего развития оврагов (углубление), оползневая опасность по склонам	Овраги
6	Опасность возникновения оползней по склонам, дальнейшее развитие эрозионных врезов в овраги	Балка сложного профиля (нижняя часть Большого и Малого Иерусалимских оврагов)
7	Опасность возникновения и активизации оползней	Склоны второй надпойменной террасы Волги
8	Опасность возникновения осыпей, эрозионных врезов и оползней	Склоны второй надпойменной террасы Волги
9	Интенсивное размывание (абразия) берега	Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги, пляж и бечевник водохранилища
10	Опасность возникновения эрозионных врезов и осыпей	Песчаный карьер

Рис. 105. Легенда к карте «Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского городища» (окончание)

Рис. 106. Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского городища (автор В.Н. Калущков, составитель А.И. Глухов)

Условные обозначения	Территориальные комплексы – природные и культурные	Современные антропогенные воздействия	Устойчивость территориальных комплексов к антропогенным воздействиям
Проблемные территориальные комплексы, требующие первоочередных мероприятий по уменьшению антропогенного воздействия			
1	Основные поверхности второй надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и песками, под лугово-степной растительностью, местами под посадками березы, сосны, американского клена и коренными дубовыми лесами	Интенсивный выпас скота, сеть автомобильных грунтовых дорог и пешеходных троп, нерегулируемые автомобильные стоянки, вытаптывание	При повышении уровня воздействия малоустойчивы со значительным риском деградации и развития ветровой эрозии
5	Овраги, V-образные, задернованные	Выпас скота, противозерозионные мероприятия	При усилении воздействия существует опасность активизации водной эрозии
8	Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, оползневые, под вторичной лесной растительностью, лугово-степной растительностью и сорнотравьем	Тропиночная сеть	Не устойчивы
Потенциально проблемные территориальные комплексы, нуждающиеся в регуляции антропогенного воздействия			
7	Склоны второй надпойменной террасы Волги, крутые, местами незадернованные и осыпные, с оползнями и оплывинами в нижних частях, под луговой растительностью и сорнотравьем	Выпас скота	Не устойчивы
10	Пляжи водохранилища, песчаные, периодически затопляемые	Зона пляжной рекреации	Не устойчивы
12	Комплекс древних земляных валов и рвов с лугово-степной и местами лесной растительностью	Выпас скота, пикники, стихийные свалки, бытовое изъятие грунта	Относительно устойчивы; при усилении антропогенного воздействия существует опасность деградации рельефа

Рис. 106. Легенда к карте «Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского городища»

Условные обозначения	Территориальные комплексы – природные и культурные	Современные антропогенные воздействия	Устойчивость территориальных комплексов к антропогенным воздействиям
Территориальные комплексы, нуждающиеся в постоянном экологическом мониторинге			
1	Основные поверхности второй надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и песками, под лугово-степной растительностью, местами под посадками березы, сосны, американского клена и коренными дубовыми лесами	Селитебная территория (д. Болгары, огороженная территория музея), выпас скота	Относительно устойчивы
2	Суффозионные западины с сезонными озерами с лугово-степной растительностью и местами с влажнотравьем	Интенсивный выпас скота	При существующем уровне воздействия относительно устойчивы
3	Лощины с лугово-степной растительностью	Интенсивный выпас скота	Относительно устойчивы
4	Балки, трапециевидные, с лугово-степной растительностью и сорнотравьем	Выпас скота	При существующем уровне воздействия относительно устойчивы
6	Конус выноса оврагов Б. и М. Иерусалимских, задернованный	Автомобильная дорога	Относительно устойчив
9	Фрагменты основной поверхности первой надпойменной террасы Волги, сложенные супесями и суглинками, под лугово-степной растительностью	Тропиночная сеть	Относительно устойчивы
11	Пляжи водохранилища (бечевник), суглинистые, с влажнотравно-тростниковой растительностью	Рыбалка	Относительно устойчивы
13	Ареал древнего «ямного рельефа» (антропогенного бедленда) по бортам оврага Большой Иерусалимский с луговой и сорной растительностью	Тропиночная сеть	Относительно устойчив
14	Песчаный карьер, рекультивированный, с посадками сосны и лугово-степной растительностью	Выпас скота	Относительно устойчив

Рис. 106. Легенда к карте «Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского городища» (окончание)

 Ареал произрастания
ДРОКА КРАСИЛЬНОГО

 Ареал произрастания
ДУБА

 Ареал произрастания
КОВЫЛЯ

 Овраги и эрозионные врезы
с противоэрозионными мероприятиями

 Озеро, водохранилище

 Залесенные территории

 Селитебные территории

 Территория наиболее
интенсивно используемая
музеем-заповедником

 Вал

 Асфальтовые дороги

 Грунтовые дороги

0 0,5 1 км

Рис. 107. Экологически ценные природные объекты на территории Болгарского городища (автор В.Н. Калущков, составитель А.И. Глухов)

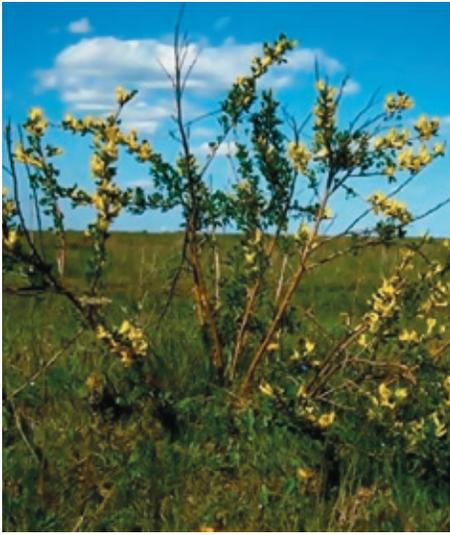

Рис. 108. Цветущий дрок красильный.
Фото В.Н. Калуцкова

Рис. 109. Естественный массив ковыля.
Фото В.Н. Калуцкова

Рис. 110. Дуб на Болгарском городище.
Фото В.Н. Калуцкова

Рис. 111. Правый задернованный
отвершек оврага Большой
Иерусалимский. По правому
борту оврага видна нора.
Фото В.Н. Калуцкова

К статье *В.С. Баранова, Р.М. Валеева, А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова* «Древний Болгар в истории и культуре Евразии»

Рис. 112. Г.Р. Державин на рисунке М.К. Мавровской
«Гимназист Г. Державин в Болгарах. 1761 г.»

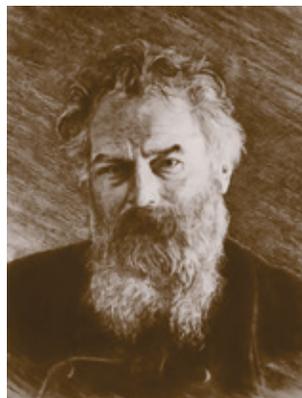

Рис. 113. И.И. Шишкин
(1832–1898 гг.)
на автопортрете 1886 г.

Рис. 114. А.И.С. Грабарь
(1871–1960)

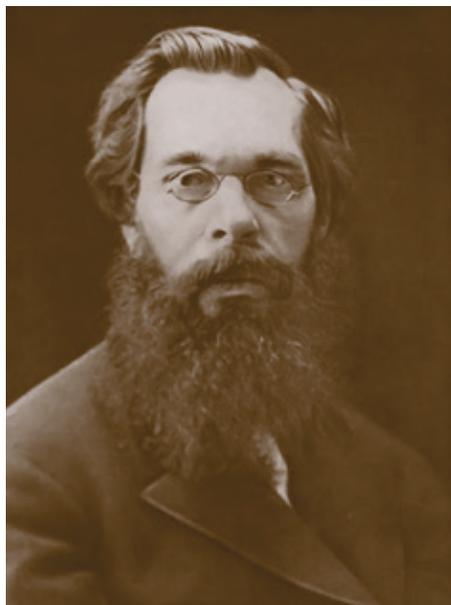

Рис. 115. А.К. Саврасов
(1830–1898)

Рис. 116. Г.Г. Чернецов.
Братья Поликарп и Никанор
Григорьевичи Чернецовы в Риме

Рис. 117. Ш. Марджани
(1818–1889)

Рис. 118. К. Насыйри (1825–1902)

Рис. 119. Х. Фаизханов (1823–1866)

Рис. 120. Петр Первый. Репродукция цветной раскрашенной литографии

Рис. 121. «Портрет Екатерины II в дорожном костюме»

Рис. 122. Багу хан (ок. 1209—1255/1256)

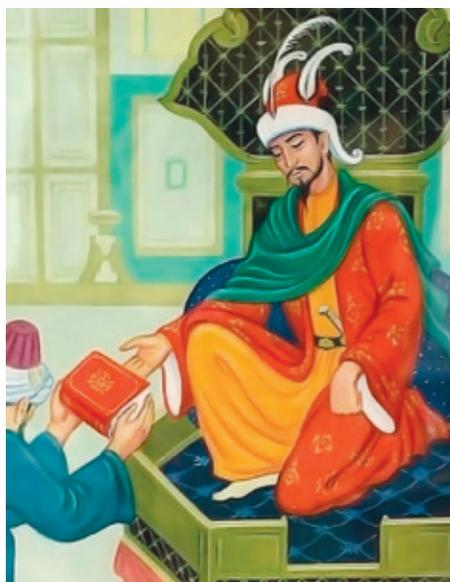

Рис. 123. Берке хан (1209—1266)

Рис. 124. Ахмед ибн Фадлан с посланием к царю Альмушу на картине Л.А. Фаттахова. 1971 г.

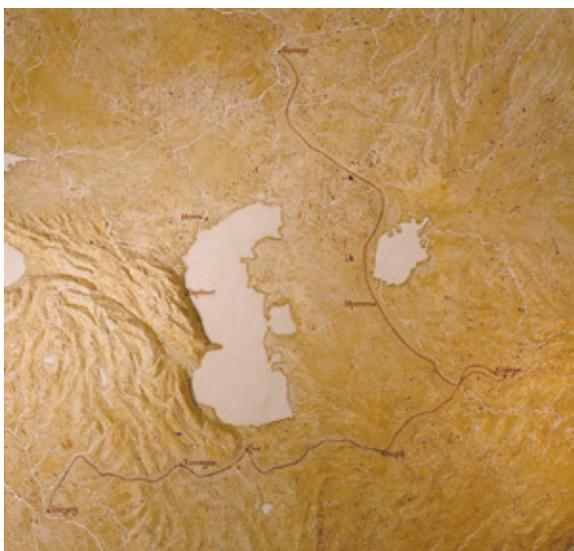

Рис. 125. Карта маршрута посольства, экспонируемая в Памятном знаке в честь принятия ислама волжскими болгарами.
Автор: Р.А. Габбасов

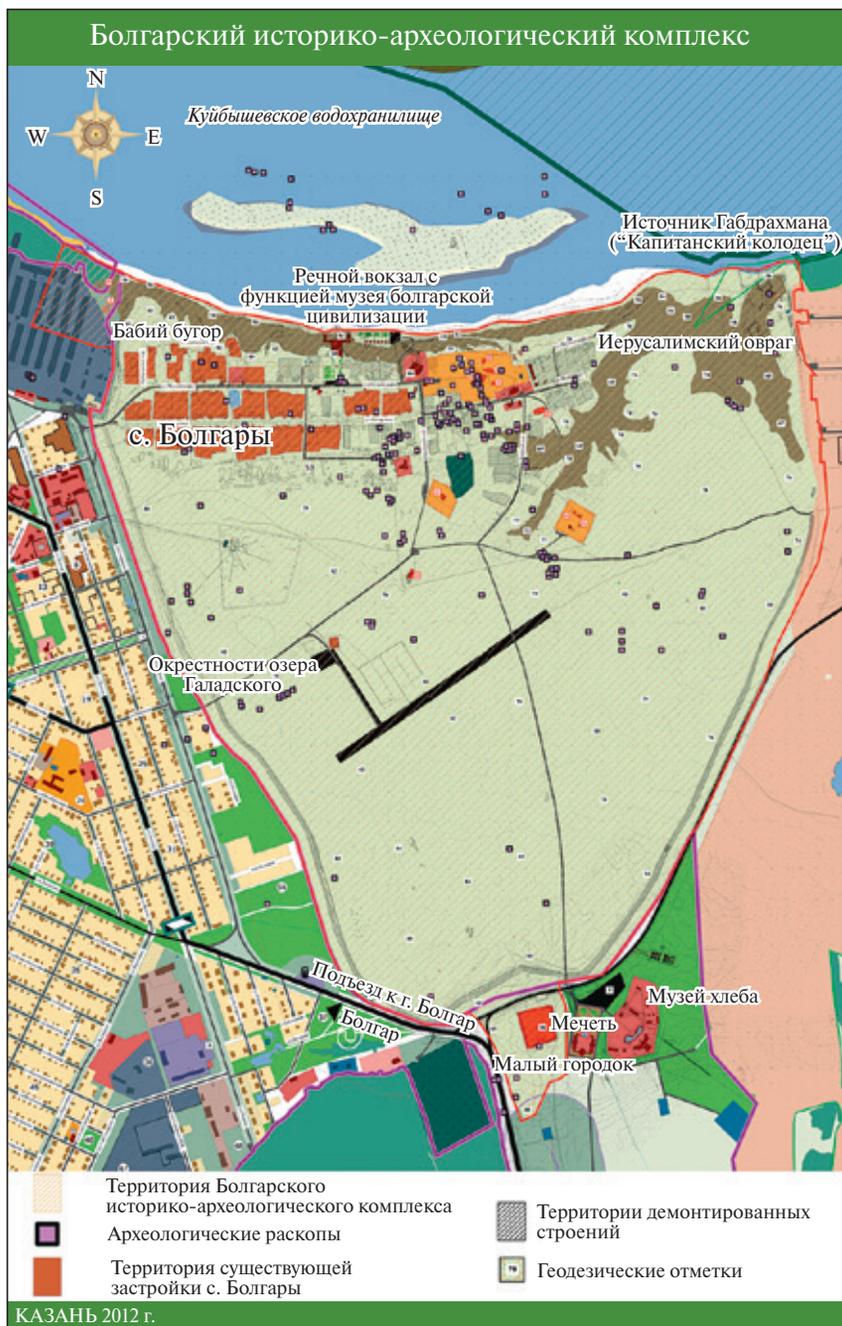

Рис. 126. Болгарский историко-археологический комплекс. План 2012 г.

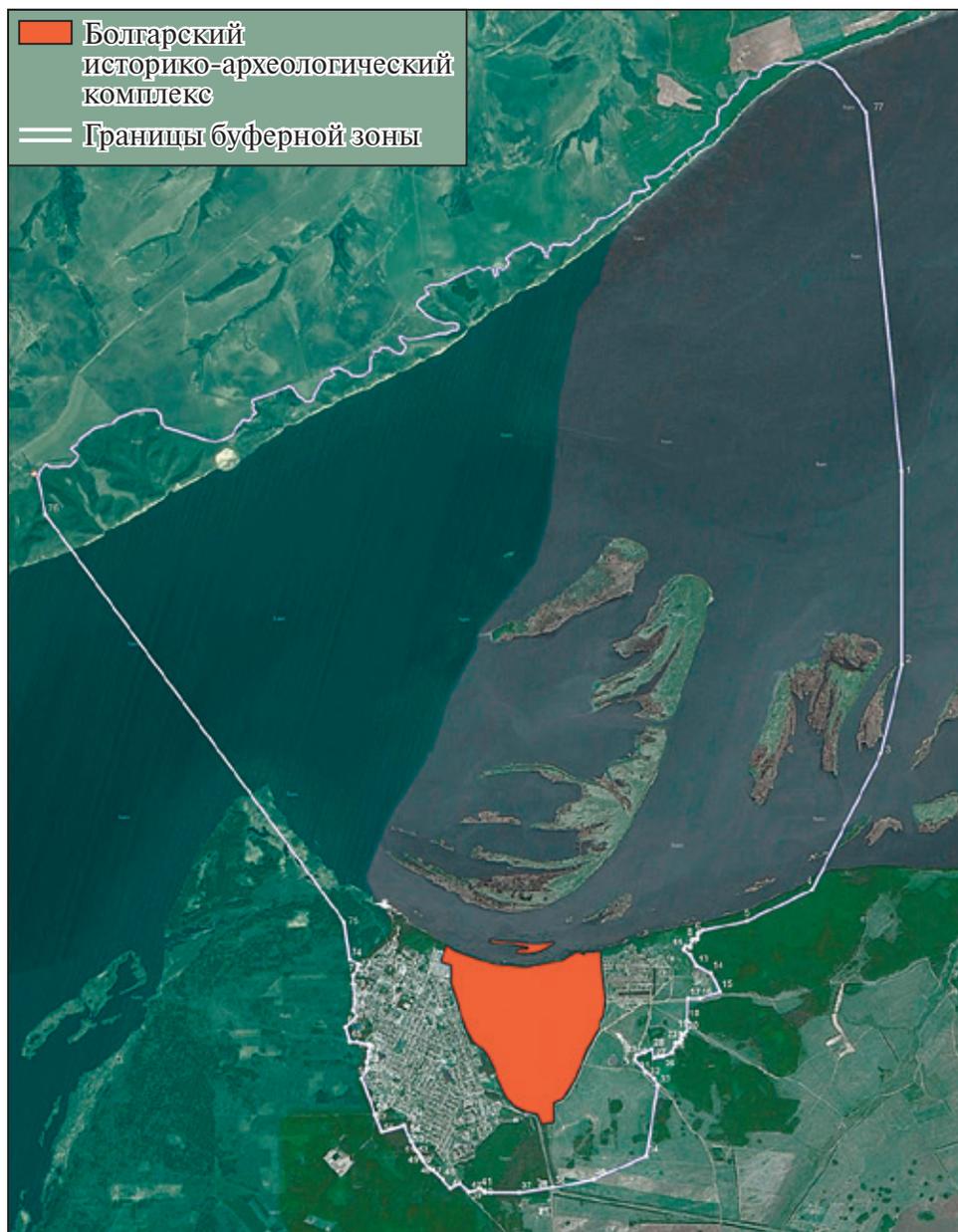

Рис. 127. Болгарский историко-археологический комплекс.
План с границами буферной зоны. 2012 г.

Рис. 128. Декоративное панно «Исторический культурный слой Болгарского городища» в экспозиции Музея Болгарской цивилизации в Болгаре

Рис. 129. Генеральный директор ЮНЕСКО г-жа Ирина Георгиева Бокова и Президент РТ Рустам Нургалиевич Минниханов на торжественном мероприятии, посвященном внесению Болгарского историко-археологического комплекса в список всемирного наследия ЮНЕСКО в Татарском академическом государственном театре оперы и балета им. М. Джалиля. Казань. 20 августа 2014 г.

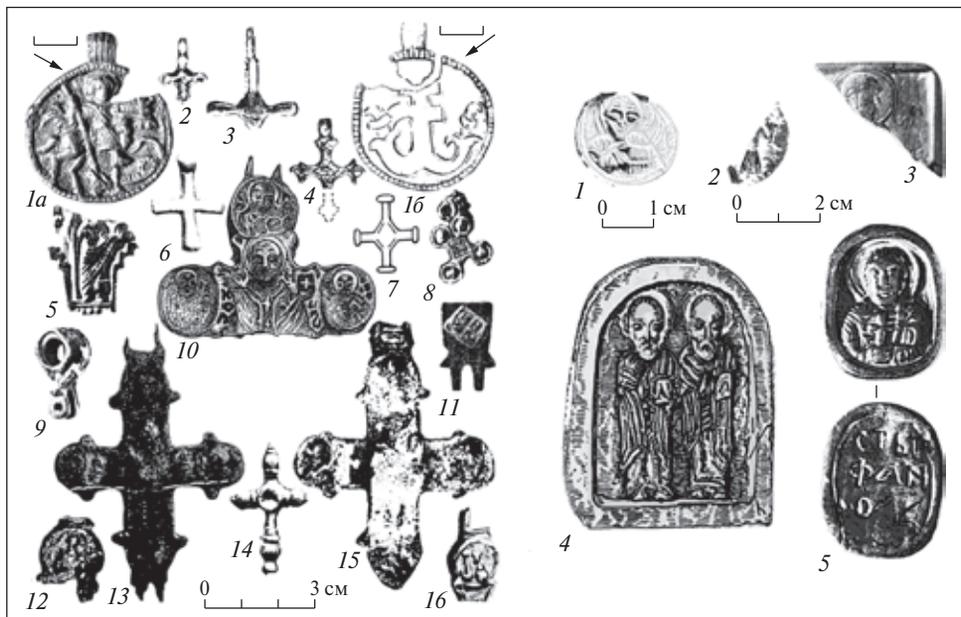

Рис. 130. Предметы христианского благочестия, найденные на территории Болгарского городища и Ага-Базара: кресты, иконки (по М.Д. Полубояриновой)

Рис. 131. Г.И. Семирадский «Похороны знатного руса в Булгаре» 1883 г.

Рис. 132. Торжественный молебен, посвященный годовщине принятия ислама волжскими болгарами. Фото 2007 г.

Рис. 133. Саманидский дирхем, найденный на территории Болгарского городища. 294 г.х. (907 г.)

Рис. 134. Портрет К.Ф. Фукса работы Л.Д. Крюкова. 1828 г.

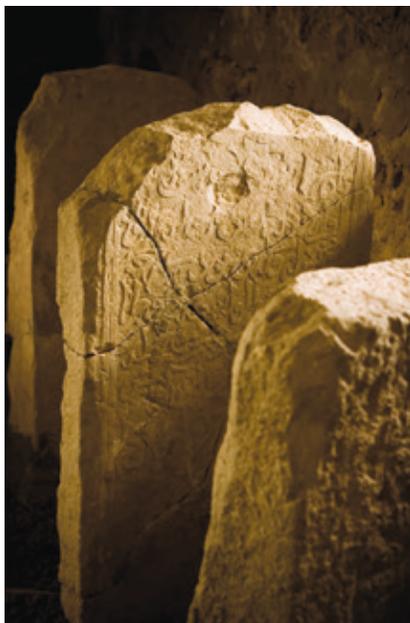

Рис. 135. Намогильные камни, экспонируемые в Северном мавзолее

Рис. 136. Декорации к одноактной опере «Черная палата»

Рис. 137. Клавир балета «Сказание о Йусуфе». Либретто Р. Хариса, музыка Л. Любовского

Рис. 138. К.Г. Евлентьев
(1824–1885)

Рис. 139. Ремонтные работы
на Малом минарете Болгара в 1926 г.
(по Корнилову)

Рис. 140. Состояние каменной кладки
Черной палаты на период ремонтных
работ 1926 г. (по Корнилову)

Рис. 141. Ниша в западной стене
основания Малого минарета в 1926 г.
(по Корнилову)

Рис. 142. А.П. Смирнов и Т.А. Хлебникова на раскопе. Фото. 1950-х годов

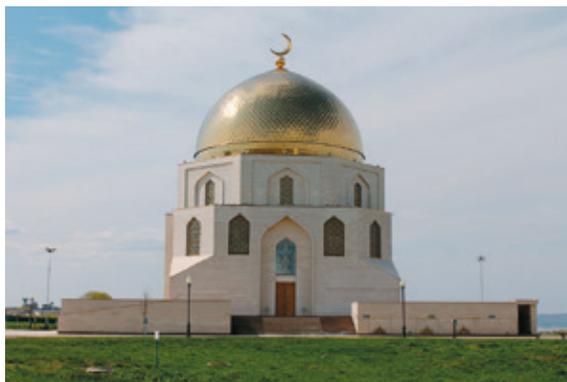

Рис. 143а. Памятный знак в честь принятия ислама волжскими болгарами в 922 году

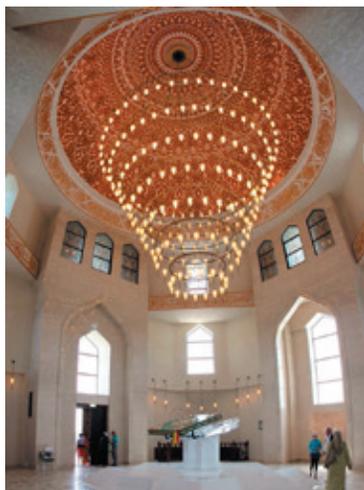

Рис. 143б. Интерьер зала в Памятном знаке, где экспонируется самый большой в мире Коран

Рис. 144а. Белая мечеть

Рис. 144б. Михрабная ниша и минбар (справа) – кафедра для чтения пятничной проповеди в Белой мечети

Рис. 145а. Музей хлеба.
Центральное здание

Рис. 145б. Воспроизведение
жилых построек и хозяйственных
сооружений татарской деревни на
территории Музея хлеба в Болгаре

Рис. 146. Набережная Болгарского
историко-археологического комплекса.
На дальнем плане – Соборная мечеть

Рис. 147. Музей Болгарской цивилизации, вид с реки

Рис. 148а. Центральный вход в Музей Болгарской цивилизации

Рис. 148б. Музей Болгарской цивилизации. Центральная часть экспозиционного зала, посвященного городу Болгару

Рис. 149. Соборная мечеть

Рис. 150. Большой минарет

Рис. 152. Восточный мавзолей

Рис. 151. Северный мавзолей

Рис. 153. Дом с башнями («Ханский дворец»)

Рис. 154. Черная палата

Рис. 155. Малый минарет

Рис. 156. Ханская
усыпальница

Рис. 157. Малый
городок. Южное
здание

Рис. 158. Развалины
Греческой палаты.
Лист из альбома
А. Шмита. 1832 г.

Рис. 159.
Исследование
Центрального базара.
Раскоп CLXXIX

Рис. 160. Раскопки
Южного мавзолея

Рис. 161.
Красная палата
(по А.П. Смирнову)

Рис. 162. Восточная палата после консервационно-реставрационных работ

Рис. 163. Белая палата

Рис. 164а. Успенская церковь

Рис. 164б. Выставка «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища», действующая в интерьере храма Успения Богородицы в Болгаре в настоящее время. Фото БГИАМЗ

Рис. 165. Село Болгары второй половины XX в. на картине С.О. Лывина

Рис. 166. Малый Иерусалимский овраг. Вид на место раннеболгарского поселения первой половины X в.

Рис. 167. Колодец Габдрахмана после реконструкции

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

И.Л. Измайлов. История Болгара по письменным источникам

Рис. 1. Копия листа «Мешхедской рукописи», сделанная для виртуального киоска Музея Болгарской цивилизации.

Рис. 2. А.П. Ковалевский (1895–1969) – *Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб, 2003.

Рис. 3. Путь посольства Ибн Фадлана на Волгу в 922 г. – На стыке континентов и цивилизаций: (из опыта образования и распада империй). М., 1996. С. 8.

Рис. 4. Реконструкция волжского отрезка пути посольства Ибн Фадлана – *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 99.

Рис. 5. Карта мира, предположительно, по ал-Балхи (850–934 или 951) – Българските земи в европейската картографска традиция (III–XIX в.): Атлас [Карты] = The Bulgarian Lands in the European Cartographic Tradition (3rd–19th Centuries): Atlas. София, 2008.

Рис. 6. Карта по ал-Истахри (около 850–934) – Българските земи в европейската картографска традиция (III–XIX в.): Атлас [Карты].

Рис. 7. Александр Македонский сооружает крепостную стену у границ мира, дабы обезопасить ойкумену от варварских народов – йаджудж и маджудж (библейские Гог и Магог). По миниатюре из «Шахнаме». Иран, XIV в. – Фото: GREAT BOLGAR / Ed. A.G. Sitdikov. Kazan, 2015. P. 328.

Рис. 8. Д.А. Хвольсон (1819–1911) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 9. А.Я. Гаркави (1839–1919) – *Маггид Д.Г.* Гаркави, Авраам (Альберт) Яковлевич // ЕЭБЭ. Т. 6: 1906–1913. Стб. 180–183.

Рис. 10. В.В. Бартольд (1869–1930) – *Бартольд В.В.* Сочинения. М, 1963. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия.

Рис. 11. А.С. Фиркович (1787–1874) – *Калинин М.Г.* Караимы // Православная энциклопедия. Т. 30. С. 634–641.

Рис. 12. П.К. Коковцев (1861–1942) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 13. Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмед ал-Бируни (973–1050) – GREAT BOLGAR. P. 51.

Рис. 14. Карта расселения тюркских племён по представлениям Махмуда ал-Кашгари (1029–1101 или 1126) – *Образы и пространство / авт.-сост. А.Г. Ситдииков, Х.М. Абдуллин.* Пермь, 2016. Рис. 1.

Рис. 15. Карта Мухаммада ал-Идриси (1100–1165) для географического сочинения, составленного им в 1154 г. – GREAT BOLGAR. P. 49.

Рис. 16. Итальянский купец и путешественник Марко Поло (1254–1324) – *Книга чудес света / пер. И.П. Минаевой; ред. М. Терешина.* М., 2016.

Рис. 17. Гийом де Рубрук (ок. 1220 – ок. 1293) – GREAT BOLGAR. P. 59.

Рис. 18. Восточный фасад Соборной мечети в Болгаре с техническим разрезом, демонстрирующим внутреннее устройство молельного зала с колоннами и винтовую лестницу для подъема на Большой минарет. Реконструкция для Музея Болгарской цивилизации.

Рис. 19. Интерьер Соборной мечети: вид на южную стену с михрабной нишей (в центре между колоннами) и минбаром (справа). Реконструкция для Музея Болгарской цивилизации.

Рис. 20. Западные въездные ворота Болгара (реконструкция А.М. Губайдуллина).

Рис. 21. Походы ушкуйников. 1 – заставы и разезды, 2, 4 – походы на Среднюю и Нижнюю Волгу, 3 – походы на Каму и Вятку (по Б.А. Рыбакову). – *Очерки русской культуры XIII–XV веков.* М., 1969. Ч. 1: Материальная культура / под ред. А.В. Арциховского.

Рис. 22. Нападение новгородских ушкуйников на город. По миниатюре из Никоновской летописи. XVI в. – GREAT BOLGAR. P. 60.

Рис. 23. Тохтамыш под Москвой. По миниатюре из Лицевого летописного свода. XVI в. – GREAT BOLGAR. P. 62.

И.М. Нестеренко, А.Г. Ситдиков
История изучения и сохранения города Болгара

Рис. 24. «План экономическому селу Болгары, что внутри земляного вала», на котором показано Болгарское городище и основные архитектурные строения города Болгара, сохранившиеся на время проведения чертежных работ. Первая четверть XIX в. Крупным планом выделена территория Болгарского Успенского монастыря XVIII в. – Российский государственный военно-исторический архив. Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища». 2015 г.

Рис. 25. Д.Г. Мессершмидт (1685–1735) – *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань, 2014. С. 768.

Рис. 26. Приезд Петра I в Болгары в 1722 году на картине М.К. Мавровской из собрания БГИАМЗ. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Казань, 2016. Т. 3: Открытие древнего Болгара. С. 14. 23.1.6.

Рис. 27. В.Н. Татищев (1686–1750). С портрета неизвестного художника XIX века по оригиналу XVIII века. – *Кузьмин А.Г.* Татищев. М., 1987. С. 95

Рис. 28. Г.Р. Державин (1743–1816). С портрета 1790-х годов работы И. Смирновского – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 16. 23.1.12.

Рис. 29. Галера «Тверь» на картине А.К. Бегрова, 1879 г. – *Чепелев В.* Галера Тверь и ее печальная судьба // Катера и яхты. 2007. № 1. С. 134; Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища».

Рис. 30. И.И. Лепехин (1740–1802) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 17. 23.1.13.

Рис. 31. Н.Я. Озерецковский (1750–1827) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 17. 23.1.14.

Рис. 32. П.С. Паллас (1741–1811). Гравюра по рисунку Амбруаза Тардье. XVIII в. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 20. 23.1.18.

Рис. 33. Ф.Х. (Иоганн-Фридрих) Эрдман (1778–1846) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 21. 23.1.22.

Рис. 34. Х.Д. Френ (1782–1851) – *Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 2014. С. 588.

Рис. 35. Н.П. Румянцев (1754–1826). С портрета Д. Доу – *Замостьянов А.А.* Фельдмаршал Румянцев. М., 2015. С. 352.

Рис. 36. П.П. Свиныин (1787–1839) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 27. 23.1.31.

Рис. 37. Н.И. Второв (1818–1865) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 38. Александр фон Гумбольдт (1769–1859). Портрет работы Йозефа Карла Штиллера. 1843 г. – *Скурла Г.* Александр Гумбольдт. М., 1985. С. 239

Рис. 39. Э. Турнерелли (1813–1896) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 40. Н.И. Березин (1818–1896) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 41. 23.1.58.

Рис. 41. А. Дюран (1807–1867) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 42. В.Г. Тизенгаузен (1825–1902) – *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса–Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Тюмень, 2008. Т. 1: Античный полис. С. 86.

Рис. 43. А.Ф. Лихачев (1832–1890) – *Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии X – начала XIII в. С. 582.

Рис. 44. С.М. Шпилевский (1833–1907) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 60. 24.1.2.

Рис. 45. К.И. Невоструев (1816–1872) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

- Рис. 46. А.С. Уваров (1825–1884/1885) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256
- Рис. 47. В.В. Радлов (1837–1918) – Тюркологический сборник 1971 г. / Ин-т востоковедения АН СССР. М., 1972.
- Рис. 48. Л.К. Ивановский (1845–1892) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256
- Рис. 49. Первый лист публикации доклада Ш. Марджани в Трудах Археологического съезда в Казани. Перевод доклада на русский язык – Очерк истории Болгарского и Казанского ханств // Труды IV Археологического съезда в Казани. 1884. Т. I. С. 40–58.
- Рис. 50. Первый лист публикации доклада Ш. Марджани в Трудах Археологического съезда в Казани. Арабографичный подлинник на татарском – Очерк истории Болгарского и Казанского ханств. Т. I.
- Рис. 51. Н.Ф. Высоцкий (1843–1922) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 63. 24.1.12.
- Рис. 52. П.И. Кротов (1852–1914) – *Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). С. 768.
- Рис. 53. И.А. Износков (1835–1917) – Чувашская энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Исаев. Чебоксары, 2006–2011. С. 2567.
- Рис. 54. И.Н. Смирнов (1856–1904) – Памяти Ивана Николаевича Смирнова: [Сборник]. Казань, 1904.
- Рис. 55. П.А. Пономарев (1847–1919) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 61. 24.1.7.
- Рис. 56. В.Ф. Смолин (1890–1932) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 77. 24.1.38.
- Рис. 57. М.Г. Худяков (1894–1936) – *Руденко К.А.* Археология Волжской Булгарии X – начала XIII в. С. 595.
- Рис. 58. А.А. Штукеберг (1844–1905) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 62. 24.1.8.
- Рис. 59. Н.Н. Фирсов (1864–1934) – Чувашская энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Исаев. Чебоксары, 2006–2011. С. 2567.
- Рис. 60. А.С. Башкиров (1885–1963) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 81. 24.1.43.
- Рис. 61. П.М. Дульский (1879–1956) – Дульский Пётр Максимилианович: Каталог произведений из собрания Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан. Казань, 2009. С. 2.
- Рис. 62. В.М. Королев (1885–1972) – хранитель древностей Болгара. Фото 1965 г. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 103. 26.1.5.
- Рис. 63. Панорама села Болгары-Успенское. Вид с Малого минарета. Фото А.С. Башкирова, 2–3 июня 1912 г. – Российский государственный военно-исторический архив. Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища». 2015 г.
- Рис. 64. Состояние памятников Болгара в начале XX в. Руины Соборной мечети. Вид с западной стороны. Фото А.С. Башкирова. 1912 г. Собрание МА РТ ИА РТ.
- Рис. 65. Н.Ф. Калинин (1888–1959) – основоположник Казанской школы археологов – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей болгарской цивилизации. Т. 3. С. 108. 26.1.19.
- Рис. 66. План Болгарского городища с деталями археологических наблюдений. 1932–1942 гг. Составитель: Н.Ф. Калинин – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 108–109. 26.1.20.
- Рис. 67. На раскопках в Болгаре. Участники Куйбышевской археологической экспедиции во время воскресного обхода. Слева направо: З.А. Акчурина, А.П. Смирнов (с блокнотом в руках), Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская. Фото 1946 г. из собрания БГИИМЗ – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3.

Рис. 68. Члены Поволжской археологической экспедиции в день отъезда. Справа налево: В.И. Ледяйкин, А.П. Смирнов, Т.А. Хлебникова, Ю.А. Краснов (седьмой), П.Н. Конев (десятый), А.Г. Петренко (одиннадцатая). Фото. 1968 г. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 121. 26.2.33.

Рис. 69. Г.А. Федоров-Давыдов (1931–2000) – руководитель Поволжской археологической экспедиции АН СССР с 1974 г. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 123.26.2.39

Рис. 70. В.В. Путин, Р.Н. Минниханов и М.Ш. Шаймиев в Болгаре 28 августа 2012 г. во время осмотра Соборной мечети в центральной части Болгарского городища (фото М. Козловского) – https://tatarstan.ru/file/photoreport/print_422281_362044.jpg
<https://prav.tatarstan.ru/pressa/photo.htm/photoreport/422281.htm>

Х.М. Абдуллин. Охрана археологических и архитектурных памятников Болгарского городища в XIX веке

Рис. 71. Николай I (1796–1855). С портрета Джорджа Доу из собрания Русского музея. 1828 г. – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 72. В.С. Ланской (1754–1831). Портрет работы неизвестного художника. 1800 г. – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 73. Казанский губернский прокурор Г.И. Солнцев (1786–1866) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 74. А.А. Закревский (1783–1865) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 75. Древние вещи из Болгара. Лист X из Атласа IV археологического съезда в Казани. 1889 г. – Библиотека Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Рис. 76. Предписание казанского вице-губернатора Хитрово уездным исправникам о недопустимости кладонскаательства. 1884 г. НА РТ – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 67. 24.1.19.

Рис. 77. Предписание Спасскому уездному исправнику о недопустимости несанкционированных раскопок на территории Болгарского городища. 1914 г. (Лицевая сторона) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3.

Рис. 78. Предписание Спасскому уездному исправнику о недопустимости несанкционированных раскопок на территории Болгарского городища. 1914 г. (Оборотная сторона) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 67. 24.1.19.

Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдигов. Археологическое изучение Болгара в 2010–2015 годах

Рис. 79. Сводный план раскопа СХХIII 1994–2011 гг. (по Р.Ф. Шарифуллину) – GREAT BOLGAR. 2015. С. 72.

Рис. 80. Схема расположения раскопов CLXXIX и СХСII, совмещенная с планом монументального сооружения «Городской базар» середины XIV в. (по В.Ю. Ковалю и Д.Ю. Бадееву) – Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2016. С. 7.

Рис. 81. Руины бани № 2 в процессе музеефикации – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 238–239.

Рис. 82. Защитный павильон над баней № 2 – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 238–239.

Рис. 83. Каменная постройка 40–60-х годов XIV в., получившая название «Здание с башней» (по А.Г. Ситдигову, И.В. Волкову и О.В. Лопан) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдигов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 190–191.

Рис. 84. Общий план раскопа CLXXIV с руинами южного мавзолея и погребениями некрополя (по И.И. Елкиной и А.В. Лазукину) – Археологические исследования 2012 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2013. С. 7.

Рис. 85. Цифровая космосъемка юго-западной окраины Болгарского городища с раскопами СС1, ССН, ССНП (по А.Г. Ситдикову, И.В. Волкову и О.В. Лопан) – Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. Казань, 2015. С. 22.

Рис. 86. План «Малого городка» с объектами исследований 2013 и 2015 гг. (по И.И. Елкиной и А.В. Лазукину) – Археологические исследования 2015 г.

Рис. 87. Горн для обжига керамической посуды XIV в. на раскопе CLXXXII (по Т.Р. Губайдуллину и Р.Р. Валиеву) – Археологические исследования 2012 г. С. 15.

Рис. 88. Кувшин с дегтем из раскопок на месте строительства Памятного знака. Раскоп CLVI. Исследователь М.В. Сивицкий – Фото из отчета ИА АН РТ 2011 г.

Рис. 89. План Болгарского городища с раскопами 2010–2015 гг. – Археологические исследования 2016 г.: Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2016.

С.Г. Персова, А.Г. Ситдиков, Р.Р. Хайрутдинов
История Болгарского музея-заповедника

Рис. 90. Склад надгробий и архитектурных деталей в Черной палате. Снимок 1894 г. – Фото из собрания МА РТ ИА АН РТ.

Рис. 91. Склад надгробий и архитектурных деталей в Черной палате. Фото А.С. Башкирова, 1912 г. – Фото из собрания МА РТ ИА АН РТ.

Рис. 92. И.Э. Грабарь (1871–1960) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 93. А.П. Смирнов (1899–1974) – Поволжские Помпеи. Казань, 2010. С. 73.

Рис. 94. Л.А. Давид (1914–1994) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 95. Решение Министерства культуры РСФСР об организации в 1968 г. на базе Болгарского городища филиала республиканского краеведческого музея с последующим переводом его в самостоятельный архитектурно-археологический заповедник республиканского (РСФСР) значения – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 162. 26.5.2.

Рис. 96. Постановление Совмина ТАССР об открытии на базе Болгарского городища Государственного историко-архитектурного заповедника. № 222 от 14 апреля 1969 г. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 163. 26.5.3.

Рис. 97. Д.Г. Мухаметшин (род. 1946) – первый директор БГИАМЗ – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации., 2016. Т. 3. С. 163. 26.5.4.

Рис. 98. Н.Д. Аксенова (род. 1928) – GREAT BOLGAR, 2015. С. 399; *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации., 2016. Т. 3. С. 129. 26.2.59.

Рис. 99. М.М. Кавеев (1954–2008) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 139. 26.2.91.

Рис. 100. Археологическая выставка в здании Успенской церкви. 1980-е годы – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 14. 23.1.6.

Рис. 101. Скульптура болгарского воина в экспозиции БГИАМЗ. Автор Н.И. Адылов – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 171. 26.5.22.

Рис. 102. Намаз на Соборной мечети в рамках торжеств, посвященных 1100-летию официального принятия ислама в Волжской Болгарии. 1989 г. Собрание БГИАМЗ – GREAT BOLGAR, 2015.

Рис. 103. Рафиков И. Пристань в Болгарах. 1993 г. Собрание БГИАМЗ – GREAT BOLGAR. Р. 356.

В.Н. Калуцков, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин
Природный ландшафт Болгарского городища

Рис. 104. Природные ландшафты Болгарского городища (авторы В.Н. Калуцков, А.И. Глухов, составитель А.И. Глухов) – Авторское фото.

Рис. 104 (окончание). Легенда к карте «Природные ландшафты Болгарского городища»

Рис. 105. Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского городища (автор В.Н. Калуцков, составитель А.И. Глухов) – Авторское фото.

Рис. 105 (окончание). Легенда к карте «Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского городища»

Рис. 106. Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского городища (автор В.Н. Калуцков, составитель А.И. Глухов) – Авторское фото.

Рис. 106 (окончание). Легенда к карте «Проблемные территориальные комплексы на территории Болгарского городища»

Рис. 107. Экологически ценные природные объекты на территории Болгарского городища (автор В.Н. Калуцков, составитель А.И. Глухов) – Авторское фото.

Рис. 108. Цветущий дрок красильный. Фото В.Н. Калуцкова – Авторское фото.

Рис. 109. Естественный массив ковыля. Фото В.Н. Калуцкова – Авторское фото.

Рис. 110. Дуб на Болгарском городище. Фото В.Н. Калуцкова – Авторское фото.

Рис. 111. Правый задернованный отвершек оврага Большой Иерусалимский. По правому борту оврага видна нора. Фото В.Н. Калуцкова – Авторское фото.

В.С. Баранов, Р.М. Валеев, А.Г. Ситдинов, Р.Р. Хайрутдинов
Древний Болгар в истории и культуре Евразии

Рис. 112. Г.Р. Державин на рисунке М.К. Мавровской «Гимназист Г. Державин в Болгарах 1761 г.». Собрание БГИАМЗ – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 16. 23.1.12.

Рис. 113. И.И. Шишкин (1832–1898) на автопортрете 1886 г. – Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища».

Рис. 114. И.Э. Грабарь (1871–1960) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 115. А.К. Саврасов (1830–1897). 1870-е годы – Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища».

Рис. 116. Г.Г. Чернецов. Братья Поликарп и Никанор Григорьевичи Чернецовы в Риме. – Подлинник хранится в Государственном Русском музее Санкт-Петербурга; Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища».

Рис. 117. Ш. Марджани (1815–1889) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 88.25.1.

Рис. 118. К. Насыри (1825–1902) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 89.25.3.

Рис. 119. Х. Фаизханов (1823–1866) – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 89. 25.4.

Рис. 120. Петр Первый. Репродукция цветной раскрашенной литографии с портрета Жана Натье. Государственный Исторический музей – Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища».

Рис. 121. «Портрет Екатерины II в дорожном костюме». 1787 г. Копия неизвестного художника XVIII века. Херсонский художественный музей им. А.А. Шовкуненко – Материалы к выставке «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища».

Рис. 122. Бату хан (ок. 1209–1255/1256). Копия рисунка из китайского манускрипта «История первых четырех ханов из дома Чингиза». Конец XIII в. – GREAT BOLGAR. P. 17.

Рис. 123. Берке хан (1209–1266). С акварели Р.Г. Шамсутдинова – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 124. Ахмед ибн Фадлан с посланием к царю Альмушу на картине Л.А. Фаттахова. 1971 г. – GREAT BOLGAR. P. 48.

Рис. 125. Карта маршрута посольства. Ибн Фадлана, экспонируемая в Памятном знаке в честь принятия ислама волжскими болгарами. Автор: Р.А. Габбасов – GREAT BOLGAR. Р. 48.

Рис. 126. Болгарский историко-археологический комплекс. План 2012 г. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3.

Рис. 127. Болгарский историко-археологический комплекс. План с границами буферной зоны. 2012 г. – GREAT BOLGAR. Р. 359.

Рис. 128. Декоративное панно «Исторический культурный слой Болгарского городища» в экспозиции Музея Болгарской цивилизации в Болгаре. Авторы: И. Артамонов, В. Баранов, А. Леухин, Ф. Валиуллин, Р. Шигабутдинов, И. Щетинин – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 56–57.

Рис. 129. Генеральный директор ЮНЕСКО г-жа Ирина Георгиева Бокова и Президент РТ Рустам Нургалиевич Минниханов на торжественном мероприятии, посвященном внесению Болгарского историко-археологического комплекса в список всемирного наследия ЮНЕСКО в Татарском академическом государственном театре оперы и балета им. М. Джалиля. Казань. 20 августа 2014 г. Р. 380.

Рис. 130. Предметы христианского благочестия, найденные на территории Болгарского городища и Ага-Базара: кресты, иконки (по М.Д. Полубояриновой) – *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. / отв. ред. С.А. Плетнева. М., 1993. Рис. 2, 3.

Рис. 131. Г.И. Семирадский. Похороны знатного руса в Булгаре. 1883 г. Государственный Исторический музей – Великий Болгар. Москва, Казань, 2013. С. 89.

Рис. 132. Торжественный молебен, посвященный годовщине принятия ислама волжскими болгарами. Фото 2007 г. – Великий Болгар. Москва, Казань, 2013. С. 279.

Рис. 133. Саманидский дирхем, найденный на территории Болгарского городища. 294 г.х. (907 г.). Собрание БГИАМЗ – GREAT BOLGAR, 2015. С. 114.

Рис. 134. Портрет К.Ф. Фукса работы Л.Д. Крюкова. 1828 г. – Карл Фукс: Научно-биографический сборник. Казань, 2005. Цв. вклейка.

Рис. 135. Намогильные камни, экспонируемые в Северном мавзолее – GREAT BOLGAR. Р. 308.

Рис. 136. Декорации к одноактной опере «Черная палата» – <http://www.islam-portal.ru/povosti/104/5369/>

Рис. 137. Клавиры балета «Сказание о Йусуфе». Либретто Р. Хариса, музыка Л. Любовского – <http://kitaphane.tatarstan.ru/lubovski/yusuf.htm>

Рис. 138. К.Г. Евлентьев (1824–1885) – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256

Рис. 139. Ремонтные работы в Болгаре в 1926 г. (по Корнилову) – *Корнилов П.Е.* Ремонт в Болгарах в 1926 г. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1927. Вып. 1.

Рис. 140. Состояние каменной кладки Черной палаты на период ремонтных работ 1926 г. (По Корнилову) – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Казань, 1927. Вып. 1.

Рис. 141. Ниша в западной стене основания Малого минарета в 1926 г. (По Корнилову) – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. 1.

Рис. 142. А.П. Смирнов и Т.А. Хлебникова на раскопе. Фото. 1950-х годов – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 121, 26.2.33.

Рис. 143а. Памятный знак в честь принятия ислама волжскими болгарами – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 263.

Рис. 143б. Интерьер зала в Памятном знаке, где экспонируется самый большой в мире Коран – *Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 361.

Рис. 144а. Белая мечеть – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г.* Музей болгарской цивилизации. Т. 3. С. 263.

Рис. 144б. Михрабная ниша и минбар (справа) – кафедра для чтения пятничной проповеди в Белой мечети Болгара – *Валеев Р.М., Ситдииков А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 367.

- Рис. 145а. Музей хлеба. Центральное здание – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей болгарской цивилизации. Т. 3. С. 263.
- Рис. 145б. Воспроизведение жилых построек и хозяйственных сооружений татарской деревни на территории Музея хлеба в Болгаре – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 368.
- Рис. 146. Набережная Болгарского историко-археологического комплекса. На дальнем плане – Соборная мечеть – *Ситдинов А.Г., Измайлов И.Л.* Музейный парк: Путеводитель по музейному парку БГИАМЗ., 2018.
- Рис. 147. Музей Болгарской цивилизации, вид с реки – *Ситдинов А.Г., Бугров Д.Г., Измайлов И.Л., Мухаметшин Д.Г.* Встреча в Болгаре., 2014.
- Рис. 148а. Центральный вход в Музей Болгарской цивилизации – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 263.
- Рис. 148б. Музей Болгарской цивилизации. Центральная часть экспозиционного зала, посвященного городу Болгару – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 1. С. 210–211.
- Рис. 149. Соборная мечеть – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Казань, 2016. Т. 1: Болгар – объект всемирного наследия ЮНЕСКО. С. 399.
- Рис. 150. Большой минарет – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 151. Северный мавзолей – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 152. Восточный мавзолей – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 263.
- Рис. 153. Дом с башнями («Ханский дворец») – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 263.
- Рис. 154. Черная палата – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 155. Малый минарет – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 156. Ханская усыпальница – https://repository.kpfu.ru/?p_id=202256
- Рис. 157. Малый городок. Южное здание – GREAT BOLGAR. С. 261.
- Рис. 158. Развалины Греческой палаты. Лист из альбома А. Шмита 1832 г. – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 38. 23.1.48.
- Рис. 159. Исследование Центрального базара. Раскоп CLXXIX – Археологические исследования 2014 г. С. 9.
- Рис. 160. Раскопки Южного мавзолея – *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3. С. 184.
- Рис. 161. Красная палата (по А.П. Смирнову) – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 162. Восточная палата после консервационно-реставрационных работ – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 163. Белая палата – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 164а. Успенская церковь – *Валеев Р.М., Ситдинов А.Г., Хайрутдинов Р.Р.* Болгарский историко-археологический комплекс. Т. 1. С. 399.
- Рис. 164б. Выставка «Успенская церковь в историко-культурном ландшафте Болгарского городища», действующая в интерьере храма Успения Богородицы в Болгаре в настоящее время. Фото БГИАМЗ
- Рис. 165. Село Болгары на картине С.О. Лывина – GREAT BOLGAR. С. 291.
- Рис. 166. Малый Иерусалимский овраг. Вид на место раннеболгарского поселения первой половины X в. – Фото из материалов к изданию: *Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдинов А.Г.* Музей Болгарской цивилизации. Т. 3.
- Рис. 167. Колодец Габдрахмана после реконструкции – *Ситдинов А.Г., Измайлов И.Л.* Музейный парк: Путеводитель по музейному парку БГИАМЗ., 2018. С. 104. 105.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АИА АН	– Архив Института археологии Академии наук
АН СССР	– Академия наук СССР
АН РУз	– Академия наук Республики Узбекистан
АН УзССР	– Академия наук Узбекской ССР
АО	– Археологические открытия
БГИАЗ	– Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник
БГИАМЗ	– Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГМТР	– Государственный музей Татарской Республики
Док. Фонд БГИАЗ	– Фонд «Документы» Болгарского государственного историко-архитектурного заповедника
ЕЭБЭ	– Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИВ АН СССР	– Институт востоковедения Академии наук СССР
ИЗ	– Исторические записки
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИККРОМ	– Международный исследовательский центр по сохранению и реставрации культурных ценностей
ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИЯЛИ КФАН СССР	– Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МА РТ ИА АН РТ	– Музей археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан
МВД	– Министерство внутренних дел
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МСОП	– Международный союз охраны природы и природных ресурсов
НА РТ	– Национальный архив Республики Татарстан
Наркомзем	– Народный комиссариат земледелия
Наркомпрос	– Народный комиссариат просвещения
НИУ ВШЭ	– Научно-исследовательский университет Высшей школы экономики
НФ МА РТ ИА АН	– Научный фонд Музея археологии Института археологии Республики Татарстан

ОАИЭ	– Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОАК	– Отчеты Археологической комиссии
ПГПИ	– Пензенский государственный педагогический институт
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РИО	– Русское историческое общество
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СНРПМ	– Специальная научно-реставрационная производственная мастерская
Татнаркомпрос	– Народный комиссариат просвещения ТАССР
ТВОИАО	– Труды Восточного отделения императорского Археологического общества
Труды ГИМ	– Труды Государственного исторического музея
ТОДРЛ	– Труды Отдела древнерусской литературы
ЧГПУ	– Чувашский государственный педагогический университет
Чувашский НИИ ЯЛИЭ	– Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
ЮНЕСКО	– специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	3
<i>И.Л. Измайлов</i>	
ИСТОРИЯ БОЛГАРА ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ	5
Болгар в X–XIII веках	5
Болгар в период Золотой Орды (вторая половина XIII – первая половина XV века)	16
<i>И.М. Нестеренко, А.Г. Ситдииков</i>	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ГОРОДА БОЛГАРА	35
<i>Х.М. Абдуллин</i>	
ОХРАНА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА В XIX ВЕКЕ	60
<i>Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдииков</i>	
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БОЛГАРА В 2010–2015 ГОДАХ	73
<i>С.Г. Персова, А.Г. Ситдииков, Р.Р. Хайрутдинов</i>	
ИСТОРИЯ БОЛГАРСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	89
<i>В.Н. Калуцков, О.Е. Штеле, П.М. Шульгин</i>	
ПРИРОДНЫЙ ЛАНДШАФТ БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА	96
Природно-культурная ситуация Болгарского городища	96
Характеристика и эколого-культурная оценка ландшафта	97
Опасные и неблагоприятные природные процессы на территории Болгарского городища	102
Экологически ценные природные объекты на территории Болгарского городища	103
<i>В.С. Баранов, Р.М. Валеев, А.Г. Ситдииков, Р.Р. Хайрутдинов</i>	
ДРЕВНИЙ БОЛГАР В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЕВРАЗИИ	106
Болгар как объект наследия с выдающейся универсальной ценностью	108
Болгарское городище – символ геополитических и исторических преобразований Евразии в X – начале XXI века	113
Основы современной политики управления Болгарским комплексом	131
Памятники Болгарского комплекса	141
Локальные археологические объекты	141
Каменные и кирпичные здания XIII–XIV веков	146
Мавзолеи	157
Бани	161
Памятники русского села Болгары	164
Культурный и природный ландшафт	166
ИЛЛЮСТРАЦИИ	181
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	261
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	269

Научное издание

ГОРОД БОЛГАР
История изучения и сохранения

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан

Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Корректоры *Р.В. Молоканова, В.П. Терехов*

Подписано к печати 12.02.2021
Формат 70 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 19,89. Уч.-изд.л. 19,89
Тип. зак.

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6